

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FOUR

JULY – AUGUST

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2026

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 4

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **МУХАЧЁВА Ирина Валерьевна**, к.ф.н., преподаватель кафедры русского языка МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **РАЗЛОГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЗЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи** (Jean-Louis Backès), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко** (Branko Vraneš), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй** (Dai Guiju), PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна** (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва** (Eva Kollárová), PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕБЕРС Даниэль** (Daniel Leuwers), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна** (Biljana Mirchevska Bosheva), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович** (Nasirulla Mirkurbatov), к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбек); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РОВДО Иван Семенович** (Ivan Rovdo), д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен** (Irène Sokologorsky), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко** (Boško Suvajdzic), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонора Дюсеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен** (Mladen Uhlík), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилия** (Emilija Crvenkovska), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2026
© «Вестник Московского университета», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ. ЛИНГВИСТИКА

<i>Гращенков П.В.</i> И все-таки она плоская! Заметки о структуре сочиненной составляющей	9
<i>Борисова Е.Г., Михайлова С.В., Васильцова А.В., Калятин И.С.</i> Хезитаторы и пустые слова: функционально-описательный аспект	25
<i>Чернейко Л.О., Кудряшова М.И.</i> Асимметричный языковой знак и его роль в организации художественного текста (на материале романа Е. Водолазкина «Брисбен»)	40
<i>Ло Сюе.</i> Образ Тибета в русском интернет-дискурсе	53
<i>Колобродова Е.А.</i> Частица и союз <i>даже</i> в древнерусском языке (типологическая перспектива)	63
<i>Руссо М.М.</i> «Белое золото» на языковой карте мира	77
<i>Лаптинова А.И.</i> Отраслевая терминология в составе концептосферы “CLIMATE CHANGE” (“ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА”): структура и онтологические характеристики	86
<i>Архипова И.В.</i> Таксисные синкреты в системе немецкого языка	98

СТАТЬИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Гимадеев И.Р.</i> Щит Ганнибала в поэме Силия Италика (Sil. II 395–452)	113
<i>Октябрьская-Кисничан А.И.</i> Специфика исторической памяти в прозе Н.С. Соханской (Кохановской) о севастопольской обороне	124
<i>Соколова Е.В.</i> Франц Кафка и «голос Другого» в «Головокружениях» В.Г. Зебальда	133
<i>Мазина Я.В.</i> Комическое и принципы его воплощения в повести А. Волкова «Волшебник Изумрудного города»	146
<i>Румянцева С.А.</i> В. Каверин как литературный герой (романы В. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» и О. Форш «Сумасшедший корабль»)	154
<i>Сенина Е.В.</i> Образ восприятия китайцев и японцев в мемуарах Израэля Эпштейна	163
<i>Зайцев Д.В.</i> Живопись А. Бёклина в художественном сознании И.А. Бунина	175

<i>Выволокина Д.Д.</i> Тема театра и театральности в драме Салватора Эсприу «Еще одна Федра, если вам угодно»	184
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Щавлинский М.С.</i> Рецензия на книгу: Бунин И.А. Критика и публицистика 1911–1953 годов / отв. ред. А.В. Бакунцев; сост. А.В. Бакунцев, С.Н. Морозов, О.А. Коростелев; предисл., подгот. текста и коммент. А.В. Бакунцева, С.Н. Морозова. М.: ИМЛИ РАН, 2025. 1144 с.; ил.	192
<i>Лаппо-Данилевский К.Ю.</i> Рецензия на книгу: Лямина Е., Самовер Н. Иван Крылов — Superstar. Феномен русского баснописца. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 760 с.; ил.	198
<i>Руденко М.С.</i> Рецензия на книгу: Лувэй Цзоу, Михайлова М.В. Женская линия в русской поэзии: до и после Ахматовой. М.; СПб.: Нестор-История, 2023. 204 с.	207

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Бархударова Е.Л., Короткова О.Н., Красильникова Л.В., Потёмкина Е.В.</i> VIII Международная научная конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного»	215
<i>Исакова И.Н.</i> Международная научная конференция «Новое в литературоведении: тенденции и перспективы развития науки о литературе в современном мире. К 65-летию кафедры теории литературы»	228

ПАМЯТИ...

<i>Чекалина Е.М.</i> Светлой памяти Ольги Александровны Смирницой (14.12.1938–19.03.2026)	234
---	-----

CONTENTS

ARTICLES. LINGUISTICS

<i>Grashchenkov P.V.</i> And Yet It's Flat! Some Remarks on the Structure of Coordination	9
<i>Borisova E.G., Mikhailova S.V., Vasiltsova A.V., Kalyatin I.S.</i> Hesitators and Filler Words: Functional and Descriptive Aspect	25
<i>Chernejko L.O., Kudryashova M.I.</i> Asymmetric Linguistic Sign and Its Role in the Organization of a Literary Text (Based on the Novel <i>Brisbane</i> by E. Vodolazkin)	40
<i>Luo Xue.</i> The Image of Tibet in Russian Internet Discourse	53
<i>Kolobrodova E.A.</i> The Particle and Conjunction <i>dazhe</i> 'Even' in Old East Slavic (a Typological Perspective)	63
<i>Russo M.M.</i> "White Gold" on the World Language Map	77
<i>Laptnova A.I.</i> Industry-Specific Terminology Within the Conceptual Sphere of Climate Change: Conceptual Structure and Ontological Characteristics	86
<i>Arkhipova I.V.</i> Taxis Syncretisms in the German Language System	98

ARTICLES. LITERARY CRITICISM

<i>Gimadeev E.R.</i> Hannibal's Shield in the Poem of Silius Italicus (Sil. II 395–452)	113
<i>Oktyabrskaya-Kisnichan A.I.</i> The Specifics of Historical Memory in N.S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya)'s Prose on the Siege of Sevastopol	124
<i>Sokolova E.V.</i> Franz Kafka and "The Voice of Another" in W.G. Sebald's <i>Vertigo</i>	133
<i>Mazina Y.V.</i> The Comic and Its Principles of Embodiment in A. Volkov's Fairy Tale <i>The Wizard of the Emerald City</i>	146
<i>Rumyantseva S.A.</i> V. Kaverin as a Literary Hero (in the Novels <i>The Brawler, or Evenings on Vasilyevsky Island</i> by V. Kaverin and <i>The Crazy Ship</i> by O. Forsh)	154
<i>Senina E.V.</i> The Perception of the Chinese and the Japanese in the Memoirs of Israel Epstein	163

<i>Zaitsev D.V.</i> Arnold Böcklin's Painting in Ivan Bunin's Artistic Consciousness	175
<i>Vyvolokina D.D.</i> The Theme of Theatre and Theatricality in Salvador Espriu's Drama <i>Another Phaedra, Please</i>	184

REVIEWS

<i>Shchavlinskii M.S.</i> Book review: Bunin I.A. Criticism and Journalism 1911–1953 / Ed. by A.V. Bakuntsev; Comp. by A.V. Bakuntsev, S.N. Morozov, O.A. Korostelev; Preface, Text Preparation and Comments by A.V. Bakuntsev, S.N. Morozov. Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2025. 1144 p.: ill.	192
<i>Lappo-Danilevskii K.Yu.</i> Review of the Book: Liamina E., Samover N. Ivan Krylov — Superstar. The Phenomenon of the Russian Fable Writer. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2024. 760 p.; ill.	198
<i>Rudenko M.S.</i> Book review: Luwei Tzou, Mikhailova M.V. The Feminine Line in Russian Poetry: Before and After Akhmatova. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2023. 204 p.	207

ACADEMIC LIFE

<i>Barkhudarova E.L., Korotkova O.N., Krasilnikova L.V., Potemkina E.V.</i> VIII International Scientific Conference “Text: Problems and Prospects. Aspects of Studying Teaching Russian as a Foreign Language”	215
<i>Isakova I.N.</i> International Conference “New Developments in Literary Studies: Trends and Future Prospects of Literary Criticism in Modern World. On the 65 th Anniversary of the Department of Literary Theory”	228

IN MEMORIAM

<i>Chekalina E.M.</i> In Memory of Olga Alexandrovna Smirnitskaya (14.12.1938–19.03.2026)	234
---	-----

СТАТЬИ. ЛИНГВИСТИКА

И ВСЕ-ТАКИ ОНА ПЛОСКАЯ! ЗАМЕТКИ О СТРУКТУРЕ СОЧИНЕННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

П.В. Гращенко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; pavel.gra@gmail.com

Аннотация: В работе рассматриваются факты организации сочинительных структур в типологически и генетически различных языках. Будучи основанными на данных европейских языков, большинство подходов к сочинению в современном синтаксисе предполагают иерархическую организацию структуры. Отчасти это требование продиктовано внутритеоретическими причинами, отчасти — языковым материалом. Иерархическая структура представлена разными вариантами в работах разных авторов, но главная особенность такого подхода — выделенная роль союзного средства. В работе рассматриваются данные нивхского и тюркских языков. Организация сочиненных составляющих в данных языках существенно отличается от языков типа русского или английского. В случае нивхского языка мы последовательно рассматриваем способы сочинения основных типов проекций: именной группы и клаузы. Как мы показываем, характерная для европейских языков структура типа «А & В» вообще не встречается в нивхском. Вместо этого в нивхском языке используется либо структура вида «А & В &», либо структура с конвербами, как и в тюркских глагольных проекциях. Важной особенностью ряда продуктивных нивхских конструкций с сочинением является выражение грамматических признаков на маркерах сочинения, каждый из которых располагается на отдельном конъюнкте. На основе рассмотренных нивхских и тюркских данных ставится под сомнение необходимость иерархического подхода к сочинению. Отсутствие явно выраженного «ядра» сочиненной составляющей, сочинительного союза, не позволяет считать подобный анализ универсальным.

Ключевые слова: синтаксис; сочинение; именная группа; простая предикация; нивхский язык; тюркские языки

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/> (https://rscf.ru/project/22-18-00037/%22%20%5Ct%20%22_blank), реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-1

Для цитирования: Гращенко П.В. И все-таки она плоская! Заметки о структуре сочиненной составляющей // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 9–24.

AND YET IT'S FLAT! SOME REMARKS ON THE STRUCTURE OF COORDINATION

Pavel V. Grashchenkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; pavel.gra@gmail.com

Abstract: The paper examines organization of coordinate structures in typologically and genetically diverse languages. Being based on data from European languages, most approaches to coordination in modern syntax assume a hierarchical structure. This requirement is partly due to internal theoretical reasons and partly to language material underlying theoretical conceptions. Various authors proposed different flavours of the hierarchical approach, but a common feature in these approaches is the key role of a conjunction. The study considers data from Nivkh and Turkic languages. The structure of coordinate constituents in these languages significantly differs from that of Russian or English. In the case of Nivkh, we undertake a systematic study of techniques for coordination of the main syntactic projections such as noun phrases and clauses. We show that structures common in European languages, typified by patterns like “A & B,” do not occur in Nivkh. Instead, Nivkh employs either an “A & B &”-like configuration or a structure with converbs akin to those found in Turkic verb projections. Notably, various productive Nivkh constructions featuring coordination express grammatical characteristics put on conjunction markers, the latter appear at distinct coordinated elements. On the basis of the Nivkh and Turkic data, we questioned the necessity of a hierarchical approach to coordination. The absence of an explicit “core” of a coordinate constituent, such as a coordinating conjunction, does not let us treat such analysis as a universal one.

Keywords: syntax; coordination; noun phrase; clause; Nivkh; Turkic

Funding: This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037-II, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/> (https://rscf.ru/project/22-18-00037/%22%20%5Ct%20%22_blank), realized at Lomonosov Moscow State University.

For citation: Grashchenkov P.V. (2026) And Yet It's Flat! Some Remarks on the Structure of Coordination. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 9–24.

1. Подходы к структуре сочиненных составляющих

Одна из главных проблем, возникающих при анализе структуры сочиненных составляющих, — выбор вершины. Часть подходов предполагает наличие при сочинении иерархической структуры; здесь возможны подходы с вершиной-союзом или вершинами-конъюнктами (первым или последним в зависимости от направления

ветвления в языке) и т. д. Действительно, важное свойство любой синтаксической проекции — способность иметь частеречный (= категориальный) признак, благодаря которому внешний контекст осуществляет ее синтаксическую селекцию. Сочинительные структуры¹ в этом отношении не отличаются от других и обладают теми же категориальными признаками, что и входящие в них конъюнкты:

(1) [Интернет]

Капитализм противоречит христианским ценностям.

(2) [Интернет]

Гордость и самолюбование противоречат христианским добродетелям.

(3)

**Гордиться и любоваться собой противоречат христианским добродетелям.*

Высказывались предположения, что сочиненные структуры возглавляются союзом, который присваивает всей группе категорию Conj, см., например, [Johannessen 1998] и др. Ряд подходов, см. [Dalrymple 2017], предполагает, что информация о категориальных (и других) признаках собирается со всех конъюнктов. В частности, если конъюнкты разных категорий *Петя [добрый парень и еще талантлив]*, набор признаков на вершине будет [N, Adj]. Анализ [Przepiórkowski, Patejuk 2021] предполагает, что в случае если сочиненные составляющие оказываются разных категорий, результирующая структура вообще не имеет категориального ярлыка, а проверка признаков осуществляется на каждом из конъюнктов. Очевидно, здесь срабатывает некоторый специфический для сочинения механизм вычисления признаков, отличающийся от дефолтной стратегии (согласования), см., например, [Nevins, Weissner 2019]. В русском языке дефолтная стратегия выбирается тогда, когда согласовательный признак невозможно считать, в то время как частеречная спецификация позволяет употреблять составляющую в некоторой позиции:

(4)

Гордиться (любоваться,...) собой противоречит христианским добродетелям.

(5)

[Интернет]

... многое нужно улучшить и раскрыть.

¹ В работе рассматривается только «соединительное» (*и, and,...*) и не эмфатическое (*и..., и...; either... or...*) сочинение. В русском, английском и др. «европейских» языках двойные союзы связаны с эмфазой и обладают несколько отличным морфосинтаксисом. Инвентарь средств сочинения велик и включает многие союзы от противительных *а / но* до максимально периферийных *как ..., так и ...*. Морфосинтаксис разных сочинительных конструкций может различаться, здесь мы рассмотрим лишь сочинение, кодируемое *и / and* и их аналогами.

(6)

*... многое нужны / пришлось улучшить и раскрыть.

Неграмматичность примеров (3, 6) связана с тем, что для вычисления признаков, как в (2), каждый из конъюнктов должен обладать значением признака числа. В то же время при дефолтном согласовании у предиката должен быть признак ед. ч., как в (4). Можно сделать вывод, что, во-первых, вычисление признака из дефолтного значения невозможно (дефолтное значение инфинитивного конъюнкта просто не определено); во-вторых, сам по себе союз не несет значений мн. ч. (или каких-либо еще). Грамматичность примеров типа (5) наряду с (4) говорит также о том, что сочинительный союз действительно может быть прозрачен для согласования. В то время как в именных структурах базовой стратегией является вычисление / сложение признаков, при инфинитиве, где признака числа нет, допустимо «проникновение» внутрь конъюнктов для получения дефолтного значения. Похожая стратегия бывает и у именных проекций при согласовании по ближайшему конъюнкту, см. [Nevins, Weisser 2019; Krejci 2020] и др.

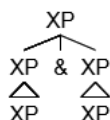
Если говорить о предлагавшихся вариантах внутренней структуры при иерархическом подходе, они могут быть связаны с представлением о конъюнктах, заполняющих позицию спецификатора или комплемента при вершине-союзе, адъюнкции одного конъюнкта к другому при союзе, входящем во второй конъюнкт и т. д., см. обзоры подходов в [Progovac 1998a, 1998b; Nevins, Weisser 2019] и т. д.

В то же время на ранних этапах развития генеративной грамматики сочинение рассматривалось как плоская структура, лишенная иерархической организации, см. [Jackendoff 1977; Chomsky 1981] и др.; аналогичный подход характерен для мейнстрима Лексико-функциональной грамматики, см. обзор в [Przepiórkowski 2025].

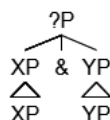
Подытожим существующие стратегии разрешения конфликта признаков. В простом случае, (7.a), категориальный ярлык при одинаковых типах проекций может быть считан и обобщен сочинительной конструкцией. Пример (7.b) соответствует конструкциям типа *Петя* [_{CP} [_N *добрый парень*] и [_{Adj} *талантлив*]], когда сочинение грамматично, но общей категории нет:

(7)

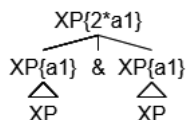
a.

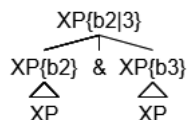
b.

c.

d.

Структуры (7.c,d) описывают случаи сочинения при единой категории, но с разными наборами признаков. Схема (7.c) соответствует комбинации сопоставимых признаков и связана в первую очередь с числовым значением, которое может суммироваться при сочинении как в (2). Наконец, (7.d) соответствует таким признакам, которые не могут быть сопоставимы, например признакам рода. В ряде случаев допустимо, чтобы сочиненная структура была представлена признаком на одном из конъюнктов, см. также ссылки на работы по согласованию с ближайшим конъюнктом выше:

(8)

[Интернет]

Пропал государственный заказ и идеологическая составляющая.

Можно сформулировать следующие свойства «сочинения в языках европейского типа»: i) отдельный тип (поверхностно-)синтаксической структуры (не подчинение и т. д.); ii) основным, неэмфатическим паттерном является структура A & B, т. е. соединение двух элементов при помощи союза, расположенного между ними; iii) сочинение кросс-категориально, т. е. одно и то же средство применимо к любой синтаксической категории; iv) один и тот же сочинительный оператор ответствен за проверку признаков категориальной принадлежности и механизм установления общего значения грамматических категорий на &P в случае (не)совпадения значений признаков.

Далее мы рассмотрим примеры организации сочинения в нивхском языке, где практически все перечисленные принципы оказываются нерелевантны. Мы начнем с рассмотрения стратегии сочинения в именной проекции, затем перейдем к случаю сочинения глагольной проекции, который отличается формальным выражением от именной, но иногда имеет общие структурные черты.

2. Сочинение в именных и глагольных проекциях нивхского языка

Нивхский язык — изолят, принадлежащий палеоазиатской группе языков, на сегодняшний день имеет два диалекта, амурский и сахалинский, которые в области сочинения различаются несущественно. Нивхский язык располагает двумя «открытыми» лексико-грамматическими классами — существительными и глаголами, см. [Панфилов 1962] и др. Ниже мы будем говорить прежде всего о сочинении именных и глагольных групп.

2.1. Сочинение именных составляющих в нивхском — базовые стратегии

В области именного сочинения нивхский располагает целым набором средств, начнем с наиболее регулярно встречающихся.

Комитатив. Комитативный суффикс *-ке/-ге* может образовывать сочиненную составляющую, оформляя каждый из конъюнктов, совмещая, таким образом, кодирование в комитативных и сочинительных структурах, см. [Панфилов 1962: 166]. Нивхский комитатив различает единственное и множественное число сочиняемого:

(9) ам. [Гудан 2020]

Ытык-ге	ымык-ге	эзму-дь-гу,	имх
отец-COM.SG	мать-COM.SG	любить-IND-PL	они
о́гла	ур-ла	нивх	му-ны-дь.
ребенок	быть.хорошим-ATR	человек	становиться-FUT-IND

Отец и мать радовались, что их ребенок станет хорошим человеком.

(10) ам. [Гудан 2020]

пал	жа-го,	пый	жа-го
лес	зверь-COM.PL	летать	зверь-COM.PL
Тодя	ньры-жан	п'-лыв-дь-гу,	ки-ть-гу.
Плакса	видеть-CONV:ANT	REFL-прятать-IND-PL	убегать-IND-PL

Лесные звери и птицы, видя Плаксу, прятались и убегали.

Сочиненные составляющие оформляются при помощи показателей *-ге* и *-го*, первый из которых присоединяется к именным группам в ед. ч., а второй — к именным группам во мн. ч. Таким образом, вершина, маркирующая сочинение, во-первых, дублируется на каждом конъюнкте и, во-вторых, несет его числовые характеристики. Согласование с предикатом и при двух комитативах единственного числа, и при двух множественных комитативах — всегда по множественному, см. (9–10).² Этот факт весьма примечателен — как мы видим, стратегии согласования при «европейском» сочинении [_{NP}] & [_{NP}] совпадают с таковым для нивхского [_{NP}]-& [_{NP}]-& сочинения. При разном оформлении сочиненной составляющей в разных языках ее числовой признак всегда интерпретируется как множественный.

Показатель комитатива в функции сочинения может употребляться «поверх» падежных маркеров:

(11) ам. [Нивх диф]

Эри	ыр-ух-ке,	тымы-ух-ке
быть.глубоким	край-ABL-COM	нерестилище-ABL-COM

Ни в яме, ни на нерестилище...

² Вследствие того, что в наших данных не было отрицательного языкового материала, в принципе нельзя исключить случаев, когда глагол не маркирован мн. ч., однако примеры в текстах и грамматических описаниях регулярно демонстрируют согласование именно по множественному.

Сочинительный комитатив также может располагаться перед падежом, последний при этом оформляет групповую флексию:

(12) ам. [Панфилов 1962: 123]

[лаҗр-ко т'аҗр-ко]-дох
белка-COM.PL бурундук-COM.PL-DAT

белкам и бурундукам

Вариативное расположение сочинительного маркера (= комитатива) внутри морфологического комплекса как минимум говорит о том, что данный показатель совершенно не обязательно является вершиной полной проекции (в данном случае — именной).

Частица *хара*. Другой распространенной стратегией именного сочинения является использование частицы *хара*³:

(13) ам. [Гудан 2020]

в-ытык хара ымык хара маҗ-гу-т
REC-отец ADD мать ADD быть.сильным-CAUS-CONV.3.PL
орбот-ть-гу.
работать-IND-PL

Отец и мать усердно работали.

(14) ам. [Gruzdeva, Bugaeva 2022]

Савельева хара Таксами хара п'и-словар-юх знак
Савельева ADD Таксами ADD REFL-словарь-ABL знак
апостроф то-гу-т йью-дь-гу
апостроф быть.таким-CAUS-CONV.3.PL обозначать-IND-PL

Савельева В.Н. и Таксами Ч.М. в своем словаре обозначали знак апостроф так.

Как мы видим в (13–14), мн. ч. при стратегии с *хара* тоже встречается и, как представляется, чаще, чем ед. ч., хотя примеры с ед. ч. также попадают.

2.2. Сочинение глагольных составляющих в нивхском и некоторых других языках

В глагольных группах нивхского языка также можно выделить две базовые стратегии сочинения, одна из которых явным образом связана с выражением признаков на сочинительных вершинах.

Множественные показатели *-р'(р)а* / *-та*. В глагольном домене существует сочинительное средство, похожее на комитатив. Вариант

³ Нам не известно особых синтаксических, семантических или прагматических оснований для выбора комитативной стратегии или стратегии с *хара*. Конструкции с *хара* представляются более инновационными, вероятнее всего, они происходят от глагола *хадь* 'делать так, быть таким'. Возможно также, что они связаны с большей эмфазой.

-*p̣(r)*а выбирается в случае 2-3.SG, -*та* — для остальных лиц и чисел. Данные показатели обязательно употребляются на каждой сочиненной глагольной группе или клаузе:

(15) ам. [Gruzdeva, Bugaeva 2022]

нын̄	тыгу-гит	ит	букварный	текст-гу
мы.EXCL	звук-INST	говорить	букварный	текст-PL
ны-ны- <u>та</u>		диск	п'у-г-ийны- <u>та</u> .	
делать-делать-COORD.1.PL	диск	выпускать-CAUS-DES-COORD.1.PL		

...мы работаем над озвучиванием букварных текстов, готовим к выпуску диск.

«Сочинение» посредством конвербов. Данная стратегия — единственная из описываемых продуктивных показателей сочинения, не демонстрирующая дублирования. Подобная стратегия в целом похожа на таковую в тюркских языках и в случае нивхского отличается лишь тем, что наиболее продуктивные конвербы в нивхском имеют согласовательные показатели: -*p̣(r)* для 2-3.SG, -*т* — для остальных лиц и чисел:

(16) ам. [Гудан 2020]

т'ыт	оз-т,	к'ең	ама-т,	ви-д̄-гу.
утро	вставать-CONV.3.PL	солнце	смотреть-CONV.3.PL	идти-IND-PL

Утром встали, поглядели на солнце и отправились в путь.

Как мы видим в (16), при организации сложной клаузы с общим субъектом в нивхском используются согласуемые показатели конверба. Кроме приведенных показателей, есть и целый репертуар других конвербов, в основной массе — несогласуемых, допускающих как односубъектное, так и разнособъектное употребление.

Стратегия с конвербами похожа на сочинительную главным образом тем, что допускает перевод при помощи сочинения на русский и другие языки, в которых сочинение клауз представлено в явном виде. В ряде работ, однако, предпринимались попытки показать, что «глубинно» подобные структуры также сочинительные.

В [Гращенков, Ермолаева 2015] на материале мишарского диалекта татарского и некоторых других тюркских языков предлагается такой подход к тюркским конвербам, при котором разнособъектные конвербы являются сочинительными структурами. При этом сам показатель конверба -*н* по сути анализируется как сочинительный союз, а маркер финитности на последнем глагольном конъюнкте — как групповая флексия, подобная структуре в (12).

(17) мишарский [Гращенков, Ермолаева 2015: 46]

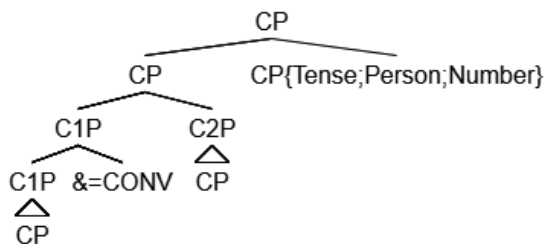
[büre	kil-e-p]	[alsu	šürlä-de]
волк	приходить-ST-CONV	Алсу	пугаться-PST

Пришел волк, и (поэтому) Алсу испугалась.

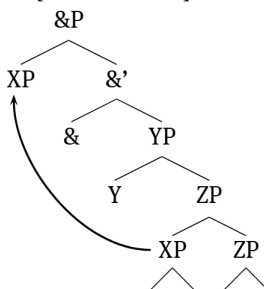
Возможная схема, стоящая за данным анализом, приведена ниже в (18.a). В (18.b) приводится схема другого подхода к конвербам как сочиненной структуре, предложенная в диссертации [Weisser 2015] на материале цахурского и корейского. Предлагается считать, что конверб связан с поверхностной реализацией структуры и «скрывает» сочинительные отношения, которые имеют место между глагольными проекциями на более ранних стадиях деривации:

(18)

a. на основе [Гращенко, Ермолаева 2015]

b. [Weisser 2015]

Не имея возможности обсудить детали каждого из подходов, скажем следующее. Конвербы в нивхском, мишарском или цахурском являются показателями, поверхностно демонстрирующими подчинительные свойства. Это проявляется в том, что они всегда употребляются как зависимая форма, лишены способности передавать ряд категорий, связанных с финитностью и т. д. Не исключено, что их каким-то образом можно возвести к глубинным структурам с сочинением, однако главная мотивация такого подхода, как представляется, — распространить сочинительные конструкции на глагольный домен для тех случаев, которые явным образом не демонстрируют глагольного сочинения. Глагольное сочинение в том виде, как оно есть для именных проекций, можно наблюдать на материале специализированных нивхских показателей в (15), но не для конвербов во всех упомянутых языках.

Таким образом, можно сказать, что, например, в тюркских языках правила сочинения для именных проекций существуют, см., например, (19) ниже, а для глагольных — лишь могут предполагаться. Отметим также, что (19.b) аналогична нивхской сочинительной стратегии для имен с точностью до выражения числа на показателях:

(19) мишарский диалект татарского

a. üj häm saraj taw estendä tıra
 дом и сарай гора на стоять.PRS

На горе стоят дом и сарай.

b. zavot-ta-gr	načal'nik-lar-ga	<u>da</u>
завод-LOC-ATR	начальник-PL-DAT	и
üz-ebez-neŋ	persidätel-lär-gä	<u>dä</u>
сам-1PL-GEN	председатель-PL-DAT	и
brigadir-lar-ga	<u>da</u>	
бригадир-PL-DAT	и	

...и заводским начальникам, и нашим председателям, и бригадирам...

2.3. Дополнительные стратегии сочинения именных составляющих в нивхском

Существует еще ряд способов кодирования сочиненных именных групп в нивхском языке. Наиболее примечательным кажется наблюдающийся иногда в сахалинском нивхском перенос глагольной стратегии с согласованием на именные группы:

(20) сах. [Истории из Библии 2017]
 ...п'и лыт-т жа-гун-ты, пый жа-гун-ты...
 REFL делать-IND зверь-PL-COORD.3.PL летать зверь-PL-COORD.3.PL
 ... созданных им самим зверей и птиц...

Можно сказать, что нивхские именные группы вообще могут сочиняться присоединением любых парных показателей, ср. употребляющиеся ниже показатели фокуса и неопределенности:

(21) сах. [Штернберг 2008]
 Муғыв-чиң ырк-зиң кус вахы-р.
 день-FOC ночь-FOC стрела строгать-CONV.3.SG
День и ночь все древки стрелы строгал.

(22) сах. [Штернберг 2008]
 Милк-до тлы ниғывың-до, тлы милк-до-сик
 черт-INDEF небо человек-INDEF небо черт-INDEF все
 р'о-р' пры-н ухму-нта!
 нести-CONV.3.SG приходить-CONV:FUT.2.PL сражаться-HORT.1.PL
И чертей, и небесных людей, и небесных чертей, всех приведите, воевать давайте!

Суммируя дискуссию о нивхском именном сочинении, можно выделить следующие закономерности. Во-первых, сочиненные именные группы в нивхском всегда имеют вид $[_{NP}]$ -& $[_{NP}]$ -&... Во-вторых, для ряда показателей (комитатив, парные глагольные маркеры сочинения) характерно маркирование числа (и лица) на самом сочинительном средстве. Наконец, падежные показатели — единственные среди всех категорий — могут явным образом располагаться «поверх» обоих конъюнктов, см. (11–12). Именное сочинение, кроме того, допускает парное (и более) соположение с любыми по-

казателями. Таким образом, нивхские примеры (11–12) и (21–22) демонстрируют, что сочинительные средства никак не участвуют в «калькуляции» или «разрешении» признаков.

3. Сочинение: две морфосинтаксические модели

В начале работы мы обсудили особенности, объединяющие сочинительные структуры в русском, английском и других европейских языках. Безотносительно предлагавшихся во множестве работ частных решений есть ряд дистрибутивных особенностей, которые объединяют сочинение «европейского типа». В общих чертах сочиненную структуру можно представить как (23):

(23) Обобщенная структура сочинения европейского типа
[_{XP}] & [_{XP}]

Здесь XP — составляющие любого типа (X принимает любые значения), а & — сочинительный оператор, который, будучи применен к таким составляющим, «умеет» сопоставлять категориальные признаки и вычислять значение грамматических категорий по некоторым особым «правилам разрешения». Сам данный оператор при этом не располагает ни частеречными признаками, ни какими-либо значениями грамматических категорий.

Для нивхского и ряда других языков базовой стратегией сочинения является структура (24):

(24) Поверхностная структура сочинения в нивхском
[_{XP}]-# [_{XP}]-#

В случае такой структуры категориальный признак не может принимать любых значений. Так, в нивхском подобная структура последовательно применима к любым X=N,V. При этом далеко не все формы глагольной проекции способны присоединять такие показатели. Таким образом, нивхские показатели сочинения не могут быть применимы к любым проекциям любых категорий — в отличие от русского *и* или английского *and*. Тюркские структуры типа (24) можно встретить в рамках именного сочинения, см. (19.b), однако на глагол они вовсе не распространяются.

Альтернативные европейским структуры типа (24) являются базовыми для одних категорий и ограничены в других случаях. В нивхском или в тюркских языках есть еще один кандидат в глагольное сочинение — конверб. Стратегия с конвербом является основной сочинительной структурой в области глагольной проекции для нивхского и единственно доступной для тюркских. Она отличается и от сочинения именных проекций в тех же языках, и от (кросскатегориального) сочинения в европейских языках. Отличие

стратегии с конвербом от сочинения глагольных проекций в русском или английском в том, что: а) используются специализированные показатели и б) количество структуры «под» конвербом — всегда меньше, чем на втором (финитном) конъюнкте.

Далее, представление признаков сочиненных групп никак не связано с сочинительными средствами. Иногда сами эти средства содержат значения лица и числа, а иногда — в случае падежа — значение признака может быть представлено как ниже, так и выше них в структуре.

Существенная часть подходов к сочинению как иерархической структуре предполагает, что вершиной в таких проекциях является союз, а конъюнкты являются комплементами и/или спецификаторами, см. обзор таких решений в [Progovac 1998a, 1998b; Nevins, Weisser 2019] и др. Подобные подходы очевидным образом основаны на схеме (22), в которой союзу отводится особая роль как при вычислении категорий, так и при разрешении признаков. Схема (24), распространенная за пределами европейских языков, не предполагает особой роли союза ни при проверке категориальных признаков, ни при вычислении значений числа, рода, падежа и т. д. Более того, сочинительные средства в (24) оказываются неуниверсальным оператором — разные их варианты должны использоваться с разными частями речи, а в рамках одной и той же проекции они небезразличны к тому, сколько структуры находится «под» ними. Наконец, показатели типа *-#* способны в некоторых языках самостоятельно передавать значения грамматических категорий (например, лица и числа).

Подытоживая: ни категориальная сочетаемость, ни вычисление признаков не связаны в структурах (24) с особой ролью сочинительного средства. То же можно сказать и про любой из конъюнктов в структурах типа (24) — они не предполагают асимметрии, при которой первый или последний конъюнкт обладал бы особым статусом.

Важный вопрос был задан одним из анонимных рецензентов: «Вопрос, который хочется задать к основному аргументу статьи: почему поверхностная парность сочинительных маркеров обязательно говорит против вершинности? Есть разные формальные способы сделать это совместимым с вершинностью, например, две оболочки группы союза с передвижением (= копированием)». Такие предложения, действительно, встречались в литературе, см., например, [Johannessen 1998: 144–145], а также обзор подходов в [Progovac 1998b] и т. д. Основной пафос данной статьи состоит в том, что в отсутствие каких-либо свидетельств того, что сочинительный союз привносит структурную асимметрию, постулирование союза-вер-

шины выглядит избыточным. Как мы пытались показать, в ряде языков средства кодирования сочинения не влияют ни на внутреннюю организацию составляющей, ни на ее внешнюю репрезентацию. Следовательно, выделять особый тип проекции &P в этих (а возможно, и во всех вообще) языках нет никаких эмпирических оснований.

Заключение

Наиболее популярным подходом к анализу сочинения в формальных синтаксических теориях является иерархический, предполагающий, что в сочиненных составляющих можно выделить вершину и зависимые от нее элементы. Подобный подход обоснован на материале языков типа русского или английского. При таком анализе необходимо объяснить, откуда у сочинительных союзов, не обладающих *per se* ни частеречными признаками, ни значениями грамматических категорий, появляется необходимая при синтаксической деривации информация.

Основываясь в значительной степени на свойствах сочинения в нивхском языке и привлекая данные тюркских языков, мы показали, что конструкций с выделенной ролью союзов, ответственных за представление сочиненной составляющей во внешней структуре, может и не быть. Более того, сама операция образования сочиненной составляющей доступна далеко не для всех проекций. В случае, когда сочинительное средство оформляет каждый конъюнкт, правила разрешения конфликтов не могут опираться на особую роль союза, располагающегося между частями сочиненной структуры. Это позволяет предположить, что правила разрешения конфликтов и вычисления признаков могут быть ориентированы на каждый из конъюнктов и в языках с «европейским» сочинением.

Список сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ам., сах. — амурский, сахалинский диалекты нивхского языка; ADD — аддитив; ANT — предшествование; ATR — атрибутивизатор; COM — комитатив; CAUS — каузатив; CONV — конверб; COORD — сочинение; DAT — датив; DES — дезидератив; EMPH — эмфаза; EXCL — эксклюзивность; FOC — фокус; FUT — будущее время; GEN — генитив; HORT — гортатив; IMP — императив; IND — индикатив; INDEF — неопределенность; INST — инструменталис; LOC — локатив; NOM — номинатив; PL — множественное число; PRED — предикативность; PST — прошедшее время; PRS — настоящее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число; ST — основа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гращенко П.В., Ермолаева М.Б. О двойственной природе тюркских конвербов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 2. С. 42–57.
2. Гудан Е.П. “Горе-охотник”, “Как Сахалин островом стал” // Сборник произведений участников Второго литературного конкурса «Голос Севера» / Редакт. Н.Г. Вейсалова. СПб.: Президентская библиотека, 2020. С. 235–243. <https://raipon.info/upload/iblock/df5/70uil1auwyfqb4gqzwcyhvtr46a8e18.pdf>
3. Бессонова Н.Г., Воксина-Лютова З.И., Винокуров А. и др. Истории из Библии на нивхском и русском языках. Санкт-Петербург, 2017. 206 с.
4. Нивх диф (Нивхское слово) [Электронный ресурс]. URL: <https://morningislands.ru/>
5. Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. М.; Л., 1962. ч. 1, 262 с.
6. Chomsky N. Lectures on Government and Binding. Foris: Dordrecht, 1981. ix + 371 pp.
7. Dalrymple M. 2017. Unlike phrase structure category coordination. In V. Rosén and K. De Smedt, editors, The Very Model of a Modern Linguist, volume 8 of Bergen Language and Linguistics Studies, University of Bergen Library, Bergen, pp. 33–55.
8. Gruzdeva E., Bugaeva A. A unique linguistic text in Nivkh by A. A. Yushkina. Journal of Ainu and Indigenous Studies. 2022. № 2. P. 161–223.
9. Jackendoff R. 1977. X' Syntax: a study of phrase structure. Cambridge, Mass: MIT Press. P. xii+ 249.
10. Johannessen J.B. 1998. Coordination // Oxford University Press, Oxford. 292 p.
11. Krejci B. Syntactic and semantic perspectives on first conjunct agreement in Russian. PhD thesis. Stanford University, 2020.
12. Nevins A., Weisser P. Closest conjunct agreement. Annual Review of Linguistics. 2019. 5:1, 219–241.
13. Progovac L. ‘Structure for Coordination. Part I’ Glot International. 1998a, 3.7: pp. 3–6.
14. Progovac L. ‘Structure for Coordination. Part II.’ Glot International. 1998b, 3.8: pp. 3–9.
15. Przepiórkowski A. 2025. Slightly less flat coordinate structures. Talk at the LFG25 in Barcelona conference. Barcelona, 22 July 2025.
16. Przepiórkowski A., Patejuk A. Coordinate structures without syntactic categories. In: Modular Design of Grammar. Edited by I Wayan Arka, Ash Asudeh, and Tracy Holloway King, Oxford University Press, 2021, pp. 205–220.
17. Shiraishi H. Sound Materials of the Nivkh Language, 2002-2015. <http://ext-web.edu.sgu.ac.jp/hidetos/HTML/SMNStitle.html>.
18. Weisser P. Derived Coordination: A Minimalist Perspective on Clause Chains, Converbs and Asymmetric Coordination. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. 250 p.

REFERENCES

1. Grashchenkov P.V., Ermolaeva M.B. O dvoystvennoy prirode tyurkskikh konverbov [On the dual nature of Turkic converbs] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova. 2015, no. 2, pp. 42–57. (In Russ.)
2. Gudan E.P. “Gore-okhotnik”, “Kak Sakhalin ostrovom stal” [“The woeful hunter”, “How Sakhalin became an island”] // Sbornik proizvedenii uchastnikov Vtorogo literaturnogo konkursa «Golos Severa». Ed. by N.G. Veysalova. St. Petersburg,

- Presidential Library, 2020, pp. 235–243 (In Russ.) <https://raipon.info/upload/iblock/df5/70ui1laywyfb4gqnzwcyhvtr46a8e18.pdf>
3. Bessonova N.G., Voksina-Lyutova Z.I., Vinokurov A. et al. *Istorii iz Biblii na nivkhs-kom i ruskom yazykakh*. [Stories from the Bible in Nivkh and Russian] St. Petersburg, 2017. 206 p. (In Russ.)
 4. Nivkh dif (Nivkhscoe slovo) [Electronic source]. URL: <https://morningslands.ru/> (дата обращения: 30.09.2025) (In Nivkh and Russ.)
 5. Panfilov V.Z. *Grammatika nivhskogo yazyka* [The Grammar of Nivkh]. M.; L., 1962. ch. 1, 262 p. (In Russ.)
 6. Chomsky N. *Lectures on Government and Binding*. Foris: Dordrecht. 1981. ix + 371 pp.
 7. Dalrymple M. Unlike phrase structure category coordination. In V. Rosén and K. De Smedt, editors, *The Very Model of a Modern Linguist*, volume 8 of *Bergen Language and Linguistics Studies*, University of Bergen Library, Bergen. 2017, pp. 33–55.
 8. Gruzdeva E., Bugaeva A. A unique linguistic text in Nivkh by A. A. Yushkina. *Journal of Ainu and Indigenous Studies*. 2022. № 2. P. 161–223.
 9. Jackendoff R. *X' Syntax: a study of phrase structure*. Cambridge, Mass: MIT Press. 1977. Pp. xii+ 249.
 10. Johannessen J.B. *Coordination* // Oxford University Press, Oxford, 1998. 292 p.
 11. Krejci B. Syntactic and semantic perspectives on first conjunct agreement in Russian. PhD thesis. Stanford University. 2020.
 12. Nevins A., Weisser P. Closest conjunct agreement. *Annual Review of Linguistics* 5:1, 2019, pp. 219–241.
 13. Progovac L. 1998a. 'Structure for Coordination. Part I' *Glott International* 3.7: 1998, pp. 3–6.
 14. Progovac L. 1998b. 'Structure for Coordination. Part II.' *Glott International* 3.8: 1998, pp. 3–9.
 15. Przepiórkowski A. 2025. Slightly less flat coordinate structures. Talk at the LFG25 in Barcelona conference. Barcelona, 22 July 2025.
 16. Przepiórkowski A., Patejuk A. Coordinate structures without syntactic categories. In: *Modular Design of Grammar*. Edited by I Wayan Arka, Ash Asudeh, and Tracy Holloway King, Oxford University Press, 2021, pp. 205–220.
 17. Shiraishi H. *Sound Materials of the Nivkh Language, 2002–2015* [Electronic source]. URL: <http://ext-web.edu.sgu.ac.jp/hidetos/HTML/SMNStitle.html> (accessed: 30.09.2025) (In Nivkh and Russ.)
 18. Weisser P. 2015. *Derived Coordination: A Minimalist Perspective on Clause Chains, Converbs and Asymmetric Coordination*. Berlin: Mouton de Gruyter, 250 p.

Поступила в редакцию 22.09.2025

Отредактирована 20.11.2025

Принята к публикации 22.06.2026

Received 22.09.2025

Revised 20.11.2025

Accepted 22.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Павел Валерьевич Гращенко — д.ф.н., доцент кафедры ТиПЛ, заведующий лабораторией автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ имени М.В. Ломоносова; pavel.gra@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Pavel V. Grashchenkov — Associate Prof., Dr., Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology; Head of the Laboratory for Computational Lexicography, Lomonosov Moscow State University; pavel.gra@gmail.com

ХЕЗИТАТОРЫ И ПУСТЫЕ СЛОВА: ФУНКЦИОНАЛЬНО-ОПИСАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Е.Г. Борисова

*Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Россия; egbor@mail.ru*

С.В. Михайлова

*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;
mihailovasv@mgpu.ru*

А.В. Васильцова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия; ksas3@yandex.ru*

И.С. Калятин

*Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;
kalyatinis@mgpu.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются так называемые *пустые слова* (*filler words, mots de remplissage, tics de langage, tics de remplissage, Füllwörter*), которые зачастую определяют как *хезитаторы*. Анализ проводится на примерах из ряда европейских языков, однако упор делается на русский язык. Определяются признаки этих слов, их отличие от дискурсивных маркеров разных типов. Описываются функции таких слов, омонимия с лексикой иных классов.

Ключевые слова: пустые слова; хезитаторы; слова-паразиты; дискурсивные маркеры; дискурсивная организация речевого потока

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-2

Для цитирования: Борисова Е.Г., Михайлова С.В., Васильцова А.В., Калятин И.С. Хезитаторы и пустые слова: функционально-описательный аспект // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 25–39.

HESITATORS AND FILLER WORDS: FUNCTIONAL AND DESCRIPTIVE ASPECT

Elena G. Borisova

State Academic University of the Humanities, Moscow, Russia; egbor@mail.ru

Svetlana V. Mikhailova

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia; mihailovasv@mgpu.ru

Anna V. Vasiltsova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; ksas3@yandex.ru

Igor S. Kalyatin

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia; kalyatinis@mgpu.ru

Abstract: The article is focused on the so-called filler words (*mots de remplissage, tics de langage, tics de remplissage, Füllwörter*) which are often defined as *hesitators*. The analysis is based on examples from a number of European languages, and Russian first of all. The difference between *filler words* and other lexis, namely discourse markers, is investigated.

Keywords: filler words; hesitators; ‘empty words’; discourse markers; organizing the speech in discourse

For citation: Borisova E.G., Mikhailova S.V., Vasiltsova A.V., Kalyatin I.S. (2026) Hesitators and Filler Words: Functional and Descriptive Aspect. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 25–39.

Введение

Внимание к функционированию языка, получившее распространение благодаря многим участникам Пражского лингвистического кружка (и не только) еще в первой половине двадцатого века, привело к возникновению масштабных направлений в лингвистике: теории актуального членения, функциональной стилистики, функционального подхода во французской лингвистике, затем в советской — и целого ряда других, включая и социолингвистику, и, пожалуй, психолингвистику. Полный обзор этих подходов — и прочих, тоже связанных с аспектами функционирования языковых механизмов, — выходит далеко за пределы задач данной статьи.

Однако одну группу лексики все-таки стоит упомянуть в связи с тем вниманием, которое ей уделялось начиная с 1970-х годов. Это так называемые *дискурсивные слова* [Fraser 1996], куда включались и дискурсивные маркеры речевого этикета и вообще общения (*слушай, итак* и т. п.), и маркеры внимания и эмфазы, обычно называемые усилительными частицами [Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания 1998], и показатели отношения говорящего к сообщению *собственно говоря, вообще-то* [Яковлева 2003: 129–146; Шаронов 2018], а иногда и междометия, вводные слова и другие единицы. Изучение (в том числе инструментальное) звучащей речи заставило лингвистов-теоретиков обратить внимание на явление, давно находившееся в поле зрения

специалистов по речевой культуре, но не привлекавшее особого внимания лингвистов-теоретиков.

Мы имеем в виду слова или звуки, употребляемые в устной речи без намерения передать какое-либо содержание:

(1) *Мне это как бы и неинтересно совсем.*

В данном случае слово *как бы* не привносит в содержание высказывания никакого четко ощущаемого нового смысла, ср.

(1') *Мне это и неинтересно совсем.*

Данные единицы, в отличие от дискурсивных маркеров, не способствуют организации устного высказывания, хотя играют определенную роль в обеспечении плавности и последовательности речевого потока, а также имеют социолингвистическое значение, поскольку отражают используемую собеседниками индивидуальную или коллективную речевую палитру [González Ormazábal, San Martín Núñez 2018].

Традиционно эти слова именуются *слова-паразиты* [Литвинова 2012], а поскольку слово «паразит» имеет в русском языке очевидную негативную окраску, сразу понятно, что их употребление признается предосудительным. Другие наименования (*хезитаторы*, англ. *filler words*, фр. *mots de remplissage*, *tics de langage*, нем. *Füllwörter*, ит. *parole di riempimento*, исп. *palabras de relleno*, порт. *palavras de preen-chimento*) отражают преимущественно функцию заполнения паузы в речи, вызванной поисками нужного слова, промедлением, в связи с этим процессом (*заполнитель*, *хезитатор* от лат. *hesitare* — колебаться). Однако всегда ли употребление «лишних словечек» связано с поисками необходимой лексической единицы? Какие слова и почему могут оказаться в этой роли? Каково отношение в обществе к использованию этих слов? Мы надеемся, что, поставив целью описание языковых свойств этих единиц, которые в дальнейшем будем называть *пустые слова* (сохраняя и иные употребляемые наименования — *хезитаторы*, *слова-паразиты*), сможем дать в статье ответ на эти вопросы.

Материалом послужили корпуса примеров, в частности, устный подкорпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ), корпус немецкого языка DWDS (*Digiales Wörterbuch der deutschen Sprache*), корпус французского языка CFPB (*Corpus de français parlé à Bruxelles*), также использовались примеры из работ исследователей устной речи, служебных слов. Общий объем рассмотренных употреблений — больше одной тысячи случаев, причем в основном брались примеры из русского языка. Материал европейских языков (английского, французского и немецкого) привлекался преимущественно

из личного лингвистического опыта авторов статьи, из зарубежных газетных статей, скриптов радио- и телепередач, новостных сюжетов, репортажей и т. п., суммирующей информации, собранной нейросетевыми инструментами (диалоговый сервис на основе языковой модели Qwen3-235B-A22B).

В качестве методологической основы послужили работы по разговорной речи, служебным словам, а также непосредственно исследования *слов-паразитов* [Шмелев 1998; Дараган 2000; Воротников 2019].

Функциональные особенности «пустых слов»

Мы выделяем объект исследования на основании признака «не вносить дополнительную информацию в сообщение». Этот критерий выдвигался в ряде высказываний Е.Я. Шмелевой, И.Б. Левонтиной [Левонтина 2004] и других на популярных лингвистических интернет-ресурсах. В таком случае в примере (2) слово *так сказать* будет пустым, а в примере (2') — не будет:

(2) Я, *так сказать*, не согласен.

(2') Это, *так сказать*, недоучет интересов конкурента.

Предложение 2' возможно, если говорящий предупреждает слушающего, что это одна из возможных интерпретаций описываемого события, причем *так сказать* заменимо на *можно сказать*, *можно назвать*. Это и передает маркер *так сказать*, что отражено в словарях [Большой универсальный словарь русского языка 2019]: ТАК СКАЗАТЬ, вв. сл.

1.0. Употр. при желании говорящего подчеркнуть резкость высказываемой оценки.

□ Да, *сообразительностью он не отличается, так сказать, тут* годум.

1.1. Употр. при желании говорящего смягчить резкость высказываемой оценки.

□ Ей уже *тридцать три*, а она все еще незамужем — *возраст, так сказать, критический*.

1.2. Употр. в случаях, когда говорящий, подыскивая выражение, как бы извиняется за то, что найденные слова могут быть не самыми точными, или за то, что приходится использовать готовую формулу. Син. что называется, как говорится, как говорят.

□ Мухин у нас здесь, *так сказать, и швец, и жнец, и на дуде игрец*, без него мы как без рук. *Сострадание — это, так сказать, профессиональное качество врача*.

Выделяются и другие признаки данной категории. В частности, в сообщении Н.В. Богдановой-Бегларян [Богданова-Бегларян 2021] отмечается несколько функций дискурсивных маркеров, близких к *пустым словам*: ученый выделила десять типов таких слов-маркеров: *хезитативы* (заполняют паузы в размышлениях — эээ, это самое), *рефлексивы* (мыслительная реакция на собственное речевое поведение — так скажем), *апроксиматоры* (неуверенность в том, о чем говорит человек — я не уверен, вроде бы), *разграничители* (значит, ну вот, думаю, что).

Интересной представляется категоризация *пустых слов* на основе лексического и нелексического способа заполнения пауз [Sarira, Mahmud, Affandi, Burhamzah 2023]. В. Хамди определяет основные характеристики *пустых слов*:

- сниженное или даже отсутствующее информативное содержание по сравнению с информативным содержанием, передаваемым другими составляющими предложения;
- экстрафразовый характер (синтаксическая удаленность от основной части высказывания), что определяет их непредикативную позицию, периферийный статус и легкость опущения;
- их включенность в межфразовую и, следовательно, перифрастическую перспективу, что часто предрасполагает их к повторению, избыточности и десемантизации;
- принадлежность к импровизированному или полуимпровизированному дискурсу, что означает, что эти единицы, в основном, реализуются в устной речи (и тогда имеют отличную от всего остального высказывания мелодику) или в письменной (например, литературной) фиксации устной речи;
- совпадение с когнитивной точки зрения с моментами задумчивости и/или нехватки ментальных ресурсов у говорящего;
- повышенную частотность реализации при участии говорящих в динамичном и живом дискурсе (дебаты, дискуссии, ораторские поединки, импровизации на конференции или презентации и т. д.), а также при намерении оказать воздействие на собеседника (в информационных, аргументативных, манипулятивных, пропагандистских речах и т. д.) [Hamdi 2023: 8–9].

Большинство перечисленных особенностей нуждается в уточнениях и может в дальнейшем, после необходимых исследований, быть включено в число признаков данной категории.

К *пустым словам* относят полнозначные слова (*значит, это*), словосочетания (*так сказать*), служебные слова (*как бы, вот*). Отдельно следует рассмотреть *пустые слова*, образованные звуками (обычно произносимыми протяжно): эээ, ммм, кхм, хм. В принципе, они тоже подходят под определение *пустых слов*, так как в отличие

от междометий, к которым эти единицы отнесены в большинстве словарей и грамматик, не отражают эмотивного значения, составляющего основную часть лексического значения междометий. Похожая ситуация складывается и с «производными междометиями»: *черт побери*, *б...ть* и т. п.

Использование *пустых слов* представляется парадоксальным и противоречащим постулатам об экономии усилий при говорении. Впрочем, в большинстве случаев появление подобных слов и словосочетаний, а также неопределенных звуков, может объясняться тем, что говорящий, как было отмечено, выгадывает время для формирования дальнейшей программы говорения [Дараган 2000]. В устном варианте это проявляется в образовании паузы, а в письменном заминка иногда отражается многоточием:

(3) *Можно я отвечу на вопрос про связи с игроками. Значит, эта практика была введена в начале этого года... ну, в конце прошлого.*

(4) *Потом, значит, сказали про другое село, очень успешное, которое, как я понимаю, сравнительно быстро таковым стало, хотя было, видимо, в таком же тяжелом состоянии [НКРЯ].*

(5) *Alors, euh... je pense que, en fait, genre, on devrait peut-être attendre un peu (Так что... я думаю, что, на самом деле, может быть, нам стоит немного подождать) [CFPB]*

(6) *Weil also ... eigentlich ... na ja, ich bin mir nicht sicher, ob das wirklich die beste Idee ist (Потому что... на самом деле... ну, я не уверен, что это действительно лучшая идея) [DWDS].*

Отчасти этому представлению противоречит использование некоторых слов, обычно относящихся к *словам-паразитам*, в начале реплики. Это слова *значит*, *вот*, междометие *ну*, а также слова, эксплицирующие модальную рамку: *смотри*, *слушай*, поскольку экспликация модальной рамки в некотором смысле избыточна: она передается уже в структуре предложения [Борисова 2025: 21–33].

Использование *пустых слов* в начальной позиции реплики характерно и для других языков: англ. *well*, фр. *eh bien*, нем. *so (так)*. Все эти случаи можно рассматривать не как вынужденное торможение говорящего, а как некоторую подготовку слушающего к дальнейшему сообщению.

В целом проблема вставки *пустых слов* выводит на исследования речевого поведения, которые следует проводить с использованием методов и научного аппарата психологии и нейролингвистики. Собственно лингвистические наблюдения позволяют нам остановиться на том, что *пустые слова* появляются в речи, когда говорящий

не может или не хочет начать или продолжить передачу информации, однако не считает возможным молчать.

В.А. Плунгян и И.Б. Левонтина отмечают, что *пустые слова* делают речь более «естественной», контактной. Думается, что контактность и естественность здесь объясняются тем, что наличие *слов-паразитов* обеспечивает представление речи как спонтанной, а не заготовленной заранее.

Какая лексика может стать *пустыми словами*?

Рассмотрим теперь, какие слова могут принимать функции «пустых», заполнителей пауз до или в ходе реплики. Часть из них сохраняют возможность употребления и в собственном значении, не сводясь к хезитации. Однако некоторые являются или становятся маркерами хезитации. Собственно маркирование хезитации является основным содержанием целого ряда междометий *mmm*, *эээ*, фр. *euh*, *mmm*, *é*, нем. *ähm*.

(7) *Der Arzt legte mir einen ... ähm, wie hieß das?* (Врач положил мне...эм, как там его?), Tja (ну) *Tja, da kann man nichts machen* (Ну, тут ничего не поделаешь) [DWDS].

В большинстве же случаев *слова-хезитаторы* оказываются полнозначными и могут сохранять и исходные значения.

Степень сохранения связи с исходными значениями у *пустых слов* оказывается различной. Для некоторых функция *слова-паразиты* является если не единственной, то основной [Земская 2021: 91]. В числе таких слов и словосочетаний называют вводное употребление *это самое* [Сунь Сяоли 2022].

Видимо, такими же оказываются и слова *значит* (просторечное *значица*), *стало быть* (внутри высказывания). Это не означает, что эти слова и словосочетания потеряли собственное значение, однако именно хезитационная функция выходит на передний план.

Интересна роль вводных выражений *как там* или *как его*: они непосредственно апеллируют к попыткам вспомнить какое-то слово, т. е. передают не содержательную, а метатекстовую информацию. В этом смысле можно считать, что их роль изначально является «пустой», так как попытка вспомнить — один из признаков *хезитатора*. Сходные функции отмечают и у немецкого *wie heißt er* (как его там):

(8) *Es kommt, wie heißt er, noch gleich?* (Этом, как его там, придет же?) [DWDS].

Если не считать отмеченных слов, в большинстве случаев слова, традиционно признаваемые «паразитами», могут употребляться

в различных функциях не как *пустые слова*, а как те, которые имеют лексическое значение. Другое дело, что нередко лексическое значение улавливается с большим трудом, а иногда, как в случае с частицами и адвербиалами (наречиями в вводной функции), оно до сих пор не выявлено достаточно отчетливо. Но в любом случае связь «пустого» и лексического значения более или менее очевидна, и нередко она отмечается [Богданова-Бегларян 2021]. Более того, нередко как пустое отмечается появление служебного слова, которое может быть отнесено к употреблению частицы, имеющей собственное значение (*там, собственно*), безотносительно к тому, представляется ли это значение как лексическое [Borisova 2023] или как так называемое процедурное (процессуальное), т. е. представляющее собой инструкцию для понимания, которое позволяет адресату правильно трактовать обращенное к нему высказывание [Паршин 1988; Кулешова 2024: 10].

Но если мы рассмотрим их лексически наполненное употребление, мы обнаружим, что часто эта «наполненность» не является обязательной в данном контексте, однако и интерпретация слова как *пустого* тоже не представляется однозначной.

В соответствии со связями *слов-паразитов* с «непустыми» словами можно выделить несколько групп «пустых». Это могут быть слова, показывающие место дальнейшего сообщения в общей структуре общения (метатекстовая функция). Видимо, в первую очередь, здесь следует отметить слова «начала реплики»: *ну*, англ. *well* (так, хорошо), фр. *eh bien* (так, хорошо), нем. *so* (так), *na* (ну). Эти слова, отмечая начало разговора или ответной реплики, сохраняют свое значение. Для русского *ну* его можно описать приблизительно так: ‘до этого момента я не соглашался, а вот теперь согласен’:

(9) **Ну** пусть потрубят... Собака лает ветер носит... [НКРЯ].

В такую интерпретацию содержания можно вложить идею «пойти на требование», идею «наконец решился», идею «последней, а потому сильной» просьбы, оценки и т. п.:

(10) **Ну** что вы как маленькая... Ну не читайте вы «советских» газет до обеда — аппетит испортите... [НКРЯ].

В немецком языке *na* также может указывать на нерешительное согласие:

(11) **Na schön**, von mir aus kannst du gehen (**Ну** ладно, как по мне, так ты можешь идти) [DWDS].

В ряде случаев такое подчеркивание вполне объяснимо исходя из смыслов, возникающих в коммуникации. И в то же время эти же

оттенки могут выводиться из неречевого поведения (смущение, переступание с ноги на ногу, когда человек никак не может решиться говорить), из общих соображений коммуникации: заметим, такая задержка сообщения делает реплику менее категоричной: «я не хотел(а) говорить, но все же скажу».

И тем не менее и русское *ну*, и (в еще большей степени) английское *well* или немецкое *so* нередко воспринимается как слово-паразит, и учителя и тренеры пытаются избавить учеников от их повторения. (На сайте школы английского языка нам встретилось: «Сегодня без колодцев!», обыгрывая омонимию *well* — «колодец» и «хорошо, ладно»).

К метатекстовым элементам можно отнести *короче*, *кстати*, *вообще*, фр. *alors* (*итак*), нем. *sozusagen* (*так сказать*), *sogenannt* (*так называемый*):

(12) *Sie übertreiben sozusagen Ähnlichkeiten der Sprache zum Etruskischen* (Вы, **так сказать**, преувеличиваете связь данного языка с этрусским) [DWDS].

Здесь также могут иметь место иронические коннотации:

(13) *Wo sind denn deine sogenannten Freunde?* (Где же эти твои **так называемые** друзья?) [Deutsches Universalwörterbuch 2006].

Они используются в речи как значимые слова, которые отражают организацию текста и управляют вниманием адресата относительно восприятия тех или иных частей сообщения. Так, слово *кстати* используется в речи, чтобы показать, что последующее сообщение не является развитием предыдущего, а находится с ним в некоторой необязательной связи:

(14) *Когда он был разоблачен в 1942 году (кстати, по вине руководителей нашей разведки), Гиммлер и Мюллер были настолько поражены, что даже не доложили об этой скандальной истории фюреру, а по-тихому прикончили беднягу* (пример из [Инькова 2018]).

Однако имеется ряд примеров, когда метатекстовое использование этого слова трудно выявить, особенно в случае свободного диалога, в котором не очень четко отслеживаются причинно-следственные связи:

(15) *Кстати, он помолчал и, собравшись с духом, спросил дрожащим голосом: — Оля, ты меня любишь?* [НКРЯ].

И скорее можно говорить о его приближении к статусу *пустых слов*.

Аналогичные случаи можно отметить и для других слов с метатекстовой функцией, например, *так сказать*:

(16) ...и только потом, значит, это садиться все, так сказать, к столу и начинать, записывать это все, может быть, еще добавляя что-то, **так сказать**... [НКРЯ].

В принципе, словосочетание *так сказать* выражает неуверенность говорящего в выборе правильного наименования и маркирует поворот повествования к особой номинации или к возможному цитированию:

(17) Для здоровья князя Зина едет за границу, в Италию, в Испанию... где страна любви; где розы и поцелуи, **так сказать**, носятся в воздухе¹.

Однако для употреблений этого словосочетания в примере (18) данная метатекстовая функция не выявляется, как и во многих других примерах, что позволяет относить такие употребления к «пустым».

(18) ... чтобы енто / пришлось, значит, это самое, / вот, / и только потом, значит, это садиться все, **так сказать**, к столу и начинать / записывать это все, / может быть, еще добавляя что-то, / **так сказать**, еще ... [НКРЯ]

Вообще как значимое слово трактуется как наречие и толкуется как способ отвлечения от частных, расширение обозначаемой сферы (вплоть до синонимии с наречием *совсем*):

(19) Мне **вообще** ничего не хочется [НКРЯ].

В то же время ряд его использований позволяет утверждать, что в некоторых контекстах этот смысл не является обязательным, и фактически слово оказывается пустым:

(20) И о чем ты будешь рассказывать? — Ну мне **вообще** очень нравится «Мицери», я о нем много читал [НКРЯ].

Здесь опускание слова *вообще* никак не меняет содержание реплики. Невозможно найти и противопоставления конкретному.

(21) **Вообще**, этот аспирант веселый такой. Я пока отвечала, сама сидела хихикала (запись авторов).

Близкое к нему *вообще-то* — это вводное слово, позволяющее ввести (явно или подразумеваемо) противопоставление реального положения дел и отличающегося от него описания:

(22) Но я заметил одну деталь, пообсуждал ее со знакомыми, и они **вообще-то** согласились со мной [НКРЯ].

¹ Достоевский Ф.М. Дядюшкин сон. М., 2025.

Вообще-то здесь означает, что говорящий признает только частичное согласие знакомых: говорящий считает, что можно признать, что согласились, но возможны и отклонения от согласия.

В ряде примеров противопоставление стирается, употребление *вообще-то* перестает быть актуальным.

(23) Я, к примеру, акционер, прорабы, монтажники — тоже акционеры. Но **вообще-то** странно, что мы подобные вопросы выясняем по телефону — это очень серьезный разговор [НКРЯ].

В тех случаях, когда выявление противопоставления кажется маловероятным, можно говорить, что слово *вообще-то* получает функцию *пустого слова*.

Помимо слов с метатекстовой функцией возможен переход в разряд *пустых* и других единиц, что требует отдельного рассмотрения, результаты которого будут предложены авторами в дальнейшем.

Выводы

1. Во всех языках есть некоторая лексическая группа «слова, отражающие взаимодействие говорящего с адресатом». В основном это дискурсивные маркеры, усилительные частицы, коннекторы, междометия и т. п. В некоторых случаях это могут быть сочетания слов. Междометия способны уточнять организацию (ритмическую и эмоциональную) речи. Употребления данных слов не являются в большинстве случаев обязательными, их смыслы могут выводиться самим адресатом из контекста, передаваться интонацией, а иногда мимикой, жестами.

2. Говорящий может обращаться к таким «необязательным» словам и тогда, когда в этом нет особой необходимости.

3. Нередко в речи такие слова и словосочетания не несут никакого смысла и воспринимаются как «пустые», ненужные, *слова-паразиты*.

4. Возможность «лишнего» употребления создает возможность появления у таких слов новых функций: контактообразующей, маркирующей начало или другую часть общения, интимизации, хезитации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова-Бегларян Н.В. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография. СПб., 2021. 520 с.
2. Большой универсальный словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина, Г.Ф. Богачевой, Н.М. Луцкой. М., 2019. 1456 с.
3. Борисова Е.Г. Зачем нужна вербализация модальной рамки // Дискурс. Предложение. Слово (сборник статей к юбилею Ирины Михайловны Кобозевой) /

- Ред.-сост. М.Б. Панич, Н.В. Сердобольская, С.Г. Татевосов, О.В. Федорова. М., 2025. С. 21–33.
4. *Воротников Ю.Л.* «Как бы на самом деле, да?» или «О чем говорят паразиты»? М., 2019. 138 с.
 5. *Даразан Ю.В.* Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Труды Межд. семинара «Диалог-2000» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Теоретические проблемы. Протвино. 2000. Том 1. С. 67–73.
 6. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М., 1998. 206 с.
 7. *Земская Е.А.* Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 2021. 240 с.
 8. *Инькова О.Ю.* Кстати и между прочим: такие близкие и такие далекие // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 6. С. 51–65.
 9. *Кулешова А.В.* Проблема параметризации дискурсивных маркеров в трудах зарубежных лингвистов (на примере французского языка) // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 3. С. 6–15.
 10. *Левонтина И.Б.* О словах-паразитах // Русский язык. 2004. № 15. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.lsept.ru/index.php?year=2004&num=15> (дата обращения: 02.09.2025).
 11. *Литвинова Г.М.* К проблеме употребления слов-паразитов в современном русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 2. С. 55–62.
 12. *Паршин П.Б.* Сопоставительное выделение как коммуникативная категория // автореферат дис. канд. филол. наук: 10.02.21. М., 1988. 26 с.
 13. *Сунь Сяоли.* Прагматический маркер «это самое» в мультимедийном корпусе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 9. С. 2882–2888.
 14. *Шаронов И.А.* Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 51. С. 59–68.
 15. *Шмелев А.Д.* Слова-паразиты и их роль в построении дискурса // Русский язык в контексте современной культуры. Тезисы международной научной конференции. Екатеринбург. 1998. С. 151–153.
 16. *Яковлева Е.С.* Согласование модусных характеристик в высказывании. Логический анализ языка. М., 2003. 695 с.
 17. *Borisova E.* Modal particles, conjunctions and other discourse markers in the research conducted by Slavic pragmatists. The case of co-ordinate conjunctions in Russian Particles or Conjunctions // *Linguistica Fundamentalis*. 2023. № 3 (3). [Электронный ресурс]. URL: <https://linguistica-fundamentalis.ru/s294939000029402-1-1/> (дата обращения: 12.09.2025).
 18. *Fraser B.* Pragmatic Markers // *Pragmatics*. 1996. Vol. 6. Iss. 2, pp. 167–190. DOI: <https://doi.org/10.1075/prag.6.2.03fra>.
 19. *González Ormazábal S., San Martín Núñez A.* Los marcadores discursivos de relleno en el habla santiaguina: análisis pragmático y sociolingüístico // *Lenguas Modernas*. № 51. 2018 (Primer Semestre). P. 99–122.
 20. *Hamdi W.* Les expressions de remplissage : une étude cognitivo-pragmatique // *RASDL — Revue Algérienne Des Sciences Du Langage*. Volume 8, № 2. 2023. P. 1–23.
 21. *Sarira P., Mahmud M., Affandi A., Burhamzah M.* The existence of fillers in converting the written language to spoken language // *Borneo Journal of English Language Education*. 2023. № 5 (1). P. 1–13. ISSN: 2654-329X.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. НКРЯ (Национальный корпус русского языка): официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 22.09.2025).
2. DWDS (Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 29.09.2025).
3. Deutsches Universalwörterbuch // Auflage 6. Mannheim: Dudenverlag, 2006.
4. CFPB корпус французского языка (Corpus de français parlé à Bruxelles). [Электронный ресурс]. URL: <https://orfeo.ortolang.fr/annis-sample/cfpb/CFPB-1000-5.html> (дата обращения: 02.11.2025).

REFERENCES

1. Bogdanova-Beglaryan N.V. *Pragmaticscheskie markery russkoi povsednevnoi rechi: slovar'-monografiya* [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech]. SPb., Nestor-Istoriya Publ, 2021. 520 p. (In Russ.)
2. *Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka* / pod red. V.V. Morkovkin, G.F. Bogacheva, N.M. Lutsкая [The Large Universal Russian Dictionary]. Moscow, Gramota Publ, 2019. 1456 p. (In Russ.)
3. Borisova E. G. Zachem nuzhna verbalizatsiya modal'noi ramki [Why do we need to verbalize the modal frame?]. *Diskurs. Predlozhenie. Slovo* (sbornik statei k yubileyu Iriny Mikhailovny Kobozevoi) / Red.-sost. M.B. Panich, N.V. Serdobol'skaya, S.G. Tatevosov, O.V. Fedorova. Moscow, Buki Vedi Publ, 2025, pp. 21–33. (In Russ.)
4. Vorotnikov Yu. L. "Kak by na samom dele, da?" ili "O chem govoryat parazity"? [What do the filler words mean?]. Moscow, Rossiiskaya akademiya nauk Publ, 2019. 138 p. (In Russ.)
5. Daragan Yu. V. Funktsii slov-"parazitov" v russkoi spontannoi rechi [Functions of the filler words in Russian spontaneous speech]. *Trudy Mezhd. seminara «Dialog-2000» po komp'yuterno lingvistike i ee prilozheniyam. Teoreticheskie problemy*, 2000, vol. 1, pp. 67–73. (In Russ.)
6. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive words of the Russian language: experience in contextual semantic description] / pod red. K. Kiselevoi, D. Paiara. Moscow, Metatekst Publ., 1998. 206 p. (In Russ.)
7. Zemskaya E.A. *Russkii yazyk kak inostrannyi. Russkaya razgovornaya rech': lingvistscheskii analiz i problemy obucheniya* [Russian as a Second Language. Russian spoken language: linguistic analysis and problems of teaching]. Moscow, Flinta M., 1987. Publ, 2021. 240 p. (In Russ.)
8. In'kova O. Yu. *Kstati i mezhdru prochim*: takie blizkie i takie dalekie ["Kstati" and "mezhdru prochim": so close and so far away]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2018. № 6, pp. 51–65. (In Russ.)
9. Kuleshova A.V. Problema parametrizatsii diskursivnykh markerov v trudakh zarubezhnykh lingvistov (na primere frantsuzskogo yazyka) [The problem of parameterization of discourse markers in the works of foreign linguists (using the example of the French language)]. *Voprosy sovremennoi lingvistiki*, 2024, № 3, pp. 6–15. (In Russ.)
10. Levontina I. B. O slovakh-parazitakh [About the filler words]. *Russkii yazyk*, 2004, № 15. URL: <https://rus.1sept.ru/index.php?year=2004&num=15> (accessed: 02.09.2025).

11. Litvinova G. M. K probleme upotrebleniya slov-parazitov v sovremennom russkom yazyke [Filler Words in Contemporary Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2012, № 2, pp. 55–62. (In Russ.)
12. Parshin P.B. *Sopostavitel'noe vydelenie kak kommunikativnaya kategoriya* [Comparative prominence as the communication category], avtoreferat dis. kand. filol. nauk: 10.02.21. Moscow, 1988. 26 p. (In Russ.)
13. Sun' Syaoli. Pragmaticheskii marker "eto samoe" v mul'timediinom korpusе [The Pragmatic Marker "Eto Samoe" in the Multimedia Corpus]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022. Vol. 15. Issue 9, pp. 2882–2888. (In Russ.)
14. Sharonov I.A. Semanticheskie i pragmaticheskie aspekty opisaniya vvodnykh slov i kommunikativov [Parenthetical words and communicatives: semantic and pragmatic aspects of description]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2018, № 51, pp. 59–68. (In Russ.)
15. Shmelev A.D. Slova-parazyty i ikh rol' v postroenii diskursa [The role of filler words in discourse construction]. *Russkii yazyk v kontekste sovremennoi kul'tury. Tezisy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Ekaterinburg, 1998, pp. 151–153. (In Russ.)
16. Yakovleva E.S. *Soglasovanie modusnykh kharakteristik v vyskazyvanii. Logicheskii analiz yazyka*. [Concord of mode characteristic in linguistics.]. Moscow, Indrik Publ, 2003, p. 695. (In Russ.)
17. Borisova E. Modal particles, conjunctions and other discourse markers in the research conducted by Slavic pragmatists. The case of co-ordinate conjunctions in Russian Particles or Conjunctions. *Linguistica Fundamental*. 2023. № 3 (3). URL: <https://linguistica-fundamental.ru/s294939000029402-1-1/> (accessed:12.09.2025).
18. Fraser B. Pragmatic Markers. *Pragmatics*. 1996. Vol. 6. Iss. 2, pp. 167–190. DOI: <https://doi.org/10.1075/prag.6.2.03fra>.
19. González Ormazábal S., San Martín Núñez A. Los marcadores discursivos de relleno en el habla santiaguina: análisis pragmático y sociolingüístico. *Lenguas Modernas*. № 51. 2018 (Primer Semestre), pp. 99–122. (In Fr.)
20. Hamdi W. Les expressions de remplissage : une étude cognitivo-pragmatique. *RASDL — Revue Algérienne Des Sciences Du Langage*. Volume 8, № 2. 2023, pp. 1–23. (In Fr.).
21. Sarira P., Mahmud M., Affandi A., Burhamzah M. The existence of fillers in converting the written language to spoken language. *Borneo Journal of English Language Education*. 2023. № 5 (1), pp. 1–13. ISSN: 2654-329X.

SOURCES OF EXAMPLES

1. NKRYA (Natsional'nyi korpus russkogo yazyka) [The Russian National Corpus] URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 22.09.2025). (In Russ.)
2. DWDS (Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: <https://www.dwds.de/> (accessed: 29.09.2025). (In Germ.)
3. Deutsches Universalwörterbuch // Auflage 6. Mannheim: Dudenverlag, 2006. 2016 p. (In Germ.)
4. CFPB (Corpus de français parlé à Bruxelles). URL: <https://orfeo.ortolang.fr/annis-sample/cfpb/CFPB-1000-5.html> (accessed: 02.11.2025). (In Fr.)

Поступила в редакцию 12.01.2026

Отредактирована 20.03.2026

Принята к публикации 22.06.2026

Received 12.01.2026

Revised 20.03.2026

Accepted 22.06.2026

ОБ АВТОРАХ

Елена Георгиевна Борисова — д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической лингвистики филологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; egbor@ail.ru

Светлана Владиславовна Михайлова — к.ф.н., доцент кафедры романских языков и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; miailovasv@mgpu.ru

Анна Васильевна Васильцова — к.ф.н., доцент, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета; ksas3@yandex.ru

Игорь Сергеевич Калятин — к.ф.н., доцент кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; kalyatinis@mgpu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena G. Borisova — Prof. Dr., Professor, Head of the Department of Theoretical Linguistics of the Philological Faculty of the State Academic University of the Humanities; egbor@ail.ru

Svetlana V. Mikhailova — PhD, Associate Professor, Department of Romance Languages and Linguistic Didactics, Institute of Foreign Languages of Moscow City Pedagogical University; miailovasv@mgpu.ru

Anna V. Vasiltsova — PhD, Associate Professor, Department of Phonetics and Grammar of the French Language, Faculty of the French Language of Moscow State Linguistic University; ksas3@yandex.ru

Igor S. Kalyatin — PhD, Associate Professor, Department of Germanistics and Linguodidactics, Institute of Foreign Languages of Moscow City Pedagogical University; kalyatinis@mgpu.ru

АСИММЕТРИЧНЫЙ ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК И ЕГО РОЛЬ В ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Е. ВОДОЛАЗКИНА «БРИСБЕН»)

Л.О. Чернейко, М.И. Кудряшова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; avollis@mail.ru; mkudryashova18@mail.ru*

Аннотация: В анализируемом тексте романа Е. Водолазкина «Брисбен» «асимметричный дуализм языкового знака» (концепция С.О. Карцевского) выполняет а) структурную функцию, организуя художественный текст (далее — ХТ) через семантические «реляции», образующие значимые вторичные («приращенные») смыслы текста, и б) эстетическую, являясь речевой основой приема лексического повтора. Такого рода повтор в пределах одного контекста, связанный либо с означающим в его разных означаемых, либо с означаемым, «переодетым» в синонимы, можно рассматривать как разновидность языковой игры. Что касается «приращенного» смысла, определяемого лексическим повтором асимметричного знака, то он состоит в экспликации иронического отношения нарратора к тому или иному персонажу или описываемому явлению. Отмеченные лексические повторы дают основание для их достаточно простой типологизации по следующим параметрам: а) повтор-полисемия и повтор-синонимия; б) текстовое расположение повтора: повтор контактный или дистантный. В рассмотренных лексических повторах обнаруживается связь с идейным уровнем произведения, что определяет его когнитивный статус (он подчеркивается эпиграфом). Особое внимание уделяется текстопорождающей потенции асимметричного знака и специфике ее реализаций в конкретных фрагментах текста. Важными для характеристики идиостиля автора анализируемого ХТ являются повторяющиеся фрагменты метатекста, в первую очередь это оценка слова. Особое внимание уделено проблеме метафорического мышления, в основе которого лежит механизм проекции субъектом речи малопонятного неизвестного феномена на предметную сферу его личностного опыта, что открывает широкую перспективу изучения личностного опыта автора художественного произведения по используемым метафоризаторам.

Ключевые слова: асимметричный языковой знак; полисемия; синонимия; лексический повтор; языковая игра; метатекст; метафорическое мышление; Е. Водолазкин

Для цитирования: Чернейко Л.О., Кудряшова М.И. Асимметричный языковой знак и его роль в организации художественного текста (на материале романа Е. Водолазкина «Брисбен») // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 40–52.

ASYMMETRICAL LINGUISTIC SIGN AND ITS ROLE IN THE ORGANIZATION OF LITERARY TEXT (BASED ON THE NOVEL *BRISBANE* BY E. VODOLAZKIN)

Luidmila O. Chernejko, Marija I. Kudryashova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; avollis@mail.ru;
mkudryashova18@mail.ru*

Abstract: In the analyzed text of E. Vodolazkin's novel *Brisbane* the “asymmetric dualism of the linguistic sign” (S.O. Kartsevsky's concept) performs a) a structural function, organizing the literary text (hereinafter LT) through semantic “relations” that form significant secondary (“incremental”) meanings, and b) an aesthetic function, serving as the verbal basis for the device of lexical repetition. This type of repetition within a single context — associated either with a signifier in its various signifieds or with a signified “dressed up” in synonyms — can be viewed as a form of linguistic game. Regarding the “incremental” meaning determined by the lexical repetition of the asymmetric sign, it lies in the explication of the narrator's ironic attitude toward a specific character or described phenomenon. These lexical repetitions allow for a relatively simple typology based on the following parameters: a) polysemy-based repetition and synonymy-based repetition; b) the textual arrangement of the repetition: contact or distant. The examined lexical repetitions reveal a connection with the ideational level of the work, which defines its cognitive status (emphasized by the epigraph). Special attention is paid to the text-generating potential of the asymmetric sign and the specifics of its realization in particular fragments. Crucial to characterizing the author's idiostyle in the analyzed LT are recurring fragments of metatext, primarily the evaluation of the word. Special attention is also given to the problem of metaphorical thinking, which is based on the mechanism of the speaker's projection of a poorly understood, unknown phenomenon onto the objective sphere of their personal experience. This opens a broad perspective for studying the author's personal experience through the metaphors employed.

Keywords: asymmetric dualism of the linguistic sign; polysemy; synonymy; lexical repetition; wordplay; metatext; metaphorical thinking; E. Vodolazkin

For citation: Chernejko L.O., Kudryashova M.I. (2026) Asymmetric Linguistic Sign and Its Role in the Organization of a Literary Text (Based on the Novel *Brisbane* by E. Vodolazkin). *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 40–52.

Глеба же, смутно чувствующего, что жизнь состоит из повторов и параллельных высказываний, тема полифонии захватила целиком.

Е. Водолазкин. «Брисбен».

1. Асимметричный языковой знак как основа лексического повтора в ХТ

1.1. «Асимметричный дуализм языкового знака»

В соответствии с концепцией С. Карцевского, асимметричный дуализм проявляет себя в полисемии (ученый не делает различия между полисемией и омонимией) и синонимии [Карцевский 1965]. Если иметь в виду коммуникативную ситуацию, то можно сказать, что «дуализмы» распределены между участниками ситуации следующим образом: полисемия снимается слушающим, выбирающим из контекста необходимый лексико-семантический вариант (далее — ЛСВ), а синонимия — говорящим, выбирающим из лексической системы соответствующий замыслу и характеру коммуникативной ситуации знак [Чернейко 2017].

Полисемия знака обуславливает его текстопорождающую потенцию и в обыденной речи, и в ХТ, проявляя себя в совмещении в пределах одного контекста разных ЛСВ. Так, в приводимом бытовом диалоге очевидно спонтанное совмещение разных ЛСВ имени *служба*, один из которых, религиозный, представлен эксплицитно в ответной реплике 2, а другой, связанный с пребыванием на работе — имплицитно в реплике 3: *А папа дома? — Нет, он на службе. — Так сегодня ж воскресенье. — А он в храме.* Аналогичная ситуация и в поэтическом ХТ, но в монологическом формате: *Мне **выпало** горе родиться в двадцатом, в проклятом году и в столетье проклятом. Мне **выпало** все. И при этом я **выпал**, как пьяный из фуры, в походе великом* (Д. Самойлов).

1.2. Повтор как художественный прием

Обширна филологическая литература, объект которой — повтор и его типология: фонетический повтор (в традиционных терминах «аллитерация» и «ассонанс»), словообразовательный [Зубова 2014], морфологический («полиптих») [Хазагеров 2021], семантико-синтаксический — «повтор отношений» [Евтушенко 2021], лексический [Купина 1983]. Особняком стоит термин «параллелизм» [Якобсон 1983], под которым Р. Якобсон понимает основной принцип организации текста, включающий в себя как сходство, так и контраст. Выделяя поэтическую функцию языка как особую разновидность

функций [Якобсон 1975], ученый видит в параллелизме ее «внутренний механизм».

Д.Н. Шмелев подробно рассмотрел роль параллелизма, понимаемого как повторение аналогичных морфологических форм в тех же синтаксических конструкциях поэтической речи [Шмелев 1970], уделив особое внимание феномену, получившему название «асимметричный параллелизм», за которым стоит либо инверсия тождественной синтаксической конструкции, либо ее наполнение иными морфологическими формами.

Асимметричный знак является языковой основой лексического повтора, который охватывается общим определением термина, предложенным М.Л. Гаспаровым: «повтор — основная разновидность стилистических фигур прибавления»¹ [ЛЭС 1987]. Повтор как спонтанное или намеренное повторение определенного языкового элемента (звука, словоформ одной лексемы, слова или его отдельного ЛСВ) в пределах единого речевого фрагмента представляет собой одно из распространенных средств достижения выразительности речи и организации художественного текста.

Лексические повторы — атрибуция любого художественного (и не только) текста, как правило, небольшого объема, что определяется, во-первых, единством тематики текста и вариативностью средств ее выражения, а во-вторых, текст является результатом комбинаторики ограниченного тематикой количества лексических единиц. Эти повторы можно считать структурно обязательными. Но в ХТ повторы выполняют эстетическую функцию, вызывающую эмоциональный отклик у перцепта — слушателя или читателя. В [Метлякова 2011] подробно описаны лексические повторы и предложена их классификация, однако повтор асимметричного знака как особый для организации ХТ тип повтора в отмеченной типологии не значится.

В литературе о параллелизме и повторе как «прибавлении» выделяются повторы и аппликации. Но если соотнести определения этих многозначных терминов, то можно рассматривать семантическую аппликацию (в одном из предлагаемых пониманий термина²) как частный случай лексического повтора — в частности, как «перевод» означаемого в разные означающие-синонимы.

В анализируемом романе художественный прием повтора асимметричного языкового знака не только характеризует идиостиль

¹ В статье не ставится цель осмысления анализируемого текстового материала в понятиях риторики, поэтому термины риторических фигур не используются.

² «Семантическая аппликация — это прием наложения языковых единиц, т. е. обозначение одного денотата более чем одной языковой единицей, порождающее явление семантического преобразования» [Порошина 2010: 96].

автора, но и играет важную роль в структурировании текста романа, создавая систему «реляций», образующих значимые вторичные («приращенные») смыслы, которые выполняют когнитивную функцию, соотносясь с основной идеей романа.

2. Лексические повторы, основанные на асимметричном дуализме языкового знака

Наиболее частым является лексический повтор, основанный на полисемии (омонимии) и синонимии (в широком понимании термина). Типологизация такого рода повторов выглядит достаточно просто — это повтор-полисемия и повтор-синонимия, важно также положение повтора в тексте: контактный он или дистантный.

2.1. Повтор-полисемия проявляет себя в контактном совмещении разных значений одного слова в пределах контекста, что делает два семантически несовместимых ЛСВ совмещенными контекстом, например: *Молчание Сильвестра было столь глубоким, что, казалось, у него **исчез** голос. В конце концов **исчез** и сам Сильвестр.* Подобного рода повтор можно рассматривать, с одной стороны, как вид стилистического приема, основанного на языковой игре (каламбур) и создающего комический (юмористический) эффект, с другой — как способ имплицитного выражения значимого смысла 'причинно-следственная связь', который встраивает данный контекст в основную проблематику романа: может ли человек продолжать существовать, если он потерял свой главный инструмент общения с социумом — голос, неразрывно связанный для главного героя романа Глеба с миром музыки.

Более сложный случай повтора означающего представлен однокоренными словами — производящим и производным, как, например, в контексте *В конце концов она (свеча), **разумеется, погасла.** Не **гасло** лишь чувство Глеба к Лене.* Если в первом предложении производный глагол совершенного вида *погаснуть* употребляется в своем прямом (буквальном) значении, являясь предикатом предметного имени *свеча*, то во втором предложении производящий глагол несовершенного вида *гаснуть* выступает в роли стандартного вторичного предиката при абстрактном имени (далее — АИ) *чувство/любовь*, которое приобретает вещную коннотацию 'огонь, пламя', что коррелирует с присущей русской культуре онтологической метафорой 'любовь — огонь' (ср.: *пламя любви*).

Аналогичная ситуация наблюдается и в контексте ***Высота** звука переходит в **высоту** страдания*, где имя *высота* в сочетании с предметным именем *звук* является его стандартным предикатом, определяющим такой физический параметр звука, как частота его колебаний, тогда как в сочетании с АИ *страдание* параметрическое имя

существительное выполняет функцию вторичного предиката АИ, имплицитно стоящему за именем абстрактному феномену «вещную коннотацию» ‘звучащий внутренний дискомфорт’. Приведенный контекст, как и многие другие, не связанные с повтором, свидетельствует об особом мировосприятии главного героя-музыканта, осмысляющего окружающий мир как звучащий и соответственно этому восприятию его оречевляющий.

В связанных (не свободных, но и не фразеологических сочетаниях-коллокациях) воплощается метафорическое мышление, в рамках которого существуют абстрактные феномены невидимого мира чувств [Чернейко 2021]. В основе такого типа мышления лежит механизм проекции, когнитивный вектор которого имеет одно направление: от неизвестного и потому мало понятного к предметам коллективного или личностного опыта [Чернейко 2019]. Абстрактный феномен как недоступный эмпирическому восприятию проецируется на наглядную предметную сферу, получая от имен предметов этой сферы их предикаты, что и создает образность (точнее — символичность) абстрактного феномена (позиция говорящего) и образность (вещность) абстрактного имени (позиция слушающего). Очевидна когнитивная зависимость познаваемого абстрактного феномена от предметного опыта говорящего как субъекта познания, сознания и речи. Именно из предметной сферы коллективного и личностного опыта извлекаются метафоризаторы³ [Чернейко 2021], позволяющие реконструировать личностный опыт самого писателя.

2.2. Контактный повтор-полисемия в тексте романа варьируется между двумя полюсами смыслообразующей функции — сугубо констатирующей и комической: *Так, к сообщению стенгазеты о том, что генсек Черненко **принял** управление страной, Иван Алексеевич, также успевший уже **принять**, приписал...* Смешение высокого и низкого, проявляющееся в столкновении и тем, и слов (или его отдельных ЛСВ), принадлежащих разным стилистическим регистрам, — известный способ создания комического. Описательный предикат (ОП1) *принять управление* связан с официально-деловым стилем, в то время как *принять* в значении ‘выпить’ — с разговорным, сниженным.

В рассмотренных выше контекстах вектор движения смыслов шел в направлении от прямого (буквального, более конкретного) значения в сторону производного (более абстрактного). Но в уже рассмотренном выше контексте с повтором глагола *исчезнуть* (*исчез голос и исчез Сильвестр*) обращает на себя внимание иной вектор

³ Вспомогательные субъекты метафоры, согласно концепции М. Блэка [Блэк 199].

движения смыслов: от ЛСВ1 'перестать существовать, проявляться' к ЛСВ2 — 'оказаться неизвестно где' (словарь С.И. Ожегова). Первое значение представляется более абстрактным, чем второе, поскольку означающее имеет более широкий экстенционал. В аспекте движения смысла примечателен следующий контекст: *Она (моя жизнь) сложилась не так, как я хотел. А может, и просто сложилась. Схлопнулась. Смялась, как этот спичечный коробок.*

В связанном словосочетании *жизнь сложилась* глагол *сложиться* является вторичным предикатом к АИ *жизнь* и выступает в своем переносном значении, обязательном для всех вторичных предикатов. Словарь Д.Н. Ушакова в качестве основного дает акциональное значение и определяет его как 'составиться из частей', а второе, производное — как 'возникнув, обрести какую-н. законченную форму'. Но повтор означающего идет по линии от абстрактного значения глагола в словосочетании *жизнь сложилась* к его предметному значению, которое притягивает синоним *схлопнуться* и контекстный синоним *смяться*, осложненный сравнительным оборотом, придающим пессимистическую окраску всему сложному контексту. Таким образом, в повторе-полисемии возможно движение смысла и от прямого значения к переносному, как в контекстах с глаголами *погаснуть/гаснуть* или с именем существительным *высота*, так и в направлении от вторичного (переносного) к основному. В некоторых случаях полисемия представлена имплицитно: *от Анны он больше не хотел ничего, кроме участия и тепла*, главным образом *душевного*. Через уточнение в одном означающем *тепло* соединяются значение физическое (прямое) и метафизическое (переносное).

2.3. Дистантный повтор гиперонима

На протяжении всего текста одно и то же означающее (а это, как правило, АИ-гипероним) в каждом отдельном контексте может соответствовать разным фрагментам действительности. Так, слово *изделие* становится обозначением весьма разнородных референтов: алкогольных напитков (*дешевые изделия вроде 72-го портвейна*), элементов одежды, продуктов (*колбасное изделие*) и музыкальных инструментов. Этот ассоциативный ряд обнаруживает особое отношение и нарратора, и персонажа к предметному миру: вещи (предметы) мыслятся как стандартные, а субъект речи склонен к использованию гиперонимов вместо вводящих идею конкретного предмета гипонимов, например, *здание*, *инструмент*, что свидетельствует о значительной дистанции между субъектом речи и предсказуемыми функциональными предметами повседневного быта, о его отстраненности от обыденности и вещиности.

3. Повтор-синонимия

Повтор-синонимия воплощается в повторе означаемого, «переломного» в близкие по смыслу означающие, смежное употребление которых актуализирует их семантико-стилистические отличия. Повтор может не ограничиваться пределами одного контекста — он может быть и контактным, и дистантным. Контактный повтор означаемых обычно реализуется в конструкции противопоставления с оператором отрицания «не X, (а) Y»: *Пан Тадеуш пел романсы — есть разница. И не пел — исполнял*. Такая конструкция, во-первых, актуализирует семантико-стилистические различия синонимов. Семантический акцент на глаголе *исполнять* вводит не отмеченную словарями сему 'виртуозность исполнения' с имплицатурой 'торжественность обстановки'. Во-вторых, уточняющим глаголом в данном случае вводится ироничное отношение нарратора к персонажу. Примеры такого рода повтора можно дополнить, но суть в том, что повтор означаемого обычно осуществляется по модели, где второй синоним, сужая значение первого, выполняет по отношению к нему уточняющую функцию, но при этом сам актуализирует контекстные смыслы.

4.1. Роль повтора в организации текста

Повтор, не связанный с асимметрией языкового знака, играет значительную роль в композиции романа со сложной хронологической структурой. Текст разбивается на эпизоды посредством повтора одного слова или ряда однокоренных слов. В контексте о прошлом героя, повторяемая значимая единица — морфема или лексема — становится для него основой устойчивых ассоциаций.

В эпизоде, повествующем об освоении Глебом игры на домре, многократно повторяется слово **нюанс**, что объясняется не столько его семантической неоднозначностью, сколько особым отношением героя-музыканта к фонетической стороне этого слова, выраженным следующим метатекстом⁴: *Само слово **нюанс** Глеба завораживало. Оно было таким выразительным, таким утонченным, что не требовало уточнений*. Восприятие Глебом звучания слова совпадает с семой 'тонкое различие', входящей в семантику имени, что позволяет вписать это слово в звукоизобразительную (фоносемантическую) систему русского языка. Слово **нюанс** повторяется и в следу-

⁴ А. Вежицкая рассматривала авторский монологический текст как своего рода «двутекст», состоящий из высказывания о предмете и высказывания о самом высказывании [Вежицкая 1978]. Расширение понятия «метатекста» оказалось возможным за счет включения в список метатекстовых единиц оценочных прилагательных, как, например, в контексте *Мы подошли к селу с угрюмым названием Мурыжиха* (подробно в [Чернейко 1990]).

ющих главах, символизируя связь прошлого с настоящим (повествование ведется в двух временных планах) и, шире — целостность жизни во всех ее тонких проявлениях.

Рефлексия, связанная с отношением говорящего к слову и проявляющаяся в его эксплицитной и имплицитной формах оценки, создающей метатекст, охватывает не только означающее, но и его означаемое — в частности, семантическую структуру знака. Так, в тексте романа достаточно часто встречается метатекстовый оператор *в прямом смысле (в хорошем смысле и под.)*, отсылающий к неоднозначности слова, даже если словари ее не фиксируют, например: *...оканчивать уровнем, который ниже изначального, — это провал. В прямом смысле провал, движение вниз.* Оператор *в прямом смысле* следует отличать от сходного с ним оператора *в смысле* с вопросительной интонацией, который сигнализирует непонимание слушающим собеседника.

4.2. Когнитивная функция игрового повтора

Повторяются не только отдельные слова, но и целые фразы, становясь связующим элементом, лейтмотивом всей истории. Впервые фраза *жутко жуку жить на суку* появляется в самом начале жизненного пути Глеба как скороговорка, произносимая в качестве разминки перед уроками в школе. Она закрепляется в его памяти и всплывает в разные моменты его жизни, тем самым задавая эмоциональную доминанту эпизодов и выявляя их подспудную «жуть»: *Жутко... Не находя нужного слова, Таргоний нарисовал в воздухе странную фигуру. Жутко жуку жить на суку, подсказал Глеб. Таргоний поднял на него страдальческие глаза: жук, он, видите ли, так как-то улыбнулся — спокойно и жутко... Не помню, кто сказал... Жуковский, отозвался Клещук. ... Таргоний закричал на весь ресторан: жизнь жестока, и каждый жук — жертва!* Здесь фраза провоцирует языковую игру (жук — Жуковский) и возникновение интертекстуального плана (аллюзия на А. Ахматову). Наконец, она обретает семантическую наполненность и идейную завершенность, подводя итог всем предшествующим контекстам: *Услышав, как жутко жуку жить на суку, девушка только посмеялась. Отчего же он живет на суку, если ему там жутко? Глеб задумчиво посмотрел на нее: оттого, что это его родина, Беата.* Та же идея родины, дома актуализируется и благодаря экстенсивному полиптоту — повтору лексемы в разных падежах, который повышает удельный вес лексемы в отрезке текста [Хаззагеров 2021], выделяя важное понятие: *Дома многое отвлекало. Дома. Дому. Дом. Единственный, возможно, в его жизни.*

5. Текстовая парадигма «счастье»

Главная идея счастья (Брисбен — город-символ) лейтмотивом проходит через весь текст романа и находит конкретное воплощение в перцептивно-аксиологической парадигме [Чернейко 2017], инвариантом которой является сема 'счастливый', что тоже можно считать повтором особого рода. Каузаторами состояния счастья становятся такие простые проявления жизни, как *ночная бабочка* (счастье: *влетает в окна с ночными бабочками*) или *запах реки* (счастье: *возникает от запаха реки*). Именно эти каузаторы счастья свидетельствуют о переживании феномена «счастья» не как социального успеха, а как радости слияния человека с природой, как радости от ощущения полноты жизни.

Но вместе с тем вследствие своей эфемерности счастье выступает как философская категория, которую герои пытаются осмыслить на протяжении всего романа. И такое «счастье вообще» столь же призрачно, недостижимо, как и город мечты Брисбен.

Вместо заключения

Лексический повтор, основанный на асимметрии языкового знака, примечателен своей функциональной амбивалентностью: на игровой функции строится комический (иронический) эффект, на когнитивной базируется главная идея произведения.

Метатекст свидетельствует о внимании и персонажа-музыканта, и нарратора не только к миру музыки, но и к звучащему слову (*ню-анс*), а также к его семантической структуре (*в прямом смысле*).

Повтор как один из технических принципов организации ХТ поднимается автором на метафизическую высоту, реализуя в тексте романа значение, зафиксированное не всеми словарями и аналогичное значению его кодировката *повторение*, что подтверждается словами, вынесенными в эпиграф статьи.

Если даже неоднократное употребление слова в тексте существенно его усложняет, что «приводит к приращению смысла» [Купина 1983: 90–91], то рассмотренные лексические повторы как своего рода семантико-синтаксические модели текста не просто его усложняют, но становятся конструктивной базой текста, определяющей и читательское восприятие. Повтор, используемый в ХТ с эстетически значимой целью (повтор эстетический), и повтор когнитивный как повторение каких-либо событий (в том числе воспоминаний) создают в тексте романа не только особую общую форму, которая в музыке (и поэзии) обозначается термином «рондо», но и, пожалуй, главный «приращенный смысл», символизирующий понимание жизни как движения по кругу, из которого невозможно вырваться в реальный австралийский город Брисбен, являющийся предметом

мечты, фантазии матери героя, но ставший в романе емким символом недостижимости счастья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153–172.
2. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.
3. Евтушенко О.В. Об одном виде повтора отношений в прозаических текстах // Жизнь языка. К 100-летию со дня рождения М.В. Панова. М., 2021. С. 35–36.
4. Зубова Л.В. Морфемика и словообразование современного русского языка / Л.В. Зубова, Ю.В. Меньшикова. СПб., 2014.
5. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме языкового знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965. С. 85–90.
6. Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск, 1983.
7. ЛЭС. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
8. Метлякова Е.В. Лексический повтор как семантико-стилистическая категория организации лирического текста в раннем творчестве Анны Ахматовой. Ижевск, 2011.
9. Хазагеров Г.Г. Русский полиптит: грамматическая форма и риторическое содержание // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Том 25. № 2. 2021.
10. Чернейко Л.О. Асимметрия языкового знака в связи с проблемой смыслового-приятия и смыслопорождения. // Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. Вып. XVII. М., 2016. С. 50–57.
11. Чернейко Л.О. Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. М., 2017.
12. Чернейко Л.О. Оценка в знаке и знак в оценке // Филологические науки. № 2. М., 1990. С. 72–82.
13. Чернейко Л.О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 158–170.
14. Чернейко Л.О. Языковая метафора и метафорическое мышление // Язык, сознание, коммуникация, том 63. М., 2021. С. 40–61.
15. Шмелев Д.Н. Об асимметричном параллелизме в поэтической речи // Русский язык в школе. 1970. № 5. С. 8–13.
16. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.
17. Якобсон Р.О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М., 1983. С. 462–482.

ИСТОЧНИК КОНТЕКСТОВ

Водолазкин Е.Г. Брисбен. М., 2023.

REFERENCES

1. Black M. Metafora [Metaphor]. Teoriya metafory [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ, 1990, pp. 153–172. (In Russ.)
2. Vezhbitskaja A. Metatekst v tekste [Metatext in Text]. Novoe v zarubezhnoj lingvistike [New in Foreign Linguistics]. Moscow, Progress Publ, 1978. Issue XVIII. (In Russ.)

3. Evtushenko O.V. Ob odnom vide povtora otnoshenii v prozaicheskikh tekstakh [On a Type of Repetition of Relations in Prose Texts]. *Zhizn' yazyka. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.V. Panova* [The Life of Language. For the Centenary of M.V. Panov's Birth]. Moscow, 2021, pp. 35–36. (In Russ.)
4. Zubova L.V. Morfemika i slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka. L.V. Zubova, Yu.V. Men'shikova. Saint-Petersburg, *Saint Petersburg State University, Faculty of Philology Publ*, 2014, 254 p. (In Russ.)
5. Karcevskij S.O. Ob asimmetrichnom dualizme jazykovogo znaka [On the asymmetric dualism of the linguistic sign]. *Zvegincev V.A. Istorija jazykoznanija XIX–XX vv. v ocherkah i izvlechenijah. Ch. 2.* [History of Linguistics of the 19th–20th Centuries in Essays and Excerpts. Part 2.]. Moscow, *Prosveshhenie publ*, 1965, pp. 85–90. (In Russ.)
6. Kupina N.A. Smysl khudozhestvennogo teksta i aspekty lingvosmyslovogo analiza [The Meaning of a Literary Text and Aspects of Linguo-Semantic Analysis]. Krasnoyarsk, *Krasnoyarsk University Press Publ*, 1983. 160 p.
7. LES. Literaturnyi ehntsiklopedicheskii slovar' [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, *The Modern Encyclopedia Publ*, 1987. 750 p.
8. Metlyakova E.V. Leksicheskii povtor kak semantiko-stilisticheskaya kategoriya organizatsii liricheskogo teksta v rannem tvorchestve Anny Akhmatovoi [Lexical Repetition as a Semantic-Stylistic Category of Lyrical Text Organization in the Early Work of Anna Akhmatova]. Izhevsk, *Udmurt State University Publ*, 2011. 230 p.
9. Hazagerov G.G. Russkij poliptot: grammaticeskaja forma i ritoricheskoe sodержanie [Russian polyptote: grammatical form and rhetorical content]. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 2021, Vol. 25, № 2. (In Russ.)
10. Chernejk L.O. Asimetrija jazykovogo znaka v svjazi s problemoj smyslovosprijatija i smysloporozhdenija [The asymmetry of the linguistic sign in connection with the problem of sense perception and meaning generation]. Slovo. Grammatika. Rech': Sbornik nauchno-metodicheskikh statej po prepodavaniju RKI [Word. Grammar. Speech: Collection of Scientific and Methodological Articles on Teaching Russian as a Foreign Language (RKI)]. Moscow, *MAKS Press Publ*, 2016, Issue XVIII, pp. 50–57. (In Russ.)
11. Chernejk L.O. Kak rozhdaetsja smysl: Smyslovaja struktura hudozhestvennogo teksta i lingvisticheskie principy ee modelirovanija [How Meaning is Born: The Semantic Structure of a Literary Text and the Linguistic Principles of its Modeling]. *Gnosis Publ*, Moscow, 2017. (In Russ.)
12. Chernejk L.O. Ocenka v znake i znak v ocenke [Sign in Evaluation and Evaluation in Sign]. *Filologicheskie nauki*, 1990, № 2, pp. 72–82. (In Russ.)
13. Chernejk L.O. Ponjatija «proekcija» i «proektivnyj smysl» v terminosisteme kognitivnoj lingvistiki [The Concepts of «Projection» and «Projective Meaning» in the Terminology System of Cognitive Linguistics]. *Kritika i semiotika*, 2019, № 2, pp. 158–170. (In Russ.)
14. Chernejk L.O. Jazykovaja metafora i metaforicheskoe myshlenie [Linguistic metaphor and metaphorical thinking]. Jazyk, soznanie, kommunikacija [Language, Consciousness, Communication]. Moscow, *MAKS Press Publ*, 2021, Vol. 63, pp. 40–61. (In Russ.)
15. Shmelev D.N. Ob asimmetrichnom parallelizme v pojeticheskoi rechi [On Asymmetrical Parallelism in Poetic Speech]. *Russkij jazyk v shkole*, 1970, № 5, pp. 8–13. (In Russ.)
16. Jakobson R.O. Lingvistika i poehtika [Linguistics and Poetics]. Strukturalizm: “za” i “protiv” [Structuralism: “For” and “Against”]. Moscow, *Progress Publ*, 1975, pp. 193–230. (In Russ.)

17. Yakobson R.O. Poehziya grammatiki i grammatika poehzii (The Poetry of Grammar and the Grammar of Poetry). Semiotika [Semiotics]. Moscow, *Rainbow Publ*, 1983, pp. 462–482. (In Russ.)

SOURCE OF EXAMPLES

Vodolazkin E.G. Brisben [Brisbane]. Moscow, *AST Publ*, 2023. 410 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.12.2025

Отредактирована 20.02.2026

Принята к публикации 22.06.2026

Received 20.12.2025

Revised 20.02.2026

Accepted 22.06.2026

ОБ АВТОРАХ

Людмила Олеговна Чернейко — д.ф.н., профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; avollis@mail.ru

Мария Игоревна Кудряшова — студент 3-го курса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mkudryashova18@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Liudmila O. Chernejko — Prof. Dr., Department of Russian Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; avollis@mail.ru

Marija I. Kudryashova — 3rd-grade student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; mkudryashova18@mail.ru

ОБРАЗ ТИБЕТА В РУССКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Ло Сюе

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 997351790@qq.com

Аннотация: В статье исследуется образ Тибета в русском интернет-дискурсе. Основная задача работы заключается в выявлении и описании ключевых языковых средств и речевых приемов, участвующих в формировании данного образа в различных жанрах интернет-коммуникации. Мы анализируем представления о Тибете на основе текстов СМИ и блогов, посвященных Тибету, текстов рекламы тибетских клиник, рассматриваем также электронную коммуникацию (оценки тибетских клиник со стороны пациентов и отзывы пользователей интернета). В первой части статьи проводится анализ образа Тибета в туристических блогах. Здесь можно выделить описание и оценку тибетских пейзажей, культуры, фольклора и других аспектов. Вторая часть представляет собой анализ представлений о Тибете в СМИ. Изучая различные типы заголовков новостей и репортажей, мы исследовали особенности образа Тибета в общественном видении. Последняя часть посвящена рекламе тибетских клиник и представляет образ Тибета, сформированный в рекламных текстах. Исследование осуществляется с помощью метода дискурс-анализа, который учитывает языковые, социальные и культурные условия для изучения лингвистических фактов и помогает определить контекстную ценность слов автора и интерпретацию читателя. При помощи описательного метода, применяющегося во всех разделах, демонстрируются видение официальных СМИ и впечатления пользователей интернета о Тибете. Метод лингвистического анализа, включающий контекстный анализ языковых единиц, позволил воссоздать образ Тибета в проанализированных текстах. Изучение различных точек зрения, таких как язык рекламы и маркетинговая стратегия, раскрывает и интерпретирует то, как формируется загадочный, мистический и религиозный образ Тибета в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: Тибет; образ Тибета; дискурс; интернет-дискурс; имагология

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-4

Для цитирования: Ло Сюе. Образ Тибета в русском интернет-дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 53–62.

THE IMAGE OF TIBET IN RUSSIAN INTERNET DISCOURSE

Luo Xue

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 997351790@qq.com

Abstract: This article examines the image of Tibet in Russian Internet discourse. The main objective of the work is to identify and describe the key linguistic means and speech techniques involved in the formation of this image in various genres of Internet communication. We analyze ideas about Tibet based on media texts and blogs about Tibet, advertising texts of Tibetan clinics, and electronic communication (patient evaluations of Tibetan clinics and reviews from Internet users) is also considered. The first part of the article analyzes the image of Tibet in travel blogs. Here you can highlight the description and assessment of Tibetan landscapes, culture, folklore and other aspects. The second part is an analysis of the ideas about Tibet presented in the media. By studying different types of news headlines and reports, we explored the peculiarities of the image of Tibet in the public vision. The last part is devoted to advertising Tibetan clinics and presents the image of Tibet formed in advertising texts. The research is carried out using the method of discourse analysis, which takes into account linguistic, social and cultural conditions for studying linguistic facts and helps to determine the contextual value of the author's words and the reader's interpretation. Using the descriptive method used in all sections, the vision of the official media and the impressions of Internet users about Tibet are demonstrated. The method of linguistic analysis, including contextual analysis of linguistic units, made it possible to recreate the image of Tibet in the analyzed texts. The study of various points of view, such as the language of advertising and marketing strategy, reveals and interprets how the mysterious, mystical and religious image of Tibet is formed in the Russian linguistic picture of the world.

Keywords: Tibet; the image of Tibet; discourse; Internet discourse; imagery

For citation: Luo Xue (2026). The Image of Tibet in Russian Internet Discourse. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 53–62.

В последние десятилетия в российских социальных сетях очень популярны блоги о путешествиях в Тибет и реклама тибетских клиник, которые формируют образ Тибета. Как показано в нашем предыдущем исследовании, посвященном сопоставлению образа Тибета в русской и китайской языковых картинах мира [Ло Сюе 2025: 288–296], образ Тибета демонстрирует значительные различия в зависимости от культурного и политического контекста. В настоящей статье мы сосредоточимся на его специфике в русскоязычном интернет-дискурсе, рассматривая три типа источников.

В ходе исследования было проанализировано 35 текстов туристических блогов (с платформ Dzen, LiveJournal, Travel.ru), 22 новостные статьи (RIA Novosti, Interfax, RG.ru, Gazeta.ru) и 10 сайтов

тибетских клиник (включая отзывы пациентов). Все источники являются общедоступными.

Как пишет Ю.Г. Благодер, «термином “образ” можно обозначить множество представлений о другой стране: от мимолетных впечатлений до развернутых концепций, подкрепленных солидным научным обоснованием» [Благодер 2011: 110–126]. И.В. Арнольд понимает образ «как ментальное восприятие и отражение явлений и фактов, имеющих место в мире, включающее индивидуальное отношение к данным явлениям. Самое важное свойство образа состоит в отражении мира в процессе его практического созидания, то есть образ — это некоторая модель действительности, восстанавливающая полученную из действительности информацию в новой сущности» [Арнольд 1981: 300]. Согласно определению, предложенному А. Эбру, «...образ — это ментальное отражение предмета или явления в сознании, представление индивидуальным восприятием» [Эбру 2017: 233]. И.С. Карабулатова и М.Д. Лагуткина полагают, что «строительными элементами» речевого поведения выступают лингвоинформемы, которые являются смыслами интерпретации. Лингвоинформема обладает маркированностью и эмоциональной окрашенностью» [Карабулатова, Лагуткина 2021: 40–53]. В настоящей работе под образом понимается ментальная репрезентация, формируемая совокупностью языковых единиц в конкретных текстах. «В понятийном аппарате имагологии понятие образ имеет и широкое, обобщающее значение, и более узкое, конкретное, в качестве одного из “инструментов” (или “механизмов”) рецепции и репрезентации», — отмечает В. Б. Земсков [Земсков 2011: 4–26]. В рамках данного исследования мы опираемся на эти определения и рассматриваем образ как совокупность языковых репрезентаций, формирующих целостное представление о Тибете в сознании носителей русской культуры. Существует множество факторов формирования образа Тибета, которые включают в себя влияние географической среды, исторической культуры, религиозной веры и т. д.

1. Образ Тибета в туристических блогах

Представления о путешествии в Тибет являются одним из факторов оформления образа Тибета. В современных российских социальных сетях описывается природный пейзаж Тибета, а также указывается трудность посещения Тибета, о чем свидетельствуют в контексте прилагательные *удаленный*, *труднодоступный*, которые репрезентируют семы ‘далекий’ и ‘опасный’: *Мы отправимся в самое удаленное и загадочное государство мира, которое населяют самые*

сильные люди¹. Ни для кого не секрет, что Тибет очень **загадочный и труднодоступный** для обычных обывателей².

Пейзаж Тибета репрезентируется с помощью существительных *гора, скала, серпантин* и отыменного прилагательного *горный*: При упоминании этой страны многие сразу представляют **огромные горы и отвесные скалы**³. На второй день путешествия дорога превратилась в очень **крутой горный серпантин**⁴.

Тяжесть путешествия в Тибет выражается при помощи существительного **препятствие**: *Несмотря на административные и природные **препятствия**, стоящие перед путешественниками... число туристов из-за границы увеличивается из года в год*⁵.

Обратим внимание на названия публикаций в блогах. «Одна из основных тенденций в развитии языка современных качественных газет — тенденция к усилению информативности, что выражается наиболее ярко в эволюции системы газетных жанров и в заголовках» [Солганик 2008]. При этом одна из функций заголовка состоит в формировании предварительного впечатления о событиях [Воронцова 2017: 21–25]. Анализ заголовков туристических блогов показывает, что в большинстве из них часто употребляются такие языковые единицы, как *загадка, загадочный, мистика, мистический*. Эти слова задают определенную тональность восприятию региона еще до прочтения основного текста, формируя у читателя ожидание встречи с чем-то необычным, сокровенным.

Загадочный Тибет⁶. Тибет — **загадочная страна** с дикими традициями⁷. Привет, Тибет! Что нужно знать о самом **загадочном регионе Китая**⁸. Столица и главный город гималайского Королевства Ладакх — одного из самых красивейших и **загадочных мест** в Гималаях⁹. **Загадки Тибета**¹⁰. **Мистический Тибет**¹¹. **Мистика священного Кайласа**¹².

¹ <https://dzen.ru/a/Yzf8TjxVzBVXv6We>

² <https://taynyplanet.mirtesen.ru/blog/43326569780/Zagadki-Tibeta>

³ <https://dzen.ru/a/Yzf8TjxVzBVXv6We>

⁴ <https://journal.tinkoff.ru/list/tibet/?ysclid=lvsi26h6x925780254>

⁵ <https://wikiway.com/china/tibet/>

⁶ <https://www.vesti.ru/article/4001919>

⁷ <https://dzen.ru/a/Yzf8TjxVzBVXv6We>

⁸ <https://ekd.me/2021/02/tibet/?ysclid=lx54hxsxfz45333364>

⁹ <https://travelswow.ru/p/e03415/>

¹⁰ <https://taynyplanet.mirtesen.ru/blog/43326569780/Zagadki-Tibeta>

¹¹ <https://thehimalayas.ru/excursions/60214>

¹² https://klubgidov.ru/kitaj/tibet/mistika-svyashchennogo-kajlasa-245000?roistat=direct8_search_109872462_rsMasterGroup_rsMasterBanner_---autotar-geting&yclid=8243463374023426047

Формирование образа мистического Тибета связано и с религией. Далай-лама как символ тибетского буддизма упоминается во многих блогах:

Сам же Далай-Лама осуществляет только духовную деятельность, оставаясь первым лицом для полумиллиарда человек¹³. Далай-лама — духовный лидер тибетцев¹⁴.

В контексте *«Священная гора Кайлас в Тибете: мистические легенды»¹⁵* Тибет описывается не только с помощью прилагательного *мистический*, но и с помощью прилагательного *священный*, создающего религиозное впечатление, и существительного *легенда*, придающего историческую окраску.

Важную роль в создании образа Тибета играют культурные традиции. Например, часто описывают тибетские похороны, называемые *небесным погребением*: *Один из самых известных обрядов — «небесное погребение». В течение трех дней лама читает молитвы перед телом умершего. После этого покойника выносят на специальное открытое место, где тело оставляют в качестве пищи для птиц¹⁶.*

Формированию образа Тибета в русской картине мира способствует популярность художника Н.К. Рериха, ездившего в Тибет и написавшего множество картин. Интерес Рериха к Востоку в целом и Тибету в частности подчеркивается словосочетаниями *восточная культура, тема Востока, религия Востока* в отзывах о выставке: *изучая восточную культуру, живя много лет в Тибете, Николай Константинович посвятил немалую часть своего творчества теме Востока, религии Востока, его мировоззрению. Здесь он черпал свое вдохновение и сюжеты¹⁷.*

2. Образ Тибета в новостях СМИ

Как отмечает О.В. Александрова, «будучи динамичным по своей сути, язык средств массовой информации наиболее быстро реагирует на все изменения в общественном сознании, отражая состояние последнего и влияя на его формирование» [Александрова 2008: 210–220].

Образ любой страны тесно связан с происходящими в ней политическими событиями. К.И. Дагаева, анализируя медийные образы политиков, указывает, что «несмотря на то что медийный образ

¹³ <https://dzen.ru/a/Yzf8TjxVzBVXv6We>

¹⁴ <https://arzamas.academy/mag/793-tibet?ysclid=lvkub1ypnr930521126>

¹⁵ <https://vitas1917.livejournal.com/760310.html>

¹⁶ <https://musaget.ru/traditsii-tibettsev-mnogomuzhestvo-i-pohorony-sostervyatnikami>

¹⁷ https://otzovik.com/review_15868761.html

политика основывается на фактах, избирательный подход, их выборочное представление, а также трактовка под тем или иным углом приводят к манипуляциям в отражении реальности» [Дагаева 2023: 155–166], то же характерно и для создания образа страны. В интернет-дискурсе можно увидеть новости о политике Тибета. В первую очередь Тибет представляется как неотъемлемая часть Китая: *Китай наметил политические направления для построения нового современного социалистического Тибета — единого, процветающего, передового в культурном отношении, гармоничного и красивого*¹⁸. На политическом уровне Тибет является автономным районом: *Тибетский автономный район Китая отмечает очередной юбилей*¹⁹. В российских СМИ активно используется лексема *вопрос*, сочетающаяся со словом *тибетский*: *Тибет занимает... особое место. В том числе из-за так называемого тибетского вопроса*²⁰. Одним из доказательств его [Тибета — Л.С.] уникальности является существование так называемого тибетского вопроса²¹, так как в истории существовал конфликт между Тибетом и Китаем: *10 марта 1959 года в столице Тибета Лхасе произошли вооруженные столкновения между подразделениями китайской армии и местным населением*²². В последние годы, когда российские СМИ упоминают Тибет, постепенно меняется выбор слов. Вместо того чтобы употреблять термины *конфликт*, *вопрос*, они предпочитают слова *безопасность*, *стабильность*, *гармония*, *спокойствие* для описания ситуации в стране: *Отметив гармонию и спокойствие в Тибете, а также национальную безопасность и стабильность в приграничных районах, Ван все же призвал к мобилизации официальных лиц и общества на борьбу с сепаратизмом*²³. Изменение употребления слова в языке отражает, что образ Тибета динамичен и зависит от политической ситуации.

Изучение моделей публичной коммуникации может привести к пониманию способов формирования образа страны [Сяо 2021: 298–301], так, часто встречаются заголовки новостных статей, посвященные теме экономики: *экономическое развитие Тибета*²⁴, *экономика Тибета*²⁵. Описание темпов развития экономики в Ти-

¹⁸ <https://www.interfax.ru/pressreleases/724146>

¹⁹ <https://ria.ru/20210824/tibet-1747016652.html?ysclid=lxsf06pgcp776021945>

²⁰ <https://asiarussia.ru/articles/664/?ysclid=lxsgk9xnm3365120863>

²¹ https://www.gazeta.ru/science/2013/06/26_a_5382253.

²² [shtml?ysclid=lyfzge0kia38169710](https://www.gazeta.ru/science/2013/06/26_a_5382253)

²³ <https://ria.ru/20080317/101499489.html>

²⁴ <https://rg.ru/2021/09/26/tibet-voshel-v-pervuiu-trojku-rajonov-kitaia-po-ekonomicheskomu-rostu.html?ysclid=m08j7jp1d5903578369>

²⁵ <https://rg.ru/2003/10/01/Tibetskijryvok.html?ysclid=lxss4biukf918669870>

²⁶ <https://rg.ru/2022/10/09/ekonomika-tibeta-uverrenno-rastet.html>

бете происходит при помощи определений *устойчивый, быстрый, быстроразвивающийся*, а также словосочетаний *быстро набрать силу и уверенно расти*:

В 1951 году в Тибете /Юго-Западный Китай/ наблюдается **устойчивое и быстрое** социально-экономическое развитие²⁶. Тибет — один из самых **быстроразвивающихся** регионов Китая²⁷. Стали **быстро набирать силу** туризм, переработка продуктов земледелия и скотоводства, тибетская медицина и фармакология²⁸. Экономика Тибета **уверенно растет**²⁹.

3. Образ Тибета в рекламе тибетских клиник

Популярностью в России пользуется и тибетская медицина. На территории России находится более двадцати тибетских клиник. В рекламе клиники «Тибет» находим следующее описание: Клиника «Тибет» — это не пустые обещания исцеления, а большая работа, которая приносит реальные результаты³⁰. Словосочетание *большая работа* отражает сложность, тщательность подходов тибетской медицины. Тибетская клиника «Наран» на своем сайте представляет тибетскую медицину так: *Восточная медицина отличается отсутствием противопоказаний и побочных эффектов, так как лечение проходит без химии, гормонов или операций. Применяются натуральные фитосборы по древним рецептам тибетских и бурят-монгольских эмчи-лам*³¹. Подчеркивается натуральность средств, используемых в тибетской медицине, отсутствие противопоказаний к такому типу лечения. Из текста рекламы видно, что тибетская медицина имеет древнюю историю. Об этом также свидетельствует реклама клиники «Чжуд-Ши»: *Традиционная тибетская медицина существует уже 15 веков, развивалась и совершенствовалась во многом под влиянием буддизма*³². На сайтах клиник много отзывов, в которых также делается упор на древность знания тибетских медиков: *Пользуюсь услугами двух клиник в Москве, и искренне сочувствую тем, кто не верит в медицину, которой больше 5000 лет*³³.

К тибетской медицине отношусь положительно. Тибетская медицина в большинстве случаев полностью излечивает те заболевания, которая европейская медицина считает неизлечимыми³⁴.

²⁶ <http://russian.cri.cn/news/homeList/380/20210521/666034.html>

²⁷ <https://ria.ru/20210824/tibet-1747016652.html?ysclid=lyg0cg2kh0884644470>

²⁸ <https://ria.ru/20080710/113708708.html>

²⁹ <https://rg.ru/2022/10/09/ekonomika-tibeta-uverenno-rastet.html>

³⁰ <https://www.clinica-tibet.ru/>

³¹ <https://clinica-paramita.ru>

³² <https://jutshi.ru/o-nas/>

³³ https://dzen.ru/a/Y2eyqETbs3_5d-7m

³⁴ <https://otvet.mail.ru/question/82125483>

В данном контексте наречие *положительно* и глагол *излечивать* отражают позитивную оценку тибетской медицины. Противопоставление тибетской и европейской медицины также показывает, что европейская медицина не всегда излечивает те болезни, которые подвластны тибетским медикам. Поэтому путешествия в Тибет часто используют как повод для визита к врачу: *Многие путешественники приезжают в регион ради визита к врачу, чтобы услышать диагноз и пройти курс лечения*³⁵.

Заключение

Анализ интернет-дискурса показывает, что в русской культуре существует многогранный образ Тибета. В туристических блогах Тибет предстает как загадочное, мистическое, религиозное место с древней культурой. В новостных СМИ акцентируются его политическая принадлежность Китаю, экономическая стабильность и быстрое развитие. В рекламе тибетских клиник формируется образ носителя эффективной, натуральной и древней медицины, альтернативной европейской. Все три составляющие образа получают в основном положительную оценку, о чем свидетельствует и выбираемая для представления информация, и лексика, которая репрезентирует образ Тибета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О.В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества // Язык средств массовой информации / Под ред. М.Н. Володиной. М., 2008. С. 210–220.
2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка М., 1981. 300 с.
3. Благодер Ю.Г. Образ Китая в сознании российского образованного общества XVII — начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Истории России. 2011. № 3. С. 110–126
4. Воронцова Т.А. Новостной заголовок как репрезентант события // Политическая лингвистика. 2017. № 6. С. 21–25.
5. Дагаева К.И. Сравнительный анализ образа Б.Н. Ельцина в американской прессе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15, вып. 4. С. 156–166.
6. Земсков В.Б. Россия на «переломе» // На переломе: образ России прошлой и современной в культуре и литературе Европы и Америки (конец XX — начало XXI вв.). Отв. ред. В.Б. Земсков. М., 2011. С. 4–26.
7. Карабулатова И.С., Лагуткина М.Д. Образ Китая в лингвоинформационной модели современного медиадискурса (на материале русских и китайских СМИ) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 3. С. 40–53.

³⁵ <https://wikiway.com/china/tibet/>

8. Ло Сюе. Образ Тибета в русской языковой картине мира в сравнении с китайской // *Litera*. 2025. № 5 С. 288–296.
9. Солганик Г.Я. О языке и стиле газеты. // *Язык средств массовой информации*. М., 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://evartist.narod.ru/text12/15.htm#3_25. (дата обращения: 28.08.2024).
10. Сяо Юй. Пресс-конференции главы МИД КНР как способ формирования национального имиджа // *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 5. С. 298–301.
11. Эбру А. Языковые средства создания образа политического деятеля в американских и британских СМИ: дисс. канд. фил. наук. Москва, 2017. 233 с.

REFERENCES

1. Alexandrova O.V. *Iazyk sredstv massovoi informatsii kak chast' kollektivnogo prostranstva obshchestva* [The language of mass media as part of the collective space of society]. In: Volodina M.N. (ed.) *Iazyk sredstv massovoi informatsii*. Moscow, 2008, pp. 210–220. (In Russ.)
2. Arnold I.V. *Stilistika sovremennogo angliiskogo iazyka* [The style of the modern English language]. Moscow, 1981. 300 p. (In Russ.)
3. Blagoder Yu.G. *Obraz Kitaia v soznanii rossiiskogo obrazovannogo obshchestva XVII — nachala XX v.* [The image of China in the consciousness of the Russian educated society of the XVII — early XX century]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia*. 2011. № 3, pp. 110–126 (In Russ.)
4. Vorontsova T.A. *Novostnoi zagolovok kak reprezentant sobytiia* [The news headline as a representative of the event]. *Political linguistics*. 2017. № 6, pp. 21–25. (In Russ.)
5. Dagaeva K.I. *Sravnitel'nyi analiz obraza B.N. El'tsina v amerikanskoi presse* [Comparative Analysis of Boris Yeltsin's Image in the American Press]. *Vestnik Permskogo universiteta. Perm University Herald. Series: Russian and Foreign Philology*. 2023. vol. 15, issue 4, pp. 156–166. (In Russ.)
6. Zemskov V.B. *Rossii na «perelome»* [Russia is at a “turning point”]. At the turning point: the image of Russia of the past and modern in the culture and literature of Europe and America (late XX — early XXI centuries). In: Zemskov V.B. (ed.). *Moscow*. 2011, pp. 4–26. (In Russ.)
7. Karabulatova I.S., Lagutkina M.D. *Obraz Kitaia v lingvoinformatsionnoi modeli sovremennogo mediadiskursa (na materiale russkikh i kitaiskikh SMI)* [The image of China in the linguistic information model of the modern media discourse (based on the material of Russian and Chinese media)]. *Vestn. Sev. (Arctic) feder. Univ. Ser.: Humanit. and social sciences*. 2021. Vol. 21, № 3, pp. 40–53. (In Russ.)
8. Luo Xue. *Obraz Tibeta v russkoi iazykovoi kartine mira v sravnenii s kitaiskoi* [The image of Tibet in the Russian language Worldview in comparison with the Chinese Worldview]. *Litera*. 2025. № 5, pp. 288–296. (In Russ.)
9. Solganik G.Ya. *O iazyke i stile gazety* [О языке и стиле газеты]. In: *About the language and style of the newspaper. Language of mass media*. Moscow. 2008. [Electronic resource]. URL: http://evartist.narod.ru/text12/15.htm#3_25 (accessed: 28.08.2024). (In Russ.)
10. Xiao Yu. *Press-konferentsii glavy MID KNR kak sposob formirovaniia natsional'nogo imidzha* [The research on press conference of the head of the PRC foreign ministry

for forming the national image]. The world of science, culture, and education. 2021. № 5, pp. 298–301.

11. Ebru A. *Iazykovye sredstva sozdaniia obraza politicheskogo deiatelia v amerikanskikh i britanskikh SMI* [Linguistic means of creating an image of a political figure in the American and British media]. Dissertation of the Candidate of Philology. Moscow, 2017. 233 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 20.12.2025

Отредактирована 15.04.2026

Принята к публикации 22.06.2026

Received 20.12.2025

Revised 15.04.2026

Accepted 22.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Ло Сюе — соискатель степени кандидата филологических наук кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; 997351790@qq.com

ABOUT THE AUTHOR

Luo Xue — PhD Student, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; 997351790@qq.com

ЧАСТИЦА И СОЮЗ ДАЖЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА)

Е.А. Колобродова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия;
ekaterinak2605@gmail.com*

Аннотация: Данная работа посвящена диахроническому исследованию семантики слова *даже* в русском языке XI–XIV вв. (древнерусском языке в узком смысле слова и церковнославянском языке русского извода). Раздел 1 содержит определение понятия скалярно-аддитивных фокусных частиц (к которым относится *даже* в современном русском языке) и обзор лексикографических описаний слова *даже* в словарях современного русского и древнерусского языков, а также его этимологии. В разделе 2 описана техника и методика исследования, проводимого на материале НКРЯ, выделенные в ходе исследования значения *даже* как отдельного слова и как части составных предлогов, а также частота и временные рамки употребления *даже* в этих значениях и функциях. Раздел 3 рассматривает полученные результаты в типологической и теоретической перспективе и связи между выделенными значениями. В ходе работы были подтверждены на корпусном материале все значения *даже*, описанные в исторических словарях: в функции частицы — скалярно-аддитивное значение ('даже'), в функции союза — значения временного предела ('пока'), условия ('если') и цели ('чтобы'), а также значения составных предлога и союза. Выявлены ранее не отмеченные или отмеченные неявно значения *даже*: в функции союза — следования ('потом'), одновременности ('когда'), скалярно-условное ('даже если'), соединительное ('и'). Рассмотрена употребительность этих значений, а также установлены (или предложены как возможные) семантические связи между ними и направление семантических сдвигов.

Ключевые слова: скалярно-аддитивные частицы; русский язык; древнерусский язык; *даже*

Финансирование: Исследование проведено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00528п.

Благодарности: Автор признателен анонимным рецензентам за ценные советы и замечания.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-5

Для цитирования: Колобродова Е.А. Частица и союз даже в древнерусском языке (типологическая перспектива) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 63–76.

THE PARTICLE AND CONJUNCTION *DAZHE* ‘EVEN’ IN OLD EAST SLAVIC (A TYPOLOGICAL PERSPECTIVE)

Ekaterina A. Kolobrodova

Lomonosov Moscow State University; Institute of Linguistics of Russian Academy of Science, Moscow, Russia; ekaterinak2605@gmail.com

Abstract: The subject of the current work is diachronic research of semantics of the word *dazhe* (‘even’ in modern Russian) in the Russian of 11th–14th centuries (which includes both the Old Russian / Old East Slavic language in the narrow sense, i.e. the living language of the time, and the closely related Old East Slavic version of Church Slavic, which are represented in written texts in various proportion based on the type of the text). Section 1 contains a brief description of the concept of scalar additives and a synopsis of descriptions of *dazhe* in lexicography of modern and historical Russian and its etymology. Section 2 describes the technic and methodology of the research conducted on National Corpus of Russian Language data of Old Russian and describes the meanings and special contexts of use of the studied unit found in the texts, as well as frequency and chronology of these meanings and contexts. Section 3 explores the results in typological and theoretic perspective and the connections between the meanings and special contexts. In the process, all meanings and types of use listed in the dictionaries for *dazhe* were observed — those of a temporal conjunction ‘until’, conditional and objective conjunctions, a part of a complex preposition and a complex conjunction of limit, a scalar additive particle — and some more (temporal conjunctions ‘after’ and ‘when’, a conditional gradated/concessive conjunction ‘even if’, a connective conjunction). Commonality of their usage was considered, as well as semantic connections and possible ways of development between them were established or suggested.

Keywords: scalar additive particles; Russian language; Old East Slavic language; *dazhe* ‘even’

Funding: The study is supported by RSF grant № 22-18-00528п.

Acknowledgements: The author is grateful to the anonymous reviewers for their valuable advice and criticism.

For citation: Kolobrodova E.A. (2026) The Particle and Conjunction *dazhe* ‘Even’ in Old East Slavic (a Typological Perspective). *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 63–76.

1. Введение

Данная работа посвящена исследованию семантики слова *даже* в древнерусском языке в рамках более полного исследования истории фокусных частиц русского языка в типологической перспективе.

Фокусными, или фокальными в семантико-синтаксических и типологических исследованиях называются частицы, которые синтаксически и/или семантически связаны с фокусной составляющей предложения (ремой, фокусом) и определенным образом взаимодействуют с фразовым акцентом того или иного типа, участвуя наряду с этим просодическим маркером в выделении такой составляющей, см., например, [König 1991; Богуславский 1996].

В семантической типологии фокусные частицы делятся на рестриктивные (= ограничительные) типа англ. *only* и рус. *только* и аддитивные, которые делятся на скалярные, подобные англ. *even* и рус. *даже*, и не скалярные, подобные английскому *also/too* и русскому *тоже* [König 1991: 60–65]. Значение не скалярных аддитивных частиц описывается проще: утверждение $F(\text{тоже}(x))$ содержит ассерцию $F(x)$ и пресуппозицию $F(y)$, где $y \neq x$ и y принадлежит к релевантному для контекста множеству альтернатив. Для скалярно-аддитивных частиц вводится также пресуппозиция высокого положения x на некой шкале ранжирования контекстно доступных альтернатив. Природа этой шкалы может описываться по-разному — чаще всего речь идет о выделении «наименее вероятной» или «наиболее информативной» альтернативы [König 1991: 67–71]. О том, обязательна ли для скалярно-аддитивных частиц аддитивная пресуппозиция $F(y)$, существуют разные мнения (и часто ее описывают как более слабую — см., напр., [Szabolcsi 2017]).

В словарях современного русского языка слово *даже* описывается обычно двояко: как усилительная частица и как присоединительный союз с элементом градации/усиления, см., например, [Ушаков 1935–1940]:

даже Д'АЖЕ. 1. Усилительная частица, (ставится впереди слова, к которому относится). употр. для выделения и усиления того слова, к которому относится. Я даже представить себе не мог, во что это выльется. Тут даже специалист бессилён. 2. в знач. присоединительного союза. Присоединяет что-нибудь, являющееся выражением крайнего предела, высшей степени чего-нибудь. Пришли все, даже дряхлые старики. Он страшно устал, даже есть не мог. • Даже и — тоже, что даже (с усилением). Даже и подумать не могу об этом. Даже и не подумал раскрыть книгу.

Примерно так же это слово описывается в [Ефремова 2000] и [Евгеньева 1957–1984].

В работе [Паршин 1984], рассматривающей скалярный аспект в семантике слова *даже*, этот аспект дифференцируется в зависимости от того, является ли находящийся в сфере ее действия элемент темой или ремой: «неожиданность по теме» описывается как нестандартность факта, противоречие общим знаниям о мире (*Даже Вася, известный своей молчаливостью, рассказал анекдот*), а «неожиданность по реме» — как экстраординарная степень проявления признака (*Петя, известный своей ловкостью, даже выжал стойку на кистях над ляганом с пловом*). В [АСРЯ 2017 III: 15] также описываются два значения такого типа — неожиданность и высокая степень, причем второе определено в коннекторном контексте (A1, даже A2 ‘Ситуация A1 имеет место в такой высокой степени, что имеет место как-то связанная с ней ситуация A2, к которой говорящий привлекает внимание’).

В этимологических словарях русского языка этимология слова *даже* описывается как сращение частицы *да* с частицей *же* (см. [Шанский, Боброва 2004]). В качестве первичного значения праславянской единицы/конструкции **da že* [ЭССЯ 1977] предполагает значение ‘до, вплоть до’ и родство между праславянским **da že* и **do že*, тогда как [Аникин 2018: 315] предполагает усилительное и выделительное значение.

В словаре древнерусского языка [Срз1989 I: 624–625] значения слова *даже* описываются через его современные эквиваленты ‘чтобы’, ‘пока’, ‘если’, ‘и’ и ‘даже’. В [СДРЯ II: 422] слово *даже* приводится в двух основных функциях: как усилительная частица, соответствующая современному *даже*, и как подчинительный союз со значениями, описываемыми также при помощи современных эквивалентов: ‘если (не)’, ‘как бы (не)’ и ‘пока (не)’. Словарь [СРЯ XIX–VII вв. IV: 167] также описывает значение усилительной частицы *даже* как «соответствует [современным] *ведь, даже*», а для союза *даже* указывает значения целевое и временное (соответствующее совр. *пока*), и при этом значение одновременности (соответствующее значению союзов *как, когда*) относит к значениям частицы. Кроме того, во всех трех словарях приведен предлог пространственного или временного предела *даже и (ни) до* ‘вплоть до’ (в [СДРЯ III: 33–34] в статье варианта *доже*), а также и составной союз предшествования *преже/первее даже* ‘пока не, прежде чем’.

Целью нашего исследования было, уточнив и при необходимости дополнив эту картину на основе корпусных данных, установить связи между значениями, их частоту и изменение во времени.

2. Описание исследования

Исследование проводилось на материале древнерусского под-корпуса Национального корпуса русского языка. Были рассмотрены все вхождения в корпус леммы *даже* (132 примера из 28 текстов, 9 из которых оказались ложными вхождениями: 8 — формой повелительного наклонения *дажь* глагола *дать* и 1 — частицей *да*, размеченной как *даже* по ошибке). В этих вхождениях нами была определена семантика и создана семантическая классификация употреблений *даже*, рассмотрена частота встречаемости того или иного значения и временные рамки его появления, а также зафиксирована принадлежность вхождений к той или иной разновидности языка.

2.1. Значения и употребления, обнаруженные в Древнерусском корпусе НКРЯ

Для слова *даже* нами обнаружены следующие функции и значения, описанные в словарях:

1. Скалярно-аддитивная частица, соответствующая современной:

- (1) *Вы есте нарекли ма во своемъ племени. во володимерѣ старѣишаго. а нынѣ сѣдѣлъ еси в кыевѣ. а мнѣ еси части не оучинилъ в роускомъ землѣ. но раздалъ еси инѣмъ. молодымъ брѣтѣи своимъ. даже мнѣ в немъ части нѣтъ.* (Киевская летопись, 1119–1199 гг., список 1-й четверти XV века)

‘Вы меня назвали в своем племени, во Владимировом, старшим. А теперь ты воссел в Киеве, а мне части не назначил в Русской земле, но раздал другим, младшим своим братьям. Мне даже части в ней нет’¹

2. Условный союз²

- (2) *и р(ч)е изяславъ даже ны бѣ поможеть а сѧ нхъ ѿтобѣмъ.* (Киевская летопись, 1119–1199 гг., список 1-й четверти XV века)

‘И сказал Изяслав: «Если нам Бог поможет, то отобьемся от них»’

¹ Заметим, что позиция частицы *даже* в переводе меняется, поскольку в современном русском языке частица ставится при фокусной составляющей, какой по смыслу является не *мне*, а *части*. В данной работе синтаксис частицы *даже* не анализируется.

² Исследователями [Пичхадзе 2011; Юрьева 2022] употребление *даже* как условного союза описывается как специфически восточнославянское и менее книжное. Ср. в [Юрьева 2022]: «Еще один древнерусский условный союз — *даже* — ни в одном из текстов не является частотным. Этот союз, как и предыдущие, характерен для менее книжных памятников: немногочисленные условные периоды с *даже* имеются в берестяных грамотах, ГВНП, ПВЛ, НПЛ, КЛ, Поучении Илии и Вопросании Кирика».

3. Временной союз верхней границы (со значением ‘пока, вплоть до’)

- (3) *понесу яремъ бл҃гын и приму наемъ ѿ рѣкы г(ѣ)на. дажь не постигнетъ ве(ч)рь. дажь не заидеть сѣнце. дажь не обѣиметь мене нощь. страшная и трепетная тма глѣбока ...а* (Кирилл Туровский. Молитвы Кирилла. XII в., список XIV в.)

‘Понесу ярем благой и приму груз от руки Господней, пока не наступит вечер, пока не зайдет солнце, пока не обоймет меня ночь страшная и вызывающая трепет тьма глубокая...’

4. Часть составного предлога *даже и до* со значением ‘вплоть до’

- (4) *и оучредѣ а не малы дары и великими почти вса. ѿ велихъ даже и до малыхъ.* (Киевская летопись. 1119–1199 гг., список 1-й четверти XV века)

‘И назначил им немалые дары, и сделал большие подношения всем, от великих вплоть до малых’

5. Часть составного союза *прежде/первое даже не* со значением ‘прежде чем’

- (5) *и страхъ лють нападе на властела шба. и прѣж(д)е даже (прѣв) не внидоша ратни, погоубѣста оумъ.* (История Иудейской войны Иосифа Флавия, XI–XIII вв., список последней трети XV в.)

‘И лютый страх напал на обоих властителей, и прежде чем вошли воины, они лишились рассудка’

- (6) *Първѣк даже (прѣв ѣ) не слышиши не отъвѣштаван* · (Изборник 1076 г.)

‘Прежде чем выслушаешь, не отвечай’

6. Целевой союз³

- (7) *нъ тѣчью хочеть · въ болшую глѣбинуу зѣ(лѣ) въвести · даже напрасна съмьрть похитивъши погоубѣтъ ны* · (Изборник 1076 г.)

‘Но только хочет ввести в большую глубину зла, чтобы внезапная смерть, похитивши, погубила нас’

Помимо этих, нам встретились следующие употребления.

³ В корпусе встретилось только одно употребление целевого *даже*, тогда как в [Срезневский 1989] приведено 6 примеров такого употребления, начиная с XI в. В [СлРЯ XI–XVII вв. 1975 — наст. вр.] приведены 2 примера, оба относящиеся к середине XVII в. Отметим что целевой союз *даже* (‘чтобы’) может рассматриваться как сочетание союза *да* с тем же значением (см. [Срезневский 1989]) и усилительной частицы *же*. При этом целевой *да* некоторые этимологи возводят не к праслав. *da/*do ‘до’, а к и.-е. *do ‘дай, пусти’ (см. [Фасмер 1986: 480]). Тогда др.-рус. союзы — целевой *даже* I и многозначный *даже* II, восходящий к *da/*do — следовало бы рассматривать как омонимы.

7. Скалярно-условный союз, соответствующий современному даже если

- (8) *ѡкоже брони тверды стрѣлы встры и горькы не дадутъ протѣ, даже и то прондетъ, но тѣло ѡ напастѣи великыи схранено к(с) · такоже и праведна мѣра протива грѣхомъ.* (Пчела, XI–XIII вв., список середины XV в.)

‘Как твердая броня не дает пройти острым и гибельным стрелам, а (даже) если стрела и пройдет, то от большой беды тело будет сохранено, — так же и праведная мера против грехов’

8. Временной коннектор следования

- (9) *Даже (Еїта) въпраша ихъ бжїи чловѣкъ · которыхъ вештѣи бонтеса отъ вьсѣхъ · аже отъ хсѧ крьстьяномъ прѣданы соутъ :* (Изборник 1076 г.)

‘[Контекст представляет собой диалог с укрощенными бесами, предыдущая реплика которых заканчивается непосредственно перед цитируемым фрагментом] Дальше / Затем спрашивал их божий человек: «Каких вещей вы боитесь из тех, что даны от Христа христианам?»’

9. Соединительный союз (два не совсем типичных вхождения, см. раздел 3)

- (10) *И ждавъ ихъ лѣто. даже не приидоша къ нему: и разгнѣвався.* (История Иудейской войны Иосифа Флавия, XI–XIII вв., список последней трети XV в.)

‘И ждал их год, и/но они не пришли к нему, и он разгневался’

- (11) *Паки прашахъ сего коли кр(с)тѣтъ дѣтя кгда же ксть не раздрѣшено даже принесутъ ко ни на вечерню ни на заутреню а и роботою или оубожьствомъ или како хотѣици и дома ничтоже не пѣли кмоу датѣ ли кмоу причащанию на литоургии...* (Кирик Новгородец, Савва, Илия-Иоанн Новгородский. Вопрошание Кириково. 1140–1156, список 1282 г.)

‘Еще я спрашивал его: если крестят ребенка, когда не разрешено, и (не) принесут его ни на вечерню, ни на заутреню будучи заняты работой, или по своему убожеству, или так захотелось, и дома ничего ему не пели, дать ли ему причастие на литургии?’

Значение 7 (скалярно-условное) не выделяется авторами словарей как отдельное, возможно, из-за того, что в нем соединяются значение частицы (1) и условного союза (2). Значение 8 (временного следования) представлено примерами в [Срз 1989], где оно описано при помощи многозначного ‘и’, включающего среди прочих и данное значение. Значение 9 (соединительное) — вероятно, единственное, которое можно приписать слову *даже* в приведенных контекстах.

Таблица 1. Частота и время встречаемости в древнерусских текстах различных типов употребления единицы *даже*

	Частота	Временные рамки
Скалярно-аддитивная частица	2 (1,6%)	XII в. (Киевская летопись), XI–XIII в. (История Иудейской войны)
Соединительный союз (конъюнкция)	2 (1,6%)	XII в. (Вопрошание Кириково), XI–XIII в. (История Иудейской войны)
Простой условный союз	26 (21,1%)	С 1090-х (Письмо Вл. Мономаха Олегу Святославичу) по XII в. (Вопрошание Кириково, Киевская летопись и др.)
Скалярно-условный союз	5 (4%)	XI–XIII вв. (Пчела, История Иудейской войны и др.)
Временной союз 'пока'	18 (14,6%)	С XI в. (Изборник 1076 г.) по XI — первая треть XIII в. (Киево-Печерский патерик)
Временной союз следования	2 (1,6%)	Сер. XI в. — сер. XII в. (Житие Андрея Юродивого, Изборник 1076 г.)
Часть составного предлога <i>даже</i> и <i>до</i>	21 (17 %)	С XI в. (Житие Василия Нового, Сказание о Борисе и Глебе) по XIII в. (Галицкая летопись)
Часть составного союза <i>прежде/первее</i> <i>даже</i>	37 (30%)	С XI в. (Изборник 1076 г., Студийский устав) по XI–XIII в. (Александрия, Киево-Печерский патерик)
Целевой союз	1 (0,8%)	С XI в. (Изборник 1076 г.)
Неясно	9 (7,3%)	–
Всего	123	–

Интересно, что почти половина вхождений относится к употреблению в составе сложного предлога или коннектора. Из остальных вхождений, как можно видеть, больше половины приходится на простой условный союз и временной союз 'пока'. Современное скалярно-аддитивное значение встречается весьма редко и, в отличие от многих других, не засвидетельствовано в памятниках, однозначно атрибутированных XI веку.

Коснемся также вопроса о встречаемости обнаруженных значений в различных типах текстов и соответственно форм языка (приведенных здесь по указанию в НКРЯ для каждого памятника).

Как можно видеть, употребление *даже* в церковнославянских текстах превышает употребление его в гибридных текстах как в целом (примерно в три раза), так и в большинстве значений, иногда весьма значительно; единственным значением, где гибридные тексты доминируют, является простое условное (что согласуется с упомянутыми выше источниками), а малое количество примеров на значение скалярно-аддитивной частицы и соединительного со-

юза не позволяет делать выводы из равного (по одному вхождению) распределения. Во входящих же в древнерусский подкорпус деловых текстах употребление *даже* представляет разовый эпизод (два вхождения в одном тексте).

Таблица 2. Распределение обнаруженных значений по разновидности языка текста

	Церковно-славянский	Гибридный	Деловой	Всего
Скалярно-аддитивная частица	1	1	–	2
Соединительный союз	1	1	–	2
Простой условный союз	10	14	2	26
Скалярно-условный союз	5	–	–	5
Временной союз ‘пока’	16	2	–	18
Временной союз следования	2	–	–	2
Часть составного предложения <i>даже и до</i>	16	5	–	21
Часть составного союза <i>прежде/первое даже</i>	37	–	–	37
Целевой союз	1	–	–	1
Неясно	2	7	–	9
Всего	91	30	2	123

3. Анализ результатов

Связь между скалярно-аддитивными частицами и разного рода пространственными и временными показателями — известное явление; например, итальянская скалярно-аддитивная частица *perfino* восходит к пространственно-временному предлогу со значением ‘вплоть до’ [Visconti 2005]. Аналогично описывается этимология чеш. *dokonce*, уэльск. *hyd yn oed*, шведск. *till och med*, исп. *aun*, а исп. *hasta*, порт. *até* и араб. *hatta* совмещают эти значения в синхронии [Eberhardt 2022]. Как уже указывалось, такую же этимологию приводит [Трубачев 1977] для частицы *даже*. То, что на корпусном материале четвертым по частотности среди употреблений *даже* оказывается употребление в значении временного коннектора ‘пока’ (отличающегося от значения предлога ‘вплоть до’ способностью присоединять клаузу), а первым и третьим — употребление в качестве компонента составного коннектора с близким значением или предлога с тем же значением соответственно, укладывается в эту картину. То, что на протяжении всего периода встречаемости единицы *даже* в древнерусских текстах эти значения употребляются

параллельно со скалярно-аддитивным и другими, похоже на упомянутую выше картину с исп. *hasta*, порт. *até* и араб. *hatta*.

Рассмотрим конструкцию *прежде/первое даже*. Можно предположить, что здесь временное наречие со значением предшествования либо активизирует временной компонент значения в условиях уже сложившейся полисемии слова *даже*, либо усиливает семантический компонент предшествования в контекстах с умозрительной, выносимой за рамки окна наблюдения верхней границей типа (12) и в контекстах, где в фокусе внимания находится порядок следования событий, типа (13):

- (12) *и прѣчни стражне вчютьиша и вѣсташа и разбегошася. прѣж(д)е даже* (прѣв) *не видѣша влѣзшихъ*. (История Иудейской войны Иосифа Флавия, XI—XIII вв., список последней трети XV в.)

‘И прочие стражи услышали, встали и разбежались, еще до того как увидели влезших’

- (13) *бъ званъ на пиръ, не обѣщася, прежде даже* (прѣтеров) *не въпроси, котории званн соуть* (Пчела, XI—XIII вв., список середины XV в.)

‘(Будучи) приглашен на пир, не обещай прийти, пока не спросишь, кто приглашены’

Из контекстов типа (13), где коннектор присоединяет предшествующее событие, необходимое для осуществления действия, описываемого в главной клаузе, довольно естественным образом может выводиться условное значение союза *даже*, второго по частоте союза в нашей выборке, ср. (14), где в аналогичном контексте *даже* выступает без *прежде*.

обаче даже (еі) *коньца не приме(т̃) сти(х̃) · не подобакть начинающему покланатиса · зане не пакости(т̃) пѣнню* · (Студийский устав, 1060–1070-е, список конца XII в.)

‘Однако пока стих не кончится, не подобает начинающему (пение) кланяться, чтобы не вредить пению’

Однако существует и другой вариант происхождения условного значения *даже*, предлагаемый в работе [Птенцова 2014]: там оно выводится непосредственно из сочетания *да+же*, где *да* — повелительно-желательная частица (по аналогии с контекстами употребления совр. рус. повелительно-желательной частицы *пусть/пускай* в функции условного союза). Такой вариант мы можем допустить — возможно, сценарий параллельного другим значениям развития мог бы объяснить разницу в распределении условного *даже* между регистрами языка, отличную от прочих значений.

Два более редких значения единицы *даже*, обнаруженных нами, — конъюнкция (соединительный союз) и следование во времени. Примеры на конъюнкцию (их всего два), впрочем, не вполне прототипичны — один из них содержит оттенок противопоставления (10), а другой — сочинение однородных придаточных (11). Примеры же в [Срз 1989] на значение 'и' соответствуют скорее следованию во времени. По этой причине сложно делать выводы о функционировании и формировании сочинительного значения у единицы *даже*. Отметим только, что единица *да*, с которой она этимологически связана, способна быть сочинительным союзом, причем как соединительным и присоединительным, так и противительным (см., например, [СРЯ XI–XVII вв.]).

Значение временного следования союза *даже*, очевидно, примыкает к значению конъюнкции, так как сочинительные союзы с соединительным значением во многих языках используются и при описании последовательности событий (ср. *Петя увидел змею и убежал*).

Целевое значение союза можно в порядке предположения связать со значением пространственного или временного предела, так как предел и цель совпадают в конечном результате действия. Однако не менее вероятно и то, что это значение союз *даже* унаследовал от союза *да*, предположительно восходящего не к предлогу со значением 'до', а к форме со значением 'дай, пусть' (см. сноску 3).

Рассмотрим вопрос о возникновении скалярно-аддитивного значения у *даже* как частицы. Предлог *даже до* описывается в [ЭССЯ 1977] как плеонастическая конструкция, содержащая повтор элемента со значением предела, конечной точки. Известно по данным самых разных языков, что такой повтор имеет семантический эффект интенсификации повторяемой семы (см. *тихо-тихо, белый-белый, бегу-бегу* и т. п.). Смысловая избыточность этой конструкции устраняется в результате реанализа, при котором элемент *даже* переосмысливается и превращается в интенсификатор. Первоначально это усиление степени приближения к пространственному или временному пределу (не просто 'до', а 'вплоть до', т. е. крайняя степень приближения к конечной точке пути, вступление в контакт с ней или к конечной точке одного процесса во времени, сменяемого другим), а затем интенсификация переносится с пространственной и временной шкал на любые шкалы, по которым можно ранжировать объекты и ситуации.

История дальнейшего развития этой картины, исчезновение тех значений, которые отсутствуют в современном языке, и его причины представляют собой тему для отдельного исследования.

Заключение

Мы рассмотрели семантику и контексты употребления единицы *даже* в древнерусском языке и проанализировали структуру ее полисемии в диахронии. Некоторые из наблюдаемых связей между значениями оказались предсказуемы в рамках типологических закономерностей, другие дополнили эту картину новыми гранями, способными представлять интерес для будущих исследований как касательно слова *даже*, так и общих исследований в сфере скалярно-аддитивных частиц, коннекторов различных типов и коррелятивов в коннекторных конструкциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Активный словарь русского языка. Том 3. М.; СПб., 2017.
2. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 12 (*грак* I — *дбать*). М.; Новосибирск; СПб., 2018.
3. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4 т. М., 1957–1984.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
5. Паршин П.Б. Коммуникативная организация смысла и структура знаний о мире (в связи со смыслом «даже»). // Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика. Сборник статей. Часть 2. М., 1984.
6. Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М., 2011.
7. Птенцова А.В. Даждь въ нѣ под обраще криво... О союзе *даже* и статусе конструкции *да* + презенс в древнерусских текстах. // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2 (28), с. 180–190.
8. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1988–2019.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–
10. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. В трех томах, в шести книгах. Репринтное издание. М., 1989.
11. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.
12. Трубачев О.Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 4. М., 1977.
13. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. 3-е изд., испр. М., 2004.
14. Шимчук Э. Г., Шур М. Г. Словарь русских частиц. Франкфурт на Майне, 1999.
15. Юрева И.С. Условные союзы в древнерусских памятниках разных жанров // Русский язык в научном освещении. 2022. № 2. С. 85–124.
16. Eberhardt I. From up-toning intensifying particle to scalar focus particle. A new developmental path // *Particles in German, English, and Beyond*. Amsterdam/Philadelphia, 2022.
17. König E. The Meaning of Focus Particles: a Comparative Perspective. London and New York, 1991.
18. Szabolcsi A. Additive Presuppositions Are Derived Through Activating Focus Alternatives // *Proceedings of the 21st Amsterdam Colloquium* (Alexandre Cremers, Thom van Gessel & Floris Roelofsen, eds.). 2017, pp. 455–464.
19. Visconti J. On the origin of scalar particles in Italian. // *Journal of Historical Pragmatics*. 2005, № 6 (2), pp. 237–261.

REFERENCES

1. Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. Tom 3 [Active dictionary of Russian. Volume 3]. Moscow; Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017.
2. Anikin A.E. Russkii etimologicheskii slovar'. Vyp. 12 (grak I — dbat') [Russian etymological dictionary. Issue 12 (grak I — dbat')]. Moscow, Vinogradov Institute of Russian Language of Russian Academy of Sciences; Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian branch of Russian Academy of Sciences; Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018.
3. Evgen'eva A.P. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. [Dictionary of Russian language: in 4 volumes]. Moscow, 1957–1984.
4. Efremova T.F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi [New dictionary of Russian. Explanatory and derivational]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2000.
5. Parshin P.B. Kommunikativnaya organizatsiya smysla i struktura znaniy o mire (v svyazi so smyslom «dazhe») [Communicative organization of meaning and structure of world knowledge (in connection with the meaning of *dazhe*). *Lingvisticheskie issledovaniya. Tipologiya. Dialektologiya. Etimologiya. Komparativistika. Sbornik statei. Chast' 2*. Moscow, Nauka Publ., 1984.
6. Pichkhadze A.A. Perevodcheskaya deyatel'nost' v domongol'skoi Rusi. Lingvisticheskii aspekt [Translational activity in pre-Mongol Rus'. The linguistic aspect]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki drevnei Rusi Publ., 2011.
7. Ptentsova A.V. Dazh' v" na poa obrashche krivo... O soyuze dazhe i statuse konstruktii da + prezens v drevnerusskikh tekstakh [Dažь vъ nja poja obrjašče krivo... On the conjunction *daže* and the status of “*da+praesens*” construction in Old Russian] // *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2014. № 2 (28), pp. 180–190.
8. Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. [Dictionary of Old Russian of 11–14th centuries]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1988–2019.
9. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian of 11–17th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975–
10. Sreznevskii I.I. Slovar' drevnerusskogo yazyka. V trekh tomakh, v shesti knigakh. Reprintnoe izdanie [Dictionary of Old Russian. In three volumes, in six books. Reprint edition]. Moscow, Kniga Publ., 1989.
11. Tolkovy slovar' russkogo yazyka / Pod red. D.N. Ushakova [Explanatory dictionary of Russian. / Editor D.N. Ushakov]. Moscow, 1935–1940.
12. Trubachev O.N. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond. Vypusk 4 [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund. Issue 4]. Moscow, Nauka Publ., 1977.
13. Shanskii N.M., Bobrova T.A. Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. 3-e izd., ispr. [School etymological dictionary of Russian. 3rd edition, corrected]. Moscow, Drofa Publ., 2004.
14. Shimchuk E.G., Shchur M.G. Slovar' russkikh chastits [Dictionary of Russian particles]. Frankfurt am Main, Peterlang Publ., 1999.
15. Yur'eva I.S. Uslovnye soyuzы v drevnerusskikh pamyatnikakh raznykh zhanrov [Conditional conjunctions in the original Old Russian texts of different genres]. // *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2022, № 2, pp. 85–124.
16. Eberhardt I. From up-toning intensifying particle to scalar focus particle. A new developmental path // *Particles in German, English, and Beyond*. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamin's Publishing Company, 2022.
17. König E. The Meaning of Focus Particles: a Comparative Perspective. London and New York, Routledge, 1991.

18. Szabolcsi A. Additive Presuppositions Are Derived Through Activating Focus Alternatives. *Proceedings of the 21st Amsterdam Colloquium* (Alexandre Cremers, Thom van Gessel & Floris Roelofsen, eds.). 2017, pp. 455–464.
19. Visconti, Jacqueline. On the origin of scalar particles in Italian. *Journal of Historical Pragmatics*. 2005, № 6 (2), pp. 237–261.

Поступила в редакцию 16.04.2026

Отредактирована 20.05.2026

Принята к публикации 22.06.2026

Received 16.04.2026

Revised 20.05.2026

Accepted 22.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Екатерина Александровна Колобродова — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, лаборант-исследователь отдела грантов Института языкознания Российской академии наук; ekaterinak2605@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Kolobrodova — postgraduate student of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, laboratory research assistant of the Grants Department of Institute of Linguistics of Russian Academy of Science; ekaterinak2605@gmail.com

«БЕЛОЕ ЗОЛОТО» НА ЯЗЫКОВОЙ КАРТЕ МИРА

М.М. Руссо

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; rousseau@iling-ran.ru

Аннотация: Цель работы — рассмотреть происхождение названий платины, в буквальном переводе означающих ‘белое золото’, в ряде языков Азии. Подобного рода названия, возникнув в европейских языках в XVIII веке, спустя менее столетия вышли из употребления, заменившись словами, производными от исп. *platina*. Тем не менее в Юго-Восточной и Восточной Азии есть ареал, где названия платины с буквальным значением ‘белое золото’ сохраняются и по сей день. Выдвигается гипотеза, что возникновение этих названий связано с голландской колониальной экспансией XVII–XVIII веков и что они представляют собой словообразовательные кальки устаревшего нидерландского *witgoud* ‘платина’, букв. ‘белое золото’. Нидерландское слово послужило образцом для тамильского языка в колонии Голландский Коромандельский Берег и для малайского языка в Голландской Ост-Индии (современная Индонезия). Из малайского языка словообразовательную модель унаследовал индонезийский язык, также она проникла оттуда в соседние языки региона: тайский, лаосский, бирманский, шанский, монский. Поскольку голландцы в XVII–XVIII веках наиболее активно среди европейцев контактировали с Китаем, а для Японии вплоть до середины XIX века оставались единственными представителями европейских стран, имевшими торговые отношения с этой страной, нидерландское слово было использовано в Китае и Японии в ходе освоения европейских научных знаний и разработки национальной химической терминологии. В дальнейшем словообразовательная модель была заимствована и в другие языки региона, например, из китайского она попала в монгольский, а из японского — в корейский.

Ключевые слова: заимствование; калька; языковые контакты; химическая терминология; ареальная лингвистика; нидерландская колониальная империя

Финансирование: Работа выполнена при поддержке Российского научно-го фонда (проект 22-18-00586 «Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов»).

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-6

Для цитирования: Руссо М.М. «Белое золото» на языковой карте мира // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 77–85.

“WHITE GOLD” ON THE WORLD LANGUAGE MAP

Maxim M. Russo

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
rousseau@iling-ran.ru*

Abstract: The aim of this paper is to examine the origins of names for platinum, literally meaning ‘white gold’, in a number of Asian languages. Such names, having appeared in European languages in the 18th century, fell out of use less than a century later, replaced by words derived from the Spanish ‘platina’. However, in South-east and East Asia, names for platinum with the literal meaning of ‘white gold’ persist to this day. It is hypothesized that the origin of these names is associated with the Dutch colonial expansion of the 17th and 18th centuries and that they are calques of the obsolete Dutch *witgoud* ‘platinum’, literally ‘white gold’. The Dutch word served as a model for Tamil in the colony of the Dutch Coromandel Coast and for Malay in the Dutch East Indies (modern-day Indonesia). Indonesian inherited the model from Malay, and from there it also penetrated into neighboring languages of the region: Thai, Lao, Burmese, Shan, and Mon. Since the Dutch were the most active European contacts with China in the 17th and 18th centuries, and remained the only European country to trade with Japan until the mid-19th century, the Dutch word was adopted in China and Japan as they absorbed European scientific knowledge and developed their own chemical terminology. This word-formation model was subsequently adopted by other languages of the region, for example, from Chinese into Mongolian, and from Japanese into Korean.

Keywords: lexical borrowing; calque; language contacts; chemical terminology; areal linguistics; Dutch colonial empire

Funding: The research was carried out with the support of Russian Science Foundation (project 22-18-00586 “Constructing the Typology of Polisemy with the Help of Partially Automatized System of Cross-linguistic Identification of the Semantic Transitions”).

For citation: Russo M.M. (2026) “White Gold” on the World Language Map. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 77–85.

В ходе работы над «Базой данных семантических переходов в языках мира» [DSSh] собраны данные о многих мотивационных моделях, и для ряда таких моделей на основании собранного материала удастся сделать выводы о путях распространения данной модели путем прямого лексического заимствования или семантического калькирования. В данной статье делается попытка реконструкции межъязыковых взаимодействий при распространении номинации платины как «белого золота».

Платина стала известна европейским ученым лишь после открытия Америки. Самым ранним упоминанием о ней считается фраза Юлия Цезаря Скалигера (1557) о добываемом в Центральной Америке металле, который не удается расплавить. Название этого металла появляется еще позже, в книге испанского мореплавателя Антонио де Ульоа «Исторический отчет о поездке в Южную Америку» (1748), где впервые упоминается слово *platina*, уменьшительное от *plata* ‘серебро’ (изначально в описательном названии *platina del Pinto* букв. ‘серебришко с [реки] Пинто’ [Marggraf 1760]). В испанском языке слово в первой половине XIX века сменило грамматический род, превратившись в *platino* (видимо, по аналогии с другими названиями металлов *oro* ‘золото’, *hierro* ‘железо’, *cobre* ‘медь’) [Corominas, Pascual 1984: II, 347], но успело еще в форме женского рода заимствоваться во множество языков мира.

Однако помимо названий, восходящих к исп. *platina*, существует еще одна модель номинации этого металла — конструкции, в буквальном переводе означающие ‘белое золото’. Вероятно, первый пример был в статье шведского химика Хенрика Шеффера на немецком языке «*Das weisse Gold oder siebente Metall, in Spanien Platina del Pinto, Kleines Silber von Pinto genannt, seiner Natur nach beschrieben*» [Weeks 1960: 416–417]. Помимо немецкого отмечены также швед. *vittguld, vitt guld, hwittguld* [SAOB], датск. *hvide guld, hvidguld* [OODDS], нидер. *witgoud* [HWNF], франц. *or blanc* [CNRTL], рус. *белое золото* [Березович, Кучко 2020, 8], англ. *white gold* [OED].

Подобные названия существовали в XVIII — начале XIX века, а затем вышли из употребления, будучи заменены словами, производными от исп. *platina*. Франкоязычный источник уже в 1833 году истолковывает *or blanc* как ‘старинное название платины’ (*Ancien nom du platine*) [Vaumartoise, de Lens 1833: 88]. Можно предположить две причины недолговечности этих названий. Во-первых, уже в конце XVIII века стало понятно, что платина представляет собой особый металл, а не разновидность другого химического элемента или сплав, а химические элементы в подавляющем большинстве случаев имеют в языках мира однокоренные названия. Во-вторых, номинация ‘белое золото’ уже использовалась и до сих пор используется во многих языках для обозначения золотого сплава, применяемого в ювелирном деле [Cretu, van der Lingen 1999: 118–121]. Однако подобное название платины сохранилось в новогреческом языке, где сложное слово λευκόχρυσος ‘платина’ конкурирует с *plátina*, а ювелирный сплав белое золото обозначается словосочетанием λευκός χρυσός [DSMG].

Если мы взглянем на карту распределения номинации «белое золото = платина» в языках мира (DSSh 5562), то обнаружим, что

помимо европейского ареала существует азиатский. К нему принадлежат тамильск. *veḷḷaittaṅkam*, *veḷḷittaṅkam* [Tamil lexicon: 3801, S417], малайск. *emas putih*, *emas puteh* [SEALang], индонез. *emas putih* [KBBI], лаос. *kham khāo* [SEALang], бирм. *swèi byù* [SEALang], монгол. *thə kətaoʔ*, *thə hətaiŋ* [SEALang] (с двумя разными лексемами в значении ‘быть белым’), шанск. *kʰam⁴ pʰɤk²* [SEALang], тайск. *tʰəŋ kʰāw* [SEALang], кит. *báijīn* (白金) [БКРС: II, 598], монг. *цагаан алт* [БамРС: 1494], бурят. *сагаан алтан* [Шагбаров, Черемисов 2010: II, 134], вьет. *bạch kim* [Bùi Hiên 2017, 28], япон. *hakkin* (白金) [БЯРС: II, 420], кор. *baekgeum* (백금, 白金) [БКорРС: I, 626]. В лаосском также есть вариант *tʰəŋ kʰə* букв. ‘лунное (т. е. белое как луна) золото’ [SEALang]. В некоторых из перечисленных языков названия типа ‘белое золото’ сосуществуют с лексемами, восходящими к исп. *platina*.

Мы полагаем, что азиатский ареал «белого золота = платины» возник благодаря присутствию голландцев в этом регионе мира в XVII–XVIII веках и калькированию нидерландского *witgoud* местными языками. Началом нидерландской колониальной экспансии в Азии можно считать 23 июня 1596 года, когда в Бантам на Яве прибыла первая голландская торговая экспедиция. В 1602 году основана Нидерландская Ост-Индская компания, на занятых ею в течение XVII–XVIII веков территориях сложилась крупнейшая колония Нидерландов — Голландская Ост-Индия (современная Индонезия). С 1641 года началась оккупация Нидерландами Малакки, продлившаяся до 1824 года. В 1608–1825 годах в южной Индии, частично на территории нынешнего штата Тамилнад, существовала колония Голландский Коромандельский Берег. В 1689–1796 годах Нидерландам принадлежал Цейлон, в 1624–1662 — остров Тайвань, известный в то время как Голландская Формоза [Jacobs 1991: 11–95; Исраэль 2018: 331–336]. В 1609 году основана фактория в Хирадо недалеко от Нагасаки, в 1641-м появилась фактория на искусственном острове Дэдзима в бухте Нагасаки, ставшая единственным центром торговли Нидерландов с Японией. До 1853 года из европейцев только голландцы могли торговать с Японией и служили для японцев главным источником сведений о европейской науке и культуре [Cullen 2017; van Waarden 2014; Numata 1964].

Распространение названий типа ‘белое золото’ хорошо совпадает с точками голландской экспансии. Калька нидер. *witgoud* в тамильск. *veḷḷaittaṅkam* произошла в Коромандельском Береге и на Цейлоне. В пользу такого предположения свидетельствуют другие следы нидерландского лексического влияния в тамильском языке: *kakkūci* ‘(груб., разг.) туалет’ из нидер. *kakhuis*, *ārṭṭin* ‘черви (масть в европейских картах)’ из нидер. *harten*, *kantōr* ‘офис’ из нидер. *kantoor*, *kāmarā* ‘комната’ из нидер. *kamer*, *kokkis* ‘вид печенья’ из нидер. *koekjes*, *cākku*

‘мешок, карман’ из нидер. *zak*, *tutti* ‘деньги’ из нидер. *doit* ‘дуит, мелкая медная монета, 1/160 гульдена’ [Hoogervorst 2018; Avram 2013: 51–74].

Благодаря присутствию голландцев на Малакке и в Индонезии эта модель проникла в малайский/индонезийский язык (разделение двух литературных языков произошло лишь во второй половине XX века). Лексический след нидерландского языка в индонезийском очень заметен и включает как прямые заимствования (*sel* ‘камера (в тюрьме, монастыре)’, ‘(биол.) клетка’, *loper* ‘шахматный слон’), так и кальки: *minyak bumi* ‘нефть’ (букв. ‘земляное масло’) из *aardolie*, *kata kerja* ‘глагол’ (букв. ‘слово работы’) из *werkwoord*, *kuda nil* ‘тип-попотам’ (букв. ‘нильский конь’) из *nijlpaard*, *kuda laut* ‘морской конёк’ из *zeepaard*, *bintang berekor* ‘комета’ (букв. ‘хвостатая звезда’) из *staartster* [KBBI, DSSh 1903, 4987, 6288, 6519, 9675].

По нашему предположению, малайский язык, в свою очередь, послужил источником словообразовательных калек в языки Индокитая: тайский, бирманский, лаосский, вьетнамский, монский, шанский. История китайского названия платины *báijīn* (白金) уже описана исследователями [Chang 2018: 12]. Его ввел американский миссионер и переводчик Уильям Мартин (1827–1916), известный как Дин Вэйлян (丁韞良), в книге 1868 года *Gewu Rumen* (格物入門, «Введение в естественную философию»), где для китайского читателя излагались основы европейских естественных наук. Мартин использовал существовавшую уже в среднекитайском языке конструкцию 白金 ‘белый’ + ‘золото / металл’, которая обозначала серебро.

Еще одним языком, получившим название «белое золото» из нидерландского, стал японский. Это случилось благодаря Удагаве Ёану (1798–1846) профессиональному специалисту по «рангаку» (蘭学, букв. ‘голландские науки’), то есть европейским знаниям. В период закрытости Японии такие люди, владевшие европейскими языками, прежде всего нидерландским, занимались переводами и освоением технических достижений европейцев. Удагава Ёану ввел в японский язык множество неологизмов в своей книге «Введении в химию» (1837), помимо названия платины там были, например, *sanso* (酸素) ‘кислород’, *suiso* (水素,) ‘водород’, *chisso* (窒素) ‘азот’, *tanso* (炭素) ‘углерод’, *sanka* (酸化) ‘окисление’, *kangen* (還元) ‘восстановление’, *hōwa* (飽和,) ‘насыщение’, *yōkai* (溶解) ‘растворение’, *genso* (元素) ‘элемент’ [Siderer 2021; Toda 2008].

Китайский язык стал источником для названия платины в монгольском языке, а монгольский — в бурятском. Что касается корейского языка, то тут не исключено влияние как китайского, так и японского.

Помимо основной азиатской группы, названия платины типа «белое золото» отмечены еще в нескольких языках, Словари персидского языка фиксируют устаревшее *talā sefid* [Наууим 1934–1936: 2, 310], а в языке паджаби в XIX веке существовало название *safaid soná* [Singh 1895: 984]. В современных фарси и панджаби платина называется *pelâtin* и *palaiñinamā* соответственно. Лексема панджаби, вероятно, возникла под влиянием персидского, а источник персидского слова неясен. Но можно отметить, что персидский порт Бандар-Аббас на берегу Ормузского залива в 1654–1754 годах находился под контролем Нидерландской Ост-Индской компании [Hawley 1970: 76].

Подобная модель названий платины встречается также в ряде языков России: башк. *ак алтын* [Бикбаева и др. 2019: 342], татар. *агалтын* [Ганиев 2004: 19], лакский *кIяла муси* [Хайдараров 1962: 172], аварск. *хъахIаб месед* [Гимбатов 2006: 484]. Можно предположить, что они возникли под влиянием рус. *белое золото* ‘платина’ в начале XIX века. Но точный ответ на этот вопрос требует отдельного исследования по истории химической терминологии в данных языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березович Е.Л., Кучко В.С. Явление видовой замены в номинациях минералов и металлов (на примере названий, включающих лексему «золото») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 4. С. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2020-4-5-15
2. Израэль Д.И. Голландская республика. Ее подъем, величие и падение. 1477–1806. Т. I. 1477–1650. М., 2018.
3. Avram A.A., 2013. The Dutch lexical contribution to three Asian Portuguese Creoles/ Contribuição lexical do holandês para três crioulos de base portuguesa da Ásia. *PAPIA-Revista Brasileira de Estudos do Contato Linguístico*, 23 (1), pp. 51–74.
4. Chang H. What's in a name: a comparison of Chinese and Japanese approaches to the translation of chemical elements. *ChemTexts* 4, 12 (2018). doi: /10.1007/s40828-018-0065-0
5. Corominas J., Pascual J.A. Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. Madrid. 1983–1992.
6. Cretu C., van der Lingen E. Coloured Gold Alloys // *Gold Bulletin*. 1999. 32(4). P. 115–126.
7. Hawley D. The Trucial States, Lonson. 1970
8. Hoogervorst T. Sailors, Tailors, Cooks, and Crooks: On Loanwords and Neglected Lives in Indian Ocean Ports // *Itinerario. European Journal of Overseas History*. 2018, 42 (3), pp. 516–548. doi:10.1017/S0165115318000645
9. Marggraf A.S. Versuche mit dem neuen mineralischen Körper Platina del pinto genannt. Graz, 1760. [Электронный ресурс] URL: https://books.google.ru/books?id=GWNQAAAАсААJ&redir_esc=y [дата обращения: 06.03.2026].
10. Siderer Y. (2021) Udagawa Youan (1798–1846), Pioneer of Chemistry Studies in Japan from Western Sources and his Successors // *Substantia*, 5 (1): 99–117. doi: 10.36253/Substantia-963.

11. *Toda I.* (2008). 蘭学者たちの遺してくれたもの // 物理教育. Vol. 56 № 4. Physics Education Society of Japan: 258–261. doi:10.20653/pesj.56.4_258.
12. *Weeks, M.E.* (1968). Discovery of the Elements. Easton. Journal of Chemical Education. 1968.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. *Бикбаева Ф., Бикбаев М., Мөхәмәтдинова Л.* Химик терминдардың һәм төшөнсәләрҙең урыҫса-башҡортса һәм башҡортса-урыҫса қыҫкаса белешмә һүзлегә. Уфа, 2019.
2. БАМРС = Большой академический монгольско-русский словарь. М. 2001—2002.
3. БКРС = Большой китайско-русский словарь в 4 т. М. 1983—1984.
4. БКорРС = Большой корейско-русский словарь в 2 т. М. 1976.
5. БЯРС = Большой японско-русский словарь в 2 т. М. 1970.
6. *Ганиев Ф.А.* (ред.) Татарско-русский словарь. Казань. 2004.
7. *Гимбатов М.М.* (ред.) Аварско-русский словарь. Махачкала. 2006
8. *Хайдаков С.М.* Лакско-русский словарь. М. 1962
9. *Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М.* Бурятско-русский словарь в двух томах. Улан-Удэ. 2010.
10. *Bùi Hiển Từ điển Việt — Nga. Hà Nội, 2017.*
11. CNRTL = Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Электронный ресурс]. URL: <http://cnrtl.fr/> (дата обращения: 18.10.25)
12. DSMG = Λεξικό της κοινής νεοελληνικής [Dictionary of Standard Modern Greek]] Institute for Modern Greek Studies of the Aristotle University of Thessaloniki. 1998 [Электронный ресурс]. URL: http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/index.html (дата обращения: 18.10.25)
13. *Haayim, S.* New Persian-English dictionary, complete and modern. Teheran. 1934-1936
14. HWNT = Historische woordenboeken Nederlands en Fries [Электронный ресурс]. URL: <http://gtb.inl.nl/?owner=WNT> (дата обращения: 18.10.25)
15. KBBI = Kamus Besar Bahasa Indonesia, Jakarta, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://kbbi.kemdikbud.go.id/> (дата обращения: 18.10.25)
16. *Mérat de Vaumartoise F.-V., de Lens A. J.* Dictionnaire universel de matière médicale & de thérapeutique générale: Tome V O-Q. Paris. 1833.
17. OODDS = Ordbog over det danske Sprog. Historisk Ordbog 1700-1950 [Электронный ресурс]. URL: <https://ordnet.dk/ods>
18. OED = Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 18.10.25)
19. SEALang = Southeast Asian Languages Library [Электронный ресурс]. URL: <http://sealang.net/library/> (дата обращения: 18.10.25)
20. *Singh M.* The Panjabi dictionary. Lahore, 1895
21. SAOB = Svenska Akademiens ordbok [Электронный ресурс]. URL: <https://svenska.se> (дата обращения: 18.10.25)
22. *Tamil lexicon. Madras. University of Madras. 1924-1936.*
23. DSSh = Zalizniak A. et al. Database of Semantic Shifts. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. [Электронный ресурс]. URL: <https://dat-semshift.ru/> (дата обращения: 18.10.25)

REFERENCES

1. *Berezovich E.L., Kuchko V.S.* Yavlenie vidovoy zameny v nominatsiyakh mineralov i metallov (na primere nazvaniy, vklyuchayushchikh leksemu «zoloto») [The Phe-

- nomenon of Species Substitution in the Names of Minerals and Metals (a Case Study of the Names Including the Lexeme 'Gold')]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 4, pp. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2020-4-5-15 (In Russ.)
2. Israel D.I. *Gollandskaya respublika. Ee pod"em, velichie i padenie. 1477–1806. T. I. 1477–1650.* [The Dutch Republic: Its Rise, Greatness, and Fall. 1477–1806. Vol. I, 1477–1650] M., 2018. 608 p. (In Russ.)
 3. Avram A.A. The Dutch lexical contribution to three Asian Portuguese Creoles. *Contribuição lexical do holandês para três crioulos de base portuguesa da Ásia. PAPIA-Revista Brasileira de Estudos do Contato Linguístico*, 2013, 23 (1), pp. 51–74.
 4. Chang H. What's in a name: a comparison of Chinese and Japanese approaches to the translation of chemical elements. *ChemTexts* 4, 12 (2018). doi: /10.1007/s40828-018-0065-0
 5. Corominas J., Pascual J.A. *Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico*. Madrid. 1983–1992. 939+985+903+907+851+895 p.
 6. Cretu C., van der Lingen E. Coloured Gold Alloys. *Gold Bulletin*, 1999, 32 (4), pp. 115–126.
 7. Hawley D. *The Trucial States*, Lonson, George Allen & Unwin LTD, 1970. 380 p.
 8. Hoogervorst T. Sailors, Tailors, Cooks, and Crooks: On Loanwords and Neglected Lives in Indian Ocean Ports. *Itinerario. European Journal of Overseas History*. 2018, 42 (3), pp. 516–548. doi:10.1017/S0165115318000645
 9. Marggraf A.S. *Versuche mit dem neuen mineralischen Körper Platina del pinto genannt*. Graz, Widmannstätter. 1760. 46 p. URL: https://books.google.ru/books?id=GWNQAAAAcAAJ&redir_esc=y [accessed 6.03.2026]
 10. Siderer Y. Udagawa Youan (1798–1846), Pioneer of Chemistry Studies in Japan from Western Sources and his Successors. *Substantia*, 2021, 5 (1), pp. 99–117. doi: 10.36253/Substantia-963.
 11. Toda I. (2008). 蘭学者たちの遺してくれたもの [The Heritage of Dutch Scientists]. 物理教育 [Physics Education], 2008, 56, 4, pp. 258–261. doi:10.20653/pesj.56.4_258.
 12. Weeks M.E.. *Discovery of the Elements*. Easton. Journal of Chemical Education, 1968. 910 p.

SOURCES OF EXAMPLES

1. Bikbaeva G., Bikbaev M., Məkhəmətdinova L. *Khimiķ termindarзың һәм toshənsəlarзың uryçsa-bashkortsa һәм bashkortsa-uryçsa кыçкаsa beleshmə hyžlege* [Russian-Bashkir and Bashkir-Russian dictionary of chemical terms and concepts]. Ufa, Kitap Publ. 2019. 576 p. (In Bashkir)
2. BAMPC = *Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar'* [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary.]. M. Academia Publ. 2001—2002. 1766 p. (In Russ.)
3. БКРС = *Bol'shoi kitaisko-russkii slovar' v 4 t.* [Big Chinese-Russian Dictionary in 4 vol.] M., Nauka Publ. 1983—1984. 552+1102+1106+1062 p.(In Russ.)
4. БКорРС = *Bol'shoi koreisko-russkii slovar' v 2 t.* [Big Korean-Russian Dictionary in 2 vol.] M., Russij Jazyk Publ., 1976. 812+672 p. (In Russ.)
5. БЯРС = *Bol'shoi yaponsko-russkii slovar' v 2 t.* [Big Japanese-Russian Dictionary in 2 vol.] M., Sovetskaja Enciklopedija Publ. 1970. 1780 p. (In Russ.)
6. Ganiev F.A. (ed.) *Tatarsko-russkii slovar'* [Tatar-Russian Dictionary]. Kazan'. Magarif Publ. 2004. 726 p. (In Russ.)
7. Gimbatov M.M. (ed.) *Avarsko-russkii slovar'* [Avar-Russian Dictionary]. Makhachkala. Dagestan Scientific Center. 2006. 909 p. (In Russ.)

8. Khaidakov S.M. *Laksko-russkii slovar'* [Lak-Russian Dictionary]. M., State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1962. 424 p. (In Russ.)
9. Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. *Buryatsko-russkii slovar' v dvukh tomakh*. [Buryat-Russian dictionary in two volumes] Ulan-Ude. Republican Printing House. 2010. 708 p.
10. Bùi Hiền *Từ điển Việt — Nga*. Hà Nội, Công ty Văn hoá Huy Hoàng. 2017. 1456 p.
11. CNRTL = *Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales*. URL: <http://cnrtl.fr/> [accessed 18.10.2025]
12. DSMG = *Λεξικό της κοινής νεοελληνικής* [Dictionary of Standard Modern Greek]) Institute for Modern Greek Studies of the Aristotile University of Thessaloniki. 1998. URL: http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides/index.html (accessed 18.10.25)
13. Hayyim S. *New Persian-English dictionary, complete and modern*. Teheran. Librairie-imprimerie Béroukhim. 1934–1936. 2259 p.
14. HWNT = *Historische woordenboeken Nederlands en Fries*. URL: <http://gtb.inl.nl/?owner=WNT> [accessed 18.10.2025]
15. KBBI = *Kamus Besar Bahasa Indonesia*, Jakarta, 2016. URL: <https://kbbi.kemdikbud.go.id/> [accessed 18.10.2025]
16. Mérat de Vaumartois F.-V., de Lens A. J. *Dictionnaire universel de matière médicale & de thérapeutique générale: Tome V O-Q*. Paris. J.-B. Baillière, 1833. 1660 p.
17. OODS = *Ordbog over det danske Sprog*. Historisk Ordbog 1700–1950. URL: <https://ordnet.dk/ods> [accessed 18.10.2025]
18. OED = *Oxford English Dictionary*. URL: <https://www.oed.com/> [accessed 18.10.2025]
19. SEALang = *Southeast Asian Languages Library*. URL: <http://sealang.net/library/> [accessed 18.10.2025]
20. Singh M. *The Panjabi dictionary*. Lahore, Munshi Gulab Singh & Sons. 1895. 1221 p.
21. SAOB = *Svenska Akademiens ordbok*. URL: <https://svenska.se> [accessed 18.10.2025]
22. *Tamil lexicon*. Madras. University of Madras. 1924–1936. 4351 p.
23. DSSh = Zalizniak A. et al. *Database of Semantic Shifts*. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. URL: <https://datsemshift.ru/> [accessed 18.10.2025]

Поступила в редакцию 07.10.2025

Отредактирована 20.01.2026

Принята к публикации 22.06.2026

Received 07.10.2025

Revised 20.01.2026

Accepted 22.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Максим Михайлович Руссо — научный сотрудник Института языкознания РАН; rousseau@iling-ran.ru

ABOUT THE AUTHORS

Maxim M. Russo — Research Fellow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; rousseau@iling-ran.ru

ОТРАСЛЕВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СОСТАВЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ “CLIMATE CHANGE” («ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА»): СТРУКТУРА И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

А.И. Лаптинова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; anastasia.ko.en@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается отраслевая терминология в структуре концептосферы *Climate Change* («изменение климата»). Актуальность исследования определяется необходимостью систематизации терминологических единиц, функционирующих в междисциплинарной области *изменения климата*, приобретающей особую значимость в условиях глобальной экологической повестки. Задача исследования состоит в разработке метода их выделения в рамках терминологии *Climate Change* и в определении их онтологических характеристик на базе дефиниционного подхода, сочетающего предметно-тематическую и функциональную классификации. Основной фокус рассмотрения направлен на *отраслевые* термины как особый класс специальных лексических единиц, формирующихся на основе предметных понятий и отражающих способы практического освоения и регулирования климатических процессов. Материалом исследования послужил словник Глоссария Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC Glossary). В ходе дефиниционного анализа было установлено, что терминология *Climate Change* представляет собой упорядоченную систему, организованную по иерархическому принципу *genus proximum / differentia specifica*. Несмотря на значительную долю отраслевых терминов, входящих в состав *Climate Change*, предметные термины представляются онтологически первичными, поскольку обозначают базовые физические процессы и служат основой для деривации производных единиц. Отраслевые термины характеризуются зависимостью от предметных, что проявляется в их преимущественно полилексемной структуре. Анализ глоссария IPCC также выявил антропоцентрическую направленность данной терминологии: центральным элементом концептуальной структуры выступает термин *anthropogenic*, репрезентирующий роль человеческой деятельности как важного фактора климатических изменений. В статье делается вывод о том, что отраслевая терминология является важным компонентом концептосферы *Climate Change*, обуславливающим ее междисциплинарность, прикладную ориентацию и потенциальное развитие.

Ключевые слова: концептосфера CLIMATE CHANGE; предметные/отраслевые термины; родовидовая иерархия; междисциплинарные термины; дефиниционный анализ; обобщающий (родовой) компонент содержания

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-7

Для цитирования: Лаптинова А.И. Отраслевая терминология в составе концептосферы “CLIMATE CHANGE” (“ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА”): структура и онтологические характеристики // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026 № 4. С. 86–97.

INDUSTRY-SPECIFIC TERMINOLOGY WITHIN THE CONCEPTUAL SPHERE “CLIMATE CHANGE”: CONCEPTUAL STRUCTURE AND ONTOLOGICAL CHARACTERISTICS

Anastasiia I. Laptinova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; anastasia.ko.en@gmail.com

Abstract: The article examines industry-specific terminology within the conceptual domain of *Climate Change*. The relevance of the study is determined by the need to systematize terminological units functioning in the interdisciplinary field of *climate change*, which is of particular importance in the context of the global environmental agenda. The aim of the paper is to develop a method for identifying these terms within the *Climate Change* terminology and determine their ontological characteristics based on the definitional approach integrating subject-oriented and thematic-functional classifications. The study focuses on industry-specific terms as a distinct class of specialized lexical units derived from subject concepts and reflecting the practical implementation and regulation of climate-related processes. The research material is drawn from the glossary of the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC Glossary). The definitional analysis reveals that the terminology of *Climate Change* constitutes a well-ordered system organized according to the hierarchical principle *genus proximum / differentia specifica*. Despite the significant proportion of industry-specific terms, subject terms are meant to be ontologically primary, as they denote fundamental physical processes and serve as the basis for the derivation of secondary units. Industry-specific terms are characterized by their dependence on subject terms, which is reflected in their polylexemic structure. The analysis of the IPCC Glossary also reveals the anthropocentric orientation of the target terminology: the term *anthropogenic* occupies a central position in the given conceptual structure, representing human activity as a key driver of climate change. The study reveals that industry-specific terminology is an important component of the concept sphere *Climate Change*, which highlights its interdisciplinarity, applied orientation, and potential for development.

Keywords: conceptual sphere CLIMATE CHANGE; subject / industry-specific terms; interdisciplinary terms; *genus-differentia hierarchy*; definitional analysis; generalizing (abstract) content component

Понятие “climate change” впервые вошло в научный обиход во второй половине XX века и с тех пор стало одним из самых обсуждаемых явлений. На сегодняшний день оно является не только предметом изучения климатологов, но и концептом, существенным для экологии, географии, социологии, политологии и экономики. Это делает *изменение климата* полем интенсивного междисциплинарного взаимодействия, в ходе которого формируются новые термины и пересматривается содержание старых. Современное понимание изменения климата обусловлено не только объективными естественными (физическими) процессами, но и когнитивными механизмами, определяющими интерпретацию этого явления в различных научных и социальных контекстах.

В исследовании междисциплинарной области Climate Change первостепенное значение приобретает разграничение таких основополагающих терминов, как *понятие* и *концепт*. *Понятие* трактуется как логико-когнитивная единица, «форма мышления, отражающая существенные признаки предметов и явлений действительности» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 381]. Оно характеризуется логической строгостью, определенностью и стремлением к однозначности. В отличие от понятия, *концепт* выступает как единица знания, которая объединяет понятия, образы, представления и оценки [Болдырев 2001: 27]. Если *понятие* — это четко определенная форма мышления, то *концепт* — это более широкое, многомерное образование, которое включает не только объективное содержание, но и субъективный аспект, давая тем самым целостное представление о явлении. Применительно к Climate Change это означает, что в качестве *понятия* оно определяется как строго научная категория, описывающая долговременные изменения климатической системы Земли, обусловленные естественными и антропогенными факторами. В качестве *концепта* Climate Change выходит за рамки строго научного определения и включает в себя всю совокупность представлений и интерпретаций, связанных с проблемой изменения климата. Следует отметить, что Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (РКООН) в статье 1 определяет Climate Change как «изменение климата, которое прямо или косвенно связано с деятельностью человека, преобразующей состав глобальной атмосферы, и которое происходит в дополнение к естественной изменчивости климата,

наблюдаемой в течение сопоставимых периодов времени» [IPCC Glossary].

Терминология исследуемой междисциплинарной области имеет многоуровневую структуру и включает следующие типы специальных обозначений научного языка:

1. Общенаучные термины, описывающие универсальные подходы и способы мышления, а также инструменты исследования, применяемые в разных науках: *model* / «модель», *evidence* / «доказательство, данные», *transformation* / «трансформация»;

2. Предметные термины, обозначающие понятия данной науки, называющие специальные объекты, процессы и явления определенной предметной области: *radiation* / «радиация» (физика), *greenhouse effect* / «парниковый эффект», *cyclone* / «циклон» (климатология), *avalanche* / «лаваина», *glacier* / «ледник» (гляциология);

3. Отраслевые термины, описывающие не сами природные явления, а то, как они исследуются в конкретной профессиональной области (отрасли). Данный тип терминов характеризуется большей степенью зависимости от контекста употребления, выявляющей их функциональную направленность на решение определенной проблемы или достижение результата: *carbon pricing* / «углеродное ценообразование» (экономика), *climate adaptation* / «климатическая адаптация» (политика), *renewable energy deployment* / «внедрение возобновляемых источников энергии» (энергетика);

4. Междисциплинарные термины, объединяющие элементы различных предметных и отраслевых областей знания и функционирующие на стыке естественных, технических и социально-экономических наук. Данные термины характеризуются способностью интегрировать разнотипные компоненты научного знания в рамках единого понятия: *sustainable development* / «устойчивое развитие» (экология, политика, экономика); *climate policy* / «климатическая политика» (климатология, политика, экономика); *mitigation* / «смягчение последствий» (климатология, технологии, политика).

Уже на ранних этапах развития терминоведения было известно, что существуют *онтологические понятия*, обозначающие фундаментальные категории и концепты, которые отражают сущностные характеристики объектов в той или иной научной или профессиональной области и формируют основу построения узкоспециальных терминологических систем, обеспечивающих адаптацию указанных концептов к специфическим потребностям общества. В.М. Лейчик подчеркивал, что *отраслевые термины* являются неотъемлемой частью профессиональной коммуникации. Он предлагал основанную на объекте номинации *содержательную классификацию тер-*

минов, которая заключалась в их распределении по «языкам для специальных целей»: «перечень данных сфер может быть обобщенно представлен следующим образом: наука, техника, производство (составляющие “технический базис” современного общества); экономический базис (производственные отношения); инфраструктура, включающая общественно-политические отношения, искусство, массовые коммуникации и др.» [Лейчик 2009: 92].

В фокусе исследования в данной статье находятся именно отраслевые термины, и задача заключается в том, чтобы разработать методику их выделения в общем составе терминологии Climate Change и определить их онтологические признаки на основе дефиниционного подхода с учетом их функционально-тематической классификации.

Для проведения настоящего исследования был составлен компьютерный корпус объемом 49 664 слова, включающий электронную версию Глоссария Межправительственной группы экспертов по изменению климата (Intergovernmental Panel on Climate Change, IPCC Glossary). Основу глоссария составляют специальные доклады Межправительственной группы экспертов по изменению климата, которые охватывают ключевые понятия данной области. Всего в составленный корпус вошли определения 913 терминов из материалов, посвященных таким темам, как физические основы изменения климата, последствия климатических изменений и адаптация к ним, а также предотвращение изменения климата.

Далее был проведен логико-понятийный лингвистический анализ определений терминов в рамках дефиниционного метода [Лейчик 2007; Новодранова 2013; Манерко 2024], который предусматривает выявление иерархических (родовидовых) и ассоциативных связей специальных обозначений в структуре знания и научного опыта. Дефиниция позволяет не только идентифицировать термин как относящийся к определенной области знания, но и «встраивает» его в систему знаний, выявляя смысловые взаимосвязи понятий на разных уровнях обобщения. Особое значение в когнитивном терминоведении приобретают когнитивная и коммуникативная функции определений, направленные на 1) выделение существенных признаков явлений (когнитивная функция), 2) фиксацию их упорядоченного описания и интерпретации (нормативная функция) и через однозначность передаваемого содержания — 3) оптимизацию научного общения (коммуникативная функция). В определении термина присутствует такая важная его составляющая, как указание на область исследования, в понятийном поле которой происходит изучение того или другого явления. Для настоящей работы этот

момент чрезвычайно важен, поскольку одни и те же явления могут стать предметом исследования в различных предметных областях, и, кроме того, происходит их содержательно-прагматическое осмысление на более высоком (суперординантном) уровне — а именно в составе (и в контексте) концептуальной области *Climate Change*. Исследуя процесс концептуализации термина в той или иной области знания, дефиниционный анализ показывает, как данный «фрагмент» понятийного знания входит в более широкий круг систематизированной информации [Манерко 2024: 397].

Логико-семантический анализ определений терминов основан на разграничении типов знания в концептуальной структуре обозначаемых ими понятий. Если предметные термины описывают сам объект изучения — климатическую систему и механизмы ее изменения, — то базовыми компонентами отраслевых терминов являются виды деятельности, регулирование или оценка природных процессов и явлений в контексте различных сфер науки и социально-производственной деятельности (экономика, политика, управление, образование, право и др.). Например, *greenhouse gas emissions* (выбросы парниковых газов), *global warming* (глобальное потепление), *sea level rise* (повышение уровня океана) обозначают сущностные явления в системе метеорологии, экологии и климатологии. **Отраслевые термины**, напротив, «привязаны» к смежным областям в контексте исследования общей проблемы *Climate Change*: *carbon credit* (углеродный кредит — экономика / финансы), *climate-resilient crop* (климатически устойчивая культура — сельское хозяйство), *Carbon Border Adjustment Mechanism* (Пограничный корректирующий углеродный механизм (ПКУМ) — климатическая политика).

Системная организация терминологии включает понятие «терминологического поля», охватывающего взаимосвязи обозначаемых терминами понятий и их дефиниций в определенной «сетке координат», которая формируется на основе принципа *genus proximum / differentia specifica* [Гвишиани 2019: 42]. В составе определений терминов, тем самым, может быть выделен обобщающий (родовой) компонент содержания, указывающий на преобладающий тип знания, представленный в данном обозначении. В случае предметных терминов таким компонентом будут природные (физические) процессы и категории, в то время как для отраслевых терминов определяющим критерием будет указание на действия, связанные с доступом, управлением или оценкой этих процессов. Рассмотрим следующий фрагмент анализа глоссария IPCC:

Таблица 1. Фрагмент дефиниционного анализа IPCC Glossary

Термин	Тип термина	Определение	Обобщающий (родовой) компонент в определении
Energy access	отраслевой (социально-экономическая сфера)	Access to clean, reliable and affordable energy services for cooking and heating, lighting, communications and productive uses.	Доступ к надежным источникам энергии для отопления, освещения, связи и производственных нужд.
Energy balance	предметный (климатология, физика атмосферы, геофизика)	The difference between the total incoming and total outgoing energy.	Разница между входящей и исходящей энергией.
Energy balance model (EBM)	предметный (физика атмосферы) отраслевой (климатическое моделирование)	A simplified climate model that is typically used as an emulator of climate to analyse the energy budget of the Earth to compute changes in the climate.	Упрощенная климатическая модель, используемая в качестве инструмента научных исследований при анализе энергетического баланса Земли.
Energy budget (of the Earth)	предметный (геофизика)	The Earth is a physical system with an energy budget that includes all gains of incoming energy and all losses of outgoing energy.	Физическая система входящей и исходящей энергии.
Energy poverty	отраслевой (социальная сфера)	The absence of sufficient choice in accessing adequate, affordable, reliable, high quality, safe and environmentally benign energy services to support economic and human development.	Отсутствие достаточных ресурсов для доступа к энергии.

Дефиниционный анализ, проведенный на всем массиве словника глоссария IPCC (913 терминов), позволил установить, что количественное соотношение предметных и отраслевых терминов Climate Change составляет 62 % (566 единиц) и 38 % (347 единиц) соответственно. В приведенном фрагменте глоссария были выделены два типа терминов — предметные, описывающие эпистемологию предмета, то есть природную реальность, и отраслевые термины, относящиеся к смежным областям в концептуальной сфере Climate Change. Что же касается термина *Energy balance model (EBM)*, то он является промежуточным случаем, поскольку, с одной стороны, он

обозначает результат процесса моделирования (не само явление, а действие или наблюдение), но в то же время это обозначение научного инструмента в рамках исследуемой предметной области (модель изменений климата).

Обобщающий компонент терминологических определений (своего рода “abstract”) может быть использован не только с целью разграничения типов терминов, но и для их распределения по предметным областям и сферам деятельности с учетом контекстуальных признаков (указание на участников процесса, цели, механизмы и условия функционирования). Однако во многих случаях требуется верификация этих данных на основе сопоставления с предметными словарями, энциклопедиями и глоссариями. К примеру, вхождение термина *Energy balance model (EBM)* в область физики атмосферы подтверждается его наличием в глоссарии Physical Sciences Laboratory NOAA [URL: <https://psl.noaa.gov/enso/glossary.html>].

Примечательно, что в представленном фрагменте глоссария все термины являются составными (полилексемными), реализующими модель «N + N» и в одном случае конструкцию с «of phrase» (*Energy budget (of the Earth)*). Преобладающая словообразовательная модель «N + N» указывает на компрессию информации в формировании терминологических обозначений и компактную репрезентацию их сложного содержания. Основу системной иерархии представляет ключевой термин *energy*, который получает дальнейшую специализацию и конкретизацию в контексте различных направлений науки и сфер деятельности.

Предметные термины представлены в глоссарии IPCC широким спектром научных дисциплин. Что же касается отраслевых терминов, то они репрезентируют целый ряд функционально-тематических типов (категорий) в рамках различных сфер деятельности, в которых происходит их концептуализация как специальных обозначений. Количественное соотношение основных категорий может быть графически представлено следующим образом (рис. 1).

Сравнительно большая доля отраслевых терминов в исследуемом материале выявляет иерархический характер данной терминологии, где родовой термин оказывается первичным и задает сам объект знания. Ядро терминологии изменения климата составляют именно предметные термины, прежде всего таких дисциплин, как метеорология, климатология и экология, которые непосредственно направлены на изучение климата. Иерархическая понятийная структура — это дефинитивный признак данной терминологии, который характеризует как предметный, так и отраслевой блоки в ее составе. В качестве примера рассмотрим иерархию, выстраиваемую на основе термина *climate* (рис. 2).

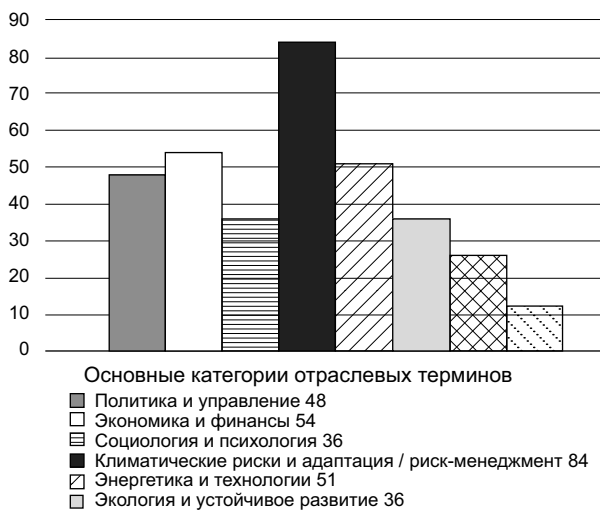

Рис. 1. Распределение отраслевых терминов по тематическим категориям

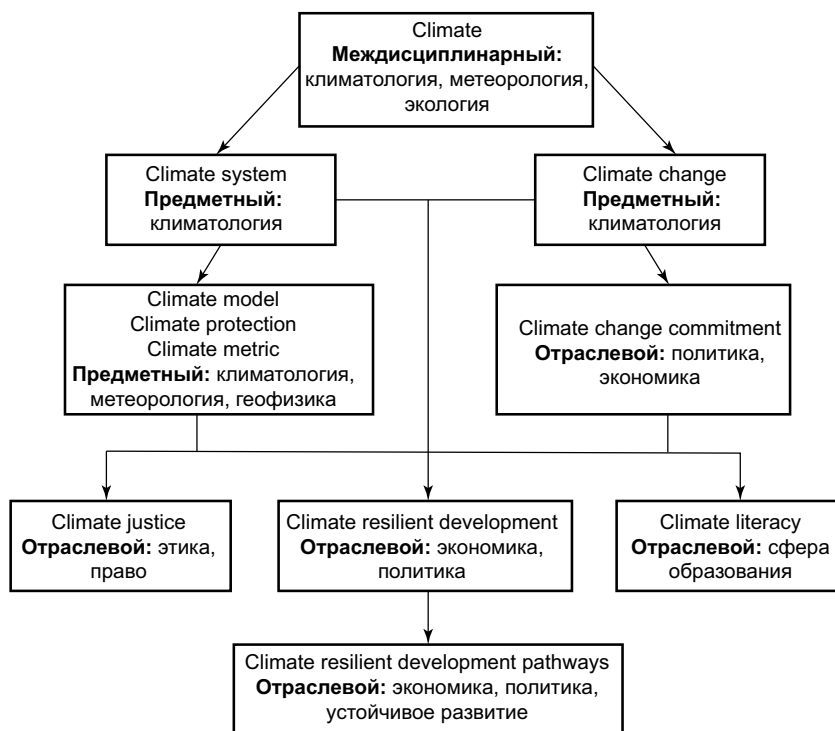

Рис. 2. Модель иерархической структуры на основе термина *climate*

По мере расширения концептуальной структуры исследуемой области происходит усложнение номинативных групп, что является важной характеристикой дефинитивного научного дискурса: на основе трехкомпонентного термина *Climate resilient development* (устойчивое развитие климата) возникает четырехкомпонентный — *Climate resilient development pathways* (траектории устойчивого развития). Системообразующий признак использования словосложения в терминообразовании выявляет деривационную последовательность в процессе концептуализации и свидетельствует о динамическом характере данной терминологии.

Сплошное обследование словника глоссария IPCC позволяет сделать вывод об *антропоцентрической направленности* терминологии Climate Change [Saleem, Khan, Khalid 2025]. Принцип антропоцентризма предполагает ориентированность терминов и понятий на человека, его деятельность, цели, оценки и решения. Центральным звеном в концептуальной структуре изменения климата становится термин *anthropogenic* — «антропогенный» (являющийся результатом или следствием деятельности человека). Феномен Climate Change, тем самым, трактуется не только как природное явление, но и как следствие антропогенного воздействия людей на глобальную атмосферу и климатические процессы. Климатическая система, в свою очередь, воздействует на человека, стимулируя его деятельность по предотвращению (или смягчению) негативных последствий изменения климата, управлению рисками, обеспечению безопасности и устойчивого развития. Особую роль в обозначении этих действий играют **отраслевые термины**, которые структурируют понятия вокруг человека как субъекта воздействия и управления. И, наконец, в глоссарии IPCC мы находим целый ряд терминов, включающих лексику *human (human behaviour / influence / mobility / rights / security)*, что явно указывает на интерпретацию природных процессов в контексте человеческой деятельности.

В заключение можно сделать вывод о том, что терминология Climate Change представляет собой упорядоченную совокупность терминов, системная организация которой реализуется на основе иерархического принципа *genus proximum / differentia specifica*. Отраслевая терминология в ее составе репрезентирует концептуальную модель конкретной отрасли знания или профессиональной деятельности. Хотя статистически доля отраслевых терминов значительна (по материалам глоссария IPCC), по своей функции предметные термины являются онтологически первичными, поскольку именно они обозначают базовые физические процессы климатической системы и являются субстратом для формирования производных отраслевых понятий, описывающих способы реагирования на кли-

матические изменения. Отраслевые термины характеризуются деривационной зависимостью от предметных терминов, что обуславливает их полилексемную структуру. Вторичный характер отраслевых терминов в континууме «ядро / периферия терминологии» не умаляет их значения как важного фактора в развитии таких свойств исследуемой терминологической области, как междисциплинарность и антропоцентризм. Терминосистема *Climate Change* находится *in statu crescendi*, поскольку характеризуется активным развитием и пополнением при наличии устойчивого понятийного ядра, при этом отраслевые термины являются ее наиболее динамичным компонентом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2001. С. 25–36.
2. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2009.
3. Лейчик В.М. Когнитивное терминоведение — пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. Сб. научных трудов. Вып. 5. М.; Рязань, 2007. С. 121–132.
4. Новодранова В.Ф. Методы когнитивного анализа в исследовании языков для специальных целей // Терминология и знание: материалы III Международного симпозиума / отв. ред. С.Д. Шелов. М., 2013. С. 11–19.
5. Манерко Л.А. Основополагающие методы когнитивно-дискурсивного терминоведения // Преподаватель XXI век. 2024. № 2. Часть 2. С. 390–405.
6. Гвишиани Н.Б. Терминология в обучении английскому языку с «Глоссарием лингвистических терминов»: (на английском языке). М., 2019.
7. Saleem M., Khan Z., & Khalid K. Human-Centered or Eco-Centered? Evaluating Anthropocentrism in Dawn's Climate Change Discourse. *Regional Lens*, 4(3), 2025. С. 25–31.

СЛОВАРИ И ГЛОССАРИИ

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
2. Глоссарий Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC Glossary). URL: <https://apps.ipcc.ch/glossary/> (дата обращения: 26.05.2025).
3. Physical Sciences Laboratory NOAA Glossary. URL: <https://psl.noaa.gov/enso/glossary.html> (дата обращения: 26.05.2025).

REFERENCES

1. Boldyrev N.N. Kontsept i znachenie slova [Concept and word meaning]. Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Voronezh, 2001, pp. 25–36. (In Russ.)
2. Leichik V.M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology studies: subject, methods, structure]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 256 p. (In Russ.)
3. Leichik V.M. Kognitivnoe terminovedenie — pyatyi etap razvitiya terminovedeniya kak vedushchei nauchnoi distsipliny rubezha XX–XXI vekov [Cognitive terminol-

ogy studies as the fifth stage in the development of terminology studies as a leading scientific discipline at the turn of the 20th–21st centuries]. *Kognitivnaya lingvistika: novye problemy poznaniya. Sb. nauchnykh trudov*. Vyp. 5. Moscow; Ryazan, 2007, pp. 121–132. (In Russ.)

4. Novodranova V.F. Metody kognitivnogo analiza v issledovanii yazykov dlya spetsial'nykh tselei [Methods of cognitive analysis in the study of languages for special purposes]. *Terminologiya i znanie: materialy III Mezhdunarodnogo simpoziuma*. Moscow, 2013, pp. 11–19. (In Russ.).
5. Manerko L.A. Osnovopolagayushchie metody kognitivno-diskursivnogo terminovedeniya [Fundamental methods of cognitive-discursive terminology studies]. *Prepodavatel XXI vek*, 2024, no. 2, part 2, pp. 390–405. (In Russ.).
6. Gvishiani N.B. Terminologiya v obuchenii angliiskomu yazyku s "Glossariem lingvisticheskikh terminov" [Terminology in teaching English with a glossary of linguistic terms]. Moscow, 2019. 160 p. (In Russ.).
7. Saleem M., Khan Z., & Khalid K. Human-Centered or Eco-Centered? Evaluating Anthropocentrism in Dawn's Climate Change Discourse. *Regional Lens*, 4 (3), 2025, pp. 25–31.

DICTIONARIES AND GLOSSARIES

1. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V.N. Yartseva. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990. 685 p. (In Russ.).
2. IPCC Glossary. Intergovernmental Panel on Climate Change. Available at: <https://apps.ipcc.ch/glossary/> (accessed 26.05.2025).
3. Physical Sciences Laboratory NOAA Glossary. URL: <https://psl.noaa.gov/enso/glossary.html> (accessed 26.05.2025).

Поступила в редакцию 05.06.2025

Отредактирована 20.12.2025

Принята к публикации 22.06.2026

Received 05.06.2025

Revised 20.12.2025

Accepted 22.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Анастасия Ильинична Лаптинова — аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета имени М.В. Ломоносова;
anastasia.ko.en@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Anastasiia I. Laptinova — postgraduate student of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
anastasia.ko.en@gmail.com

ТАКСИСНЫЕ СИНКРЕТЫ В СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

И.В. Архипова

*Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск,
Россия; irarch@yandex.ru*

Аннотация: Статья посвящена системному исследованию таксисных синкретов как формы грамматико-семантического синкретизма в современном немецком языке. В рамках функционально-семантического и полевого подходов анализируются устойчивые предположно-девербативные конструкции, в которых ядерные таксисные значения (одновременность, предшествование) неразрывно синтезируются с семантикой логической обусловленности (условие, причина, уступка, цель, средство). Доказывается, что ключевым механизмом формирования синкретов является грамматикализованная модель «полисемантический предлог (bei, durch, mit, wegen и др.) + девербатив», где интегративный потенциал обусловлен взаимодействием номинализации процессуальной семантики и радиальной полисемии предлога. На основе корпусного материала выявляется и детально описывается устойчивая типология синкретических комплексов: кондиционально-таксисные, инструментально-/медиадно-таксисные, каузално-таксисные, concessивно-таксисные и финально-таксисные. Определяется совокупность лингвистических факторов (лексико-грамматических, синтаксических, дискурсивно-прагматических), регулирующих актуализацию того или иного аспекта синкретической семантики в контексте. Результаты работы подтверждают гипотезу о конститутивном характере межкатегориального синкретизма для периферии функционально-семантического поля таксиса. Данный феномен интерпретируется как отражение глубинных когнитивных принципов концептуализации событий, для которых нерасчленимость временной последовательности и логической связи является фундаментальной. Таким образом, исследование вносит вклад в теорию функциональной грамматики, уточняя модели полицентрического взаимодействия семантических полей, и намечает перспективы для дальнейших сопоставительных и корпусных исследований грамматического синкретизма.

Ключевые слова: таксис; девербативы; полисемантический предлог; немецкий язык; таксисный синкрет; синкретический комплекс

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-8

Для цитирования: Архипова И.В. Таксисные синкреты в системе немецкого языка // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 98–112.

TAXIS SYNCRETISMS IN THE GERMAN LANGUAGE SYSTEM

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia; irarch@yandex.ru

Abstract: This article is devoted to a systematic study of taxis syncretism as a form of grammatical-semantic syncretism in modern German. Within the framework of the functional-semantic and field approaches, we analyze stable prepositional-deverbative constructions in which core taxis meanings (simultaneity, precedence) are inextricably synthesized with the semantics of logical conditionality (condition, cause, concession, goal, means). It is demonstrated that the key mechanism for the formation of syncretisms is the grammaticalized model of “polysemantic preposition (*bei, durch, mit, wegen*, etc.) + deverbative,” where the integrative potential is determined by the interaction of the nominalization of procedural semantics and the radial polysemy of the preposition. Based on corpus material, a stable typology of syncretic complexes is identified and described in detail: conditional-tactical, instrumental-/medial-tactical, causal-tactical, concessive-tactical, and final-tactical. A set of linguistic factors (lexical-grammatical, syntactic, discursive-pragmatic) regulating the actualization of a particular aspect of syncretic semantics in context is determined. The results of the study confirm the hypothesis of the constitutive nature of intercategorical syncretism for the periphery of the functional-semantic field of taxis. This phenomenon is interpreted as a reflection of deep cognitive principles of event conceptualization, for which the inseparability of temporal sequence and logical connection is fundamental. Thus, the study contributes to the theory of functional grammar by clarifying models of polycentric interaction of semantic fields and outlines prospects for further comparative and corpus-based studies of grammatical syncretism.

Keywords: taxis; deverbatives; polysemantic preposition; German language; taxis syncretic; syncretic complex

For citation: Arkhipova I.V. (2026) Taxis Syncretisms in the German Language System. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 98–112.

Введение

В современной функциональной грамматике значительный интерес представляет исследование межкуатегориального взаимодействия, при котором одна языковая форма кодирует комплекс взаимосвязанных значений. Одним из репрезентативных и вместе с тем недостаточно изученных проявлений такой грамматико-семантической диффузности в немецком языке являются *таксисные синкреты*. Под таксисом понимается функционально-семантическая категория (ФСК), охватывающая средства выражения относительной временной локализации ситуаций (одновременность, предшествование, следование) и характера логической связи между ними (при-

чина, условие, уступка, средство, цель). Таксисные синкреты представляют собой устойчивые, грамматикализованные предложно-именные конструкции с девербативами, в которых ядерные таксисные значения закономерно и неразрывно сливаются с семантикой логической обусловленности.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью системного описания природы, типологии и механизмов функционирования данных синкретических комплексов, которые являются ключевым средством компрессии пропозиционального содержания и отражают глубинные когнитивные принципы концептуализации событийной связанности. Основной целью данной работы является комплексный анализ таксисных синкретов в современном немецком языке на основе корпусного материала. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) определение структурно-грамматических моделей формирования синкретов (тип «предлог + девербатив»); 2) выявление и классификация устойчивых типов синкретических комплексов (кондиционные, каузальные, инструментальные, медиальные); 3) описание лингвистических механизмов их семантической актуализации.

Настоящий обзор представляет корпус исследований, формирующих теоретико-методологический фундамент для изучения категории таксиса и ее синкретических проявлений. Фундаментальные работы А.В. Бондарко закладывают основы функционально-семантического подхода, определяя таксис как полевое образование с ядром (временная соотнесенность) и периферией, где происходит взаимодействие с другими категориями, что концептуализирует саму возможность грамматического синкретизма [Бондарко 2011, 2017, 2017a]. Ряд исследований, развивающих эти идеи, посвящен интеркатегориальным связям таксиса, в частности его взаимодействию с аспектуальностью и темпоральностью, что существенно для анализа комплексной семантики синкретических комплексов [Кудинова 2014, 2015; Оркина 2000]. Важное направление составляют типологические и сопоставительные исследования, выявляющие универсальные и идиоэтнические средства выражения таксисных отношений в языках разного строя, от нивхского до романских и тюркских, что расширяет эмпирическую базу для теоретических обобщений [Недялков 2003; Недялков, Отаина 2017; Донченко 2020; Макаров 2025]. В рамках конкретных языковых систем детально анализируются ключевые грамматические средства актуализации таксиса, особенно нефинитные формы и девербативы, которые выступают основными проводниками синкретических значений [Архипова 2023; Ивонина 2024; Коцкова 2019; Снигирева 2013].

Методология исследования

Эмпирическим материалом послужили высказывания немецкого языка, отобранные методом направленной выборки из Лейпцигского корпуса (LC) и Электронного словаря немецкого языка (DWDS).

В работе применяется комплекс лингвистических методов, включая трансформационный анализ, контекстуальный анализ и метод семантической интерпретации и обобщения.

Результаты и дискуссия

Формирование таксисных синкретов является классическим примером процесса грамматикализации, идущего по пути семантической абстракции и функционального переосмысления. Исходной точкой для большинства участвующих в их образовании предлогов служат пространственные значения. Так, предлог *bei* (др.-в.-нем. *bī*, «у, около») эволюционировал от значения локальной смежности к значению временной сопутственности, а затем — к выражению гипотетического условия. Предлог *durch* развил инструментальное и каузальное значения. Этот метафорический перенос «пространство > время > логическая связь» создает основу для синкретизма: предлог, сохраняя следы исходной семантики, начинает выступать оператором, устанавливающим тип связи между пропозициями, номинализованными в форме девербатива. Ключевым структурным компонентом синкрета является девербатив — отглагольное имя, сохраняющее процессуальную семантику и валентностный потенциал исходного глагола. Сочетание «предлог + девербатив» образует компактную пропозициональную единицу, которая встраивается в главную пропозицию в качестве обстоятельного детерминанта. При этом возникает семантический эффект «свернутого придаточного предложения». Например, конструкция *aufgrund seiner Weigerung* семантически эквивалентна придаточному причины *weil er sich weigerte*, но отличается большей компрессией и формальной строгостью.

В основе типологии синкретов лежит доминирующее значение логической обусловленности, которое коррелирует с конкретным типом таксисной семантики — отношением одновременности либо предшествования.

Кондиционально-таксисный синкрет маркируется предлогами *bei*, *unter*. Ядерная семантика — гипотетическая или обобщенно-временная одновременность, переосмысляемая как условие. Временной компонент «в момент X» трансформируется в логический «если имеет место X». Синкретизм проявляется в том, что ситуация, выраженная девербативом, мыслится и как временной фон, и как

обязательное предварительное условие для реализации главного действия. Гипотетичность может варьироваться в зависимости от контекста: от реального условия в инструкциях до потенциального в научной гипотезе.

Рассмотрим следующие примеры.

(1) *Natriumnitrit löst sich in Wasser unter starker Abkühlung* (DWDS). — *Нитрит натрия растворяется в воде при сильном охлаждении (сопровождаясь сильным охлаждением).*

(2) *Beim Beobachten mit Boxchronometern, die fast durchgängig halbe, selten ganze Sekunden schlagen, empfiehlt es sich, kurz vor Eintritt der wahrzunehmenden Erscheinung jedesmal den Sekundenzeiger abzulesen, die vollen Sekundenschläge mitzuzählen und den meist zwischen zwei Sekundenschläge fallenden Moment der Messung nach dem Gehör in Bruchteilen der Sekunde zu schätzen* (DWDS). — *При наблюдении с помощью боксхронометров, которые отбивают почти исключительно полсекунды, редко целые секунды, рекомендуется непосредственно перед наступлением наблюдаемого явления каждый раз считывать показания секундной стрелки, отсчитывать полные удары секунд и оценивать на слух, в долях секунды, момент измерения, обычно приходящийся на промежуток между двумя секундными ударами.*

(3) *Beim Lesen des Buches empfindet man dies alles noch mehr als von der Bühne her* (DWDS). — *При чтении книги все это ощущается еще сильнее, чем (при восприятии) со сцены.*

Рассмотрим предложенные примеры, каждый из которых демонстрирует специфические модификации кондиционально-таксисного синкретизма. Пример (1) с предлогом *unter*, представляет собой канонический случай обобщенно-временной одновременности, переосмысленной как универсальное условие в научном контексте. Временной компонент («в процессе сильного охлаждения») неотделим от логического условия («если осуществляется сильное охлаждение»), при этом синкретизм проявляется в полном слиянии фонового процесса и обязательного предварительного физико-химического условия для реализации главного действия (растворения). Гипотетичность здесь носит потенциальный и регулярный характер, описывая не единичный акт, а закономерную связь явлений, где ситуация, выраженная девербативом (*Abkühlung*), является одновременно и временным контекстом, и каузально-необходимым фактором. Пример (2) с предлогом *bei* иллюстрирует синкретизм в сфере методологического предписания. Ситуация девербатива (*Beobachten*) мыслится как временной фон для серии конкретных технических действий, но одновременно и как строгое процедурное условие, при котором данные действия имеют смысл и эффективность. Временной план («в ходе наблюдения») трансформируется

в логическое условие-инструкцию («если/когда ведется наблюдение с помощью данных приборов, то необходимо...»). Гипотетичность здесь является реальной и императивной, характерной для текстов типа инструкций и руководств, где условный компонент предстает как предпосылка для корректного выполнения действия, при этом сам акт наблюдения конституирует собой и временной отрезок, и контекстуальную рамку для всех последующих операций. Пример (3) с предлогом *bei* раскрывает синкретизм в субъективно-перцептивной сфере. Ситуация чтения (*Lesen*) представлена как «временной контейнер» для возникновения определенного эмоционально-оценочного переживания, но одновременно и как необходимое условие для этого переживания. Логический компонент («если читаешь книгу») неотделим от временного («в процессе чтения»), создавая эффект непосредственной и обязательной обусловленности внутреннего состояния внешним процессом. Гипотетичность здесь носит реальный характер, подчеркивая, что девербатив (*Lesen*) задает не только хронологические, но и качественные рамки для состояния, выраженного в главной клаузе. Таким образом, вариативность реализации синкретизма простирается от описания объективных физических закономерностей и процедурных инструкций до фиксации методологических установок и субъективных перцептивных актов, что подтверждает универсальность модели *bei/unter* + девербатив для компактного представления неразрывной связи процессуального фона и логического условия.

Инструментально- и медиально-таксисный синкреты маркируются предлогами *durch*, *mit*. Они синтезируют значение процессуальной одновременности со значением средства/инструмента или формы осуществления. Временной компонент «одновременно с X» сливается с каузально-инструментальным «посредством X».

Представленные ниже примеры иллюстрируют проявление инструментально-таксисного синкретизма, ядром которого является слияние значения инструментальности («посредством X») с темпоральной процессуальностью («действие, осуществляемое в процессе X»). Маркером данного типа отношений в немецком языке преимущественно выступает предлог *durch*, который вводит ситуацию-медиатор, одновременно являющуюся и способом осуществления главного действия, и его внутренним временным контекстом. Ср.:

(4) *In der japanischen Küche werden mit einem sehr scharfen Messer **durch das Drehen in der Hand** lange, sehr dünne Scheiben geschnitten ... (DWDS).* — В японской кухне **при совершении рукой вращательных движений** с помощью очень острого ножа нарезаются длинные, очень тонкие ломтики...

Конструкция *durch das Drehen* представляет собой классический случай инструментально-процессуального синкретизма. Ситуация, выраженная девербативом (*Drehen*), не мыслится как статичный инструмент, а как динамический процесс-операция, который является одновременно: 1) способом (инструментом) (вращение есть метод, обеспечивающий специфический характер нарезания; 2) «временным контейнером»: само действие нарезания развертывается в ходе и посредством этого вращения. Синкретизм заключается в том, что инструментальность концептуализируется не как внешнее орудие (*mit Messer*), а как имманентная процессуальная техника, без которой цель действия недостижима. Это отражает семантику «опосредованного процесса».

(5) ***Durch Ziehen von unten werden spezielle Einstellungen einzelner Apps auf dem Bildschirm sichtbar ... (DWDS).*** — **Посредством подтягивания** снизу на экране становятся видимыми специальные настройки отдельных приложений...

В данном примере, характерном для технических руководств, синкретизм приобретает дополнительный каузативный оттенок. Процесс, обозначенный девербативом (*Ziehen* — *подтягивание*), выступает как: 1) необходимое условие-триггер: действие является непосредственной причиной появления настроек; 2) инструментальный процесс: это конкретное манипулятивное действие, выполняемое пользователем; 3) временной фон: результат проявляется в момент и благодаря совершению этого жеста. Здесь особенно ярко проявляется трансформация темпорального компонента («в момент жеста») в логико-инструментальный («если и когда совершается жест X»). Конструкция компактно кодирует инструкцию, где способ, условие и временной контекст действия даны в нерасчлененном виде.

Итак, инструментально-таксисный синкретизм с маркером *durch* занимает важное место в системе таксисных отношений немецкого языка, заполняя семантическую зону между чистой инструментальностью (*mit*) и чистой каузальностью (*wegen*). Его ядерная функция — представление динамического медиатора, который является не внешним орудием, а внутренним, процессуально развернутым способом осуществления главной ситуации. Этот тип синкретизма высоко продуктивен в дискурсах, описывающих технологии, методики, инструкции и любые регламентированные процедуры, где способ выполнения действия неотделим от его временной развертки и логического условия успеха. Через анализируемую конструкцию язык грамматикализует идею о том, что определенные цели достигаются не просто при помощи чего-либо, а через осуществление конкретного сопутствующего процесса.

Далее рассмотрим два примера, иллюстрирующих функционирование медиально-таксисного синкретизма с маркером *mit*. Данные примеры демонстрируют, как эта конструкция кодирует не просто сопутствующие обстоятельства, а имманентную форму и социальный код действия, синтезируя временную одновременность с семантикой средства или способа проявления. Ср.:

(6) *Zwei essen Wurstsemmeln, einer trinkt Frucade, einer macht sich Notizen in die Hand, ganz vorne sitzen zwei Veteranen, die jeden zweiten Satz des Leinwandbernhard, der einen Stierkampf kommentiert, **mit Nicken und Wohlwollenslauten** quittieren, ich bleibe im Hintergrund und betrachte versonnen eine fast bis zur Decke reichende Schautafel...* (DWDS). — Двое едят сосиски в тесте, один пьет «Фрукд», третий делает заметки, в самом первом ряду сидят два ветерана, которые **одобрительно кивают и приветствуют** каждое второе предложение, произнесенное Бернхардом на экране, комментирующим корриду, а я остаюсь на заднем плане и задумчиво смотрю на табло, которое тянется почти до потолка... (DWDS).

В примере (6) представлен медиально-таксисный синкретизм. Предлог *mit* вводит комплекс средств-реакций (кивки, звуки), которые являются: 1) формой осуществления действия: само глагольное действие (реагирования, «встречи» реплики) материально реализуется посредством этих кивков и звуков; 2) симультанным процессом: эти реакции разворачиваются одновременно с восприятием каждой второй реплики, составляя с ним единый временной континуум; 3) социально-коммуникативным кодом: выбранные медиаторы (*Nicken, Wohlwollenslaute*) не случайны; они представляют собой конвенциональные, узнаваемые в данной культуре знаки согласия и одобрения. Таким образом, синкретизм здесь трехслоен: способ, время и социальный смысл реакции слиты воедино. Ср. также:

(7) *Einige Zuschauer reagieren daraufhin **mit Lachen und Klatschen**, andere bleiben ernst. Das nimmt man **mit Achselzucken** zur Kenntnis — mit garantiert echten Krokodils- und sonstigen Tränen* (DWDS). — Одни зрители реагируют на это **смехом и аплодисментами**, другие остаются серьезными. Это воспринимают, **пожимая плечами**, к сведению — проливая гарантированно подлинные крокодиловы и прочие слезы.

Этот пример представляет собой концентрированное воплощение медиального синкретизма, доведенного до уровня идиоматики и социальной критики. Все конструкции с *mit* (*mit Lachen...*, *mit Achselzucken...*) демонстрируют синтез: 1) процессуальной одновременности: смех совпадает с моментом реакции, пожатие плечами — с моментом восприятия информации; 2) инструментально-экспрессивной формы: данные действия — «медиумы», посредством

которых внутреннее состояние (одобрение, безразличие, лицемерная скорбь) получает внешнее выражение.

Для каузально-таксисного синкрета характерны следующие маркеры — *wegen, aufgrund, infolge, angesichts*. Он объединяет отношение предшествования (или констатирующей одновременности) со значением причины/основания. Временной компонент «после X / на фоне X» интерпретируется как «вследствие X / по причине X». Семантическая дифференциация предлогов причины в немецком языке представляет собой систему, отражающую различные типы каузальных отношений и их прагматическое оформление. *Wegen* маркирует непосредственный повод или мотив, зачастую наделенный субъективной оценкой и актуальный в бытовом или оценочном дискурсе. *Aufgrund* указывает на объективное, логическое или формальное основание, характерное для научного, юридического и административного регистров, подчеркивая рациональную обусловленность. *Infolge* акцентирует объективное и, как правило, неизбежное следствие, возникающее в результате динамического процесса или события, часто с негативной коннотацией. *Angesichts* вводит причину как контекстуальную данность или внешние обстоятельства, на фоне которых принимается решение или формируется оценка, смещая фокус на реакцию субъекта. Итак, выбор предлога осуществляется не только на основе логического типа причинно-следственной связи, но и с учетом стилистического регистра и прагматической установки говорящего.

(9) *Wegen der Warnung der WHO setzten viele Firmen wie BMW und Adidas ihre Geschäftsreisen nach Asien aus* (DWDS). — **В связи с предупреждением ВОЗ** многие компании, такие как BMW и Adidas, откладывают свои деловые поездки в Азию.

(10) *Aufgrund der Auswertung der Verkehrsunfallstatistiken wurde in vielen Polizeidienststellen Niedersachsens das „Fahrschulprojekt“ initiiert* (DWDS). — **На основе анализа статистики дорожно-транспортных происшествий** во многих полицейских участках Нижней Саксонии был инициирован проект «автошколы».

(11) *Infolge der Ablehnung der Ratifikation der Londoner Seerechtsdeklaration durch das Oberhaus unterblieben die Ratifikation in weiteren Staaten* (DWDS). — **В результате отклонения Палатой лордов ратификации Лондонской декларации по морскому праву** ратификация в других государствах не состоялась.

(12) *Katharina II. von Russland war angesichts der Verabschiedung der Verfassung außer sich...* (DWDS). — **Екатерина II Российская была в ярости от принятия конституции ...**

Проведенный анализ примеров (9–12) демонстрирует функционирование каузально-таксисного синкретизма и подтверждает си-

темную семантико-прагматическую дифференциацию предлогов-маркеров данной связи. Во всех случаях конструкция «предлог + девербатив» актуализирует комплексное значение, в котором таксисное отношение предшествования или констатирующей одно-временности неразрывно синтезируется с логическим значением причины, формируя единый синкретический комплекс. Пример (9) с маркером *wegen* является канонической иллюстрацией синкретизма, где предлог акцентирует непосредственный внешний повод или мотив, наделенный субъективной значимостью. Таксисный компонент предшествования ситуации (*Warnung*) главному действию немедленно переосмысливается в логическую связь, окрашенную восприятием данного повода как побудительной причины, что характерно для оценочного или новостного дискурса. В отличие от этого, пример (10) с предлогом *aufgrund* репрезентирует синкретизм, типичный для формального, рационального регистра. Предлог маркирует объективное, документально подтвержденное основание. Предшествующая ситуация осмысливается здесь не просто как временной антицедент, а как необходимая и достаточная аналитическая предпосылка, придающая главному действию характер обоснованного и планомерного акта. Пример (11) с маркером *infolge* иллюстрирует синкретизм, акцентирующий объективную, часто нежелательную цепь событий. Предлог *infolge* подчеркивает значение непосредственного и почти неизбежного следствия, возникающего как результат динамического процесса. Временная связь трансформируется в данном контексте в каузальную связь необратимого воздействия, где первое событие запускает естественный или логически предопределенный ход вещей, нередко с негативной коннотацией. Наконец, пример (12) с предлогом *angesichts* демонстрирует особый тип синкретизма, где каузальность вытекает из констатации факта как данности. Данный маркер вводит причину как контекстуальное обстоятельство, побудительный стимул для субъективной реакции (оценки, решения, эмоции). Фокус смещается с объективной причинно-следственной цепи на внутреннее состояние субъекта, обусловленное внешним фактом, при этом таксисный компонент чаще выражает отношение фоновой одновременности или непосредственного предшествования.

Таким образом, каузально-таксисные синкреты в немецком языке образуют градуированную систему. Выбор конкретного предлога-маркера осуществляется по трем взаимосвязанным параметрам: тип каузальной связи (повод, основание, следствие, контекстный стимул), прагматическая установка говорящего (субъективная оценка, объективная констатация, указание на результат) и стилистический регистр. Темпоральная связь служит когнитивной

основой, на которой строится разнообразная логико-прагматическая модальность причинно-следственных отношений, что подтверждает конститутивный характер синкретизма для периферии функционально-семантического поля таксиса.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что явление таксисного синкретизма в современном немецком языке носит системный и конститутивный характер для периферии соответствующего функционально-семантического поля. Как показал анализ, ключевым механизмом его реализации является грамматикализованная модель «полисемантический предлог + девербатив», представляющая собой компактный и высокопродуктивный способ номинации сложной пропозициональной связи.

В результате исследования достигнуты следующие основные результаты:

1. Установлено, что ядерные таксисные значения (прежде всего, одновременность и предшествование) не актуализируются изолированно, а закономерно вступают в синтез со значениями логической обусловленности, образуя интегративные семантические комплексы.

2. На основе репрезентативного эмпирического материала выявлена и описана типология синкретических комплексов: кондиционально-таксисные (*bei, unter*), инструментально-/медиадно-таксисные (*durch, mit*) и каузально-таксисные (*wegen, aufgrund, infolge, angesichts*)

3. Определено, что семантика конкретного синкрета детерминруется взаимодействием нескольких факторов: радиальной полисемией предлога-оператора, процессуальной семантикой девербатива, а также лексико-грамматическим и дискурсивно-прагматическим контекстом. Выбор конкретной модели (например, *durch* vs *mit* для выражения инструментальности) регулируется необходимостью акцентировать динамический процесс-способ.

Описанные языковые явления (таксисные синкреты) характеризуются четкой прикрепленностью к определенному типу текста и не являются универсальными для всех разновидностей дискурса. В связи с этим представляется перспективным расширение анализа в направлении дискурсивно-прагматического контекста, что позволило бы вывести исследование на качественно иной уровень обобщения.

Таким образом, проведенное исследование вносит конкретный вклад в теорию функциональной грамматики, уточняя существующие модели полицентрического взаимодействия семантических полей таксиса, обусловленности и инструментальности. Перспекти-

вы дальнейшего изучения проблемы видятся в проведении сопоставительно-типологического анализа аналогичных синкретических моделей в разносистемных языках, а также в углубленном исследовании дискурсивно-стилистической специализации выявленных типов синкретов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипова И.В.* Немецкие девербативы: от таксисных функций к их актуализации // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 4. С. 82–93.
2. *Бондарко А.В.* Категоризация в системе грамматики. М., 2011. 488 с.
3. *Бондарко А.В.* Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М., 2017. 336 с.
4. *Бондарко А.В.* Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М., 2017а. С. 234–242.
5. *Донченко Е.В.* Категория таксиса и анализ аспектуально-таксисных ситуаций с атрибутивным придаточным во французском языке // Гуманитарные исследования, 2020. № 4 (76), С. 45–51.
6. *Ивонина М.Ю.* Нефинитные глагольные формы как способ актуализации таксиса в романских языках // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 75–82.
7. *Коцкова Я.* Неличные формы глагола как средства выражения таксиса в русском и чешском языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 3. № 15. С. 87–110.
8. *Кудинова Н.Л.* Взаимодействие категорий таксиса и аспектуальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10–2 (52). С. 115–117.
9. *Кудинова Н.Л.* Взаимодействие категорий таксиса и темпоральности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12–2 (42). С. 95–98.
10. *Макаров И.М.* Причастия прошедшего времени на -ган как средство выражения таксиса (на материале татарского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 2. С. 460–464.
11. *Милютин М.Г., Чиркова Н.И.* Имплицитные формы выражения времени в поэзии Б.А. Ахмадулиной (на примере конструкций с инфинитивом) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1–1 (43). С. 115–118.
12. *Недялков В.П., Отаина Т.А.* Типологические и сопоставительные аспекты зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М., 2017. С. 296–319.
13. *Недялков И.В.* Зависимый таксис в разноструктурных языках: значения одновременности / предшествования / следования // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/ вариативность. СПб., 2003. С. 156–173.
14. *Нематуллоева М.* ССП как конститuent ФСП независимого таксиса // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (29). С. 79–85.
15. *Нуртазина М.Б.* Семантический потенциал таксиса при реализации идеи времени // Вестник Казахского национального университета. Серия филологическая. 2010. № 4–5 (128–129). С. 127–129.

16. Оркина Л.Н. Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с семантикой обусловленности в современном русском языке: дис. ... д. филол. н. СПб, 2000. 389 с.
17. Полянский С.М. О категории таксиса и путях ее исследования (На материале немецкого языка) // Функционально-семантические отношения в лексике и грамматике: Межвуз. сб. науч. тр. / Новосибирск. гос. пед. ин-т; редкол.: С.М. Полянский (отв. ред.) и др. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1991. С. 3–18.
18. Снигирева О.М. Таксисные значения причастных форм немецкого языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 3. С. 188–191.
19. Тирадо Р.Г. О категории таксиса в русском и испанском языках // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1. С. 90–94.
20. Урсул К.В. Категория таксиса в структуре современного испанского языка // Вестник университета Российской академии образования. 2015. № 1. С. 30–34.

REFERENCES

1. Arkhipova I.V. Nemetskie deverbativy: ot taksisnykh funktsii k ikh aktualizatsii [German deverbatives: from taxis functions to their actualization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9: Philology], 2023, no. 4, pp. 82–93. (In Russ.)
2. Arkhipova I.V. Sistemno-yazykovye i konkretno-rechevye svyazi v sfere taksisa [System-linguistic and concrete-speech connections in the sphere of taxis]. *Neofilologiya* [Neophilology], 2023, vol. 9, no. 1, pp. 89–96. (In Russ.)
3. Bondarko A.V. *Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki*. [Verb categories in the system of functional grammar]. 2-e izd. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2017. 336 p. (In Russ.)
4. Bondarko A.V. *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki* [Categorization in the system of grammar]. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur Moscow, 2011. 488 p. (In Russ.)
5. Bondarko A.V. Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa [General characteristics of the semantics and structure of the taxonomy]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Theory of functional grammar: Introduction, specificity, temporal localization, taxis]. Izd. 7-e. M.: LENAND, 2017, pp. 234–242. (In Russ.)
6. Donchenko E.V. Kategoriya taksisa i analiz aspektual'no-taksisnykh situatsii s atributivnym pridatochnym vo frantsuzskom yazyke [The category of tax and the analysis of special-tax situations with an attributive clause in French]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian studies]. 2020, no. 4 (76), pp. 45–51. (In Russ.)
7. Ivonina M.Yu. Nefinitnye glagol'nye formy kak sposob aktualizatsii taksisa v romanskikh yazykakh [Non-finite verb forms as a way to actualize tax in Romance languages]. *Evrasiiskii humanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2024, no. 2, pp. 75–82. (In Russ.)
8. Kotskova Ya. Nelichnye formy glagola kak sredstva vyrazheniya taksisa v russkom i cheshskom yazykakh [Non-verbal Forms as Means of Expressing Taxes in the Russian and Czech Languages]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research]. 2019, no. 15 (3), pp. 87–110. (In Russ.)
9. Kudina N.L. Vzaimodeistvie kategorii taksisa i aspektual'nosti [Interaction between the category of taxis and specificity]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*

- [Philological sciences. Issues of theory and practice]. 2015, no. 10–2(52), pp. 115–117. (In Russ.)
10. Kudinova N.L. Vzaimodeistvie kategorii taksisa i temporal'nosti [The Interaction of the Category of Taxes and Temporality]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice]. 2014, no. 12–2(42), pp. 95–98. (In Russ.)
 11. Makarov I.M. Prichastiya proshedshego vremeni na -gan kak sredstvo vyrazheniya taksisa (na materiale tatarskogo yazyka) [Past participles in -gan as a means of expressing tax (based on the Tatar language)]//*Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. 2025, no. 2 (18), pp. 460–464. (In Russ.)
 12. Nedyalkov I. V. Zavisimyye taksisy v raznostrukturnykh yazykakh: znacheniya odnovremennosti / predshestvovaniya / sledovaniya [Taxis dependencies in languages with different structures: the meanings of simultaneity/precedence/succession]. *Problemy funktsional'noi grammatiki: Semanticheskaya invariantnost' / variativnost'* [Problems of functional grammar: Semantic invariance/variability]. Spb.: Izd-vo «Nauka», 2003, pp. 156–173. (In Russ.)
 13. Nedyalkov V. P., Otaina T. A. Tipologicheskie i sopostavitel'nye aspekty zavisimogo taksisa (na materiale nivkhskego yazyka v sopostavlenii s russkim) [Typological and comparative aspects of dependent taxation (based on the Nivkh language in comparison with Russian)]. *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Theory of functional grammar: Introduction, specificity, temporal localization, taxis]. Izd. 7-e. M.: LENAND, 2017, pp. 296–319. (In Russ.)
 14. Nematulloeva M. SSP kak konstituent FSP nezavisimogo taksisa [SSP as a constituent of FSP of an independent taxis]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of the Khujand State University named after academician B. Gafurov. Humanitarian sciences]. 2012, no. 1 (29), pp. 79–85. (In Russ.)
 15. Nurtazina M.B. Semanticheskii potentsial taksisa pri realizatsii idei vremeni [Semantic potential of tax in the implementation of the idea of time]. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filologicheskaya* [Bulletin of the Kazakh National University. Philological series]. 2010, no. 4–5, pp. 127–129. (In Russ.)
 16. Orkina L.N. *Aspektual'no-temporal'naya kharakteristika vyskazyvaniy s semantikoi obuslovlennosti v sovremennom russkom yazyke*: dis. ...d. filol. n. [aspectual-temporal characteristics of utterances with the semantics of conditionality in the modern Russian language: dis. ... doctor of philology]. SPb, 2000. 389 p. (In Russ.)
 17. Polyanskii S.M. O kategorii taksisa i putyakh ee issledovaniya (Na materiale nemetskogo yazyka) [On the category of tax and ways of its study (Based on the German language)]. *Funktsional'no-semanticheskie otnosheniya v leksike i grammatike*: [Functional-semantic relations in vocabulary and grammar]: Mezhev. sb. nauch. tr. [Interuniversity collection of scientific papers] / Novosibirsk. gos. ped. in-t; redkol.: C.M. Polyanskii (otv. red.) i dr. Novosibirsk: Izd-vo «Novosibirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet», 1991, pp. 3–18. (In Russ.)
 18. Snigireva O.M. Taksisnye znacheniya prichastnykh form nemetskogo yazyka [Taxis Meanings of Participial Forms in the German Language]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafev]. 2013, no. 3, pp. 188–191. (In Russ.)
 19. Tirado R. G. O kategorii taksisa v russkom i ispanskome yazykakh [On the category of tax in the Russian and Spanish languages]. *Aktual'nye problemy filologii i peda-*

- gogicheskoi lingvistiki*. [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2016, no. 1, pp. 90–94. (In Russ.)
20. Ursul K. V. Kategoriya taksisa v strukture sovremennogo ispanskogo yazyka [The category of tax in the structure of the modern Spanish language]. *Vestnik universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya* [Bulletin of the University of the Russian Academy of Education]. 2015, no. 1, pp. 30–34. (In Russ.)

Поступила в редакцию: 28.12.2025

Отредактирована: 15.01.2026

Принята к публикации: 30.01.2026

Received: 28.12.2025

Revised: 15.01.2026

Accepted: 30.01.2026

ОБ АВТОРЕ

Ирина Викторовна Архипова — д.ф.н., доцент, профессор кафедры романо-германских языков факультета иностранных языков НГПУ; irarch@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Arkhipova — Doctor in Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Languages, Faculty of Foreign Languages, NSPU;
irarch@yandex.ru

СТАТЬИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЩИТ ГАННИБАЛА В ПОЭМЕ «ПУНИКА» СИЛИЯ ИТАЛИКА (SIL. II 395–452)

И.Р. Гимадеев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Лаборатория междисциплинарного анализа социума, культуры и истории
Московского физико-технического института (МАСКИ МФТИ),
Москва, Россия; eliasgimad@mail.ru*

Аннотация: В статье подробно рассматривается вставной сюжет в поэме Силия Италика «Пуника» (Sil. II 395–452). Этот сюжет представляет собой описание щита Ганнибала (экфрасис), на котором мастера из Испании, славившиеся своим ювелирным искусством, изобразили историю Пунических войн от самых истоков, то есть от прибытия Дидоны из Тира и строительства Карфагена. На щите изображена картина встречи Дидоны и Энея, потерпевшего кораблекрушение, за которой следует знаменитая по четвертой книге Вергилия сцена в пещере, а затем отплытие троянского героя и угрозы гибнущей царицы будущему Риму. Сцена резко сменяется образом молодого Ганнибала, который совершает возлияние кровью подземным богам, грозя потомкам Энея. На другой стороне щита Силий показал события Пунической войны: отряд спартанца Ксантиппа, ставшего военачальником Карфагена, суровую смерть Регула, должную послужить примером верности защитникам Сагунта, а после буколических картин, помещенных на щите в дань традиции, чтобы показать контраст между войной и миром, осаду Сагунта. На последней картине Ганнибал в нарушение договора переходит Ибер, призывая пунийцев на бой. В статье экфрасис Силия сопоставлен с изображением щита Ахилла Гомером (Hom. II. XVIII 478–609) и щита Энея Вергилием (Verg. Aen. VIII 626–728). Автор приходит к выводу, что экфрасис Силия никак прямо не связан с другими описаниями, но приведен в сложившейся традиции изображения драгоценного оружия в эпосе. У Силия полностью отсутствуют космологические мотивы, явные у Гомера, или политический подтекст, который очевиден в описании Вергилия. Силий Италик хотел показать, как конфликт между Энеем и Дидоной повлиял на будущее двух народов.

Ключевые слова: Силий Италик; щит Ганнибала; экфрасис; изображение щита; Пуника

Финансирование: Работа подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда «Пуника» Силия Италика: перевод, исторические реалии, рецепция» (проект № 24-18-00445), реализуемого в Московском физико-техническом институте (национальный исследовательский университет).

Для цитирования: Гимадеев И.Р. Щит Ганнибала в поэме Силия Италика (Sil. II 395–452) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 113–123.

HANNIBAL'S SHIELD IN THE POEM OF SILIUS ITALICUS (SIL. II 395–452)

Elias R. Gimadeev

Lomonosov Moscow State University; Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow, Russia; eliasgimad@mail.ru

Abstract: This article examines in detail an inserted scene in Silius Italicus's poem *Punica* (Sil. II 395–452). This scene depicts a description of Hannibal's shield (ekphrasis), on which Spanish artisans, renowned for their goldsmithing, depicted the history of the Punic Wars from their very origins, that is, from Dido's arrival from Tyre to the founding of Carthage. The shield depicts the meeting of Dido and the shipwrecked Aeneas, followed by the famous cave scene from Virgil's fourth book, and then the departure of the Trojan hero and the dying queen's threats to the future of Rome. The scene abruptly shifts to the image of a young Hannibal offering a blood libation to the underworld gods, threatening the descendants of Aeneas. On the other side of the shield, Silius depicts events from the Punic War: the detachment of the Spartan Xanthippus, who became the general of Carthage; the brutal death of Regulus, intended to serve as an example of loyalty to the defenders of Saguntum; and, following bucolic scenes placed on the shield in keeping with tradition, to illustrate the contrast between war and peace, the siege of Saguntum. In the final scene, Hannibal, in violation of the treaty, crosses Iberus, calling the Punicus to battle. The article compares Silius's ekphrasis with Homer's depiction of Achilles' shield (Hom. Il. XVIII 478–609) and Virgil's depiction of Aeneas' shield (Verg. Aen. VIII 626–728). The author concludes that Silius's ekphrasis is not directly connected to the other descriptions, but is included within the established tradition of depicting precious weapons in epic poetry. Silius completely lacks the cosmological motifs evident in Homer or the political subtext evident in Virgil's account. Silius Italicus wanted to show how the conflict between Aeneas and Dido affected the future of the two peoples.

Keywords: Silius Italicus; shield of Hannibal; ekphrasis; image of a shield; *Punica*

Funding: The research was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation "Punica by Silius Italicus: Translation, Historical Realities, Reception" (project No. 24-18-00445), implemented at the Moscow Institute of Physics and Technology (national research university).

For citation: Gimadeev E.R. (2026) Hannibal's Shield in the Poem of Silius Italicus (Sil. II 395–452). *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 113–123.

Д. Весси отмечал, что во времена Силия Италика обычными для латинского эпоса стали небольшие вставные сюжеты (особенно этиологического характера: Verg. Aen. VIII 185–275: о Геркулесе и Каке, Luc. IV 493–660: встреча Геракла и Антея, Stat. Theb.: Лин и Кореб) [Vessey, 1973: 240]. Одни сюжеты могли быть придуманы самим Силием. К примеру, Дж. Никол доказывает, что миф о крестьянине Фалерне [Gimadeev 2025: 488] придуман самим Силием на основании схожих историй об афинянине Икарии и Энее (Ойнее), царе Калидона [Nicol 1936: 11–12]. Другие сюжеты основаны на предшествующей традиции. Вслед за гомеровским описанием щита Ахилла, описанием щита Геракла Псевдо-Гесиода и щита Энея Вергилием появляется ἔκφρασις Силия Италика.

В «Пунике» народы океана, под которыми следует понимать племена, населявшие Испанию — край света для римлян [Lyubzhin, Podossinov, Zaytsev, Markelov 2025: 259], — приносят Ганнибалу в дар щит, блистающий свирепым блеском (Sil. II 395 сл.: *Ecce autem clipeum saeulo fulgore micantem / Oceani gentes ductori dona ferebant*). Щит был искусной работой каллецейской земли (Sil. II 397: *Callaicae telluris opus*), Галисии, испанской области, славившейся ювелирным искусством [Lyubzhin, Podossinov, Zaytsev, Markelov 2025: 259]. Кроме щита (*clipeus*), Ганнибала защищает шлем (*galea*), лорика, судя по описанию *hamata*, то есть кольчуга (Sil. II 401 сл.: *praeterea textam nodis auroque trilicem / loricam, nulli tegimen penetrabile telo*); вооружен он мечом (*ensis*) и копьем (*hasta*). Все оружие выковано из меди, прочного булата и обито богатствами Тара (Sil. II 403 сл.: *aere et duri chalybis perfecta metallo / atque opibus perfusa Tagi*), то есть оно позолочено, так как в реке Таг, протекающей в Испании (совр. Тахо) и в Португалии (совр. Тежу), добывали золото [Lyubzhin, Podossinov, Zaytsev, Markelov 2025: 259]. Как дарение щита Фетидой Ахиллу и Венерой Энею знаменует поворотный момент в их судьбе, так и Ганнибал теперь готов взять на себя судьбоносную роль в истории [Vessey 1975: 391–392].

С 406-й строки начинается описание изображения на щите. Вслед за Д. Весси весь сюжет можно разделить на четыре неравные части: 1) изображение правой стороны щита (405–431); 2) левой (432–445); 3) Сагунта, которое, вероятно, покрывало центральную часть щита, то есть умбон (446–449); 4) изображение по периметру щита (449–452), где показано, как Ганнибал переправляется через Ибер [Vessey 1975: 392].

Итак, сперва описывается правая сторона щита, как мы понимаем из последующего текста, потому что в 432-й строке автор прямо указывает уже на его левую сторону (Sil. II 432 сл.: *Necnon et laeuum clipei latus aspera signis / implebat Spartana cohors*).

Сам ἔκφρασις начинается с основания Дидоной первых твердынь Карфагена. Здесь возможна ἐναλλαγή (Sil. II 406: *Condebat primae Dido Carthaginiis arces*), так как сочетание *primae Carthaginiis* «первого Карфагена» хотя и вполне ясно, но естественнее логически отнести *primae* к *arces*. Силий отождествляет настоящее с прошлым, прослеживая историю пунических войн вплоть до истоков, которые сделали это столкновение двух цивилизаций неизбежным. Мифологическая этиология конфликта лежит в основе философских и исторических взглядов Силия в Пунике. Для поэта была важна доктрина предопределения и бесконечной причинно-следственной связи, фундаментальные для стоицизма, которого он придерживался. Самой своей смертью Силий воплотил стоический идеал в жизнь (Plin. ep. III 7: Силий Италик страдал от опухоли и довел себя голодом до смерти в 75 лет, сохраняя бодрое расположение духа, *beatus et felix*, до самой кончины) [Vessey 1975: 392]. На щите мы наблюдаем, как юноши вытаскивают на берег корабли, прибывшие из Тира, и приступают к работе (Sil. II 407: *instabatque operi subducta classe iuventus*): одни строят дамбы в гавани, другие — дома. Здесь упоминается сподвижник Дидоны Битий, которого упоминает Вергилий на пиру царицы с Энеем. В конце пира Дидона приказывает принести чашу с вином и, пригубив, передает ее в первую очередь Битию, который осушает ее до дна (Verg. Aen. I 738 сл.: *tum Bitiae dedit increpitans; ille impiger hausit / spumantem pateram et pleno se proluit auro*). Само описание строительства Карфагена гораздо подробнее представлено у Вергилия (Verg. Aen. I. 421–440): здесь строят дома, толпа идет по мощеным улицам, тирийцы возводят стены, углубляют порт, закладывают фундамент для театра, вырезают из скал колонны для украшения будущей сцены.

Далее следует изображение того, как под дружные одобрительные крики выставляют на всеобщее обозрение череп боевого коня (Sil. II 410 сл.: *ostentant caput effossa tellure repertum / bellatoris equi atque omen clamore salutant*). Силий явно отсылает нас к месту в Энеиде (Verg. Aen. I 443–445: *tum effodere loco signum, quod regia Iuno / monstrarat, caput acris equi; sic nam fore bello / egregiam et facilem victu per saecula gentem*), где пунийцы также извлекают из земли голову резвого коня. Вергилий прямо объясняет эту находку как знак того, что карфагеняне будут многие годы непобедимы и не будут испытывать нужды. Из приведенного отрывка ясно, что Силий не стремится в точности подражать Вергилию. Изображение же лошади можно наблюдать на монетах из Карфагена, Сицилии и с юга Италии [Zograf 1951: таб. XIX]. Голова боевого коня (*bellator equus*), ставшая символом Карфагена, свидетельствует о военной мощи, которой будет обладать пока еще молодой город. В будущем Ганни-

бал обрушит эту силу на Италию. Найденная голова также может символизировать Троянского коня. В таком случае карфагеняне выступают преемниками греков и будущими врагами Новой Трои, но в случае с ними предзнаменование победы предвещает также и их окончательное поражение [Vessey 1975: 394].

Следующая картина описывает Энея, оставшегося после бури без флота и спутников, на которого дружественно взирает несчастная царица (Sil. II 412 слл.: *has inter species orbatum classe suisque / Aenean pulsum pelago dextraque precantem / cernere erat: fronte hunc auide regina serena / infelix ac iam uultu spectabat amico*). У Вергилия к Дидоне, напротив, сперва обращается Илионей с дарданцами (Verg. Aen. I 520 слл.), рассказывая ей о застигшей их буре, во время которой они потеряли Энея. Уже после благосклонного ответа Дидоны (Verg. Aen. I 561 слл.) Эней чудесным образом появляется из облака и предстает перед народом (Verg. Aen. I 586 слл.). Силий не выносит суждения о том, виновата ли Дидона или Эней, но следует отметить, что Эней здесь показан в одиночестве и без флота [Vessey 1975: 395].

В другой сцене мы видим пещеру, куда спрятались Дидона и Эней от дождя на охоте, и тайный союз влюбленных (Sil. II 416 слл.: *hinc et speluncam furtiuoque foedera amantum / Callaicae fecere manus: it clamor ad auras / latratusque canum, subitoque exterrita nimbo / occultant alae uenantum corpora siluis*). Вергилий изобразил ту же сцену уже в IV книге. Дидона и троянский вождь спускаются в пещеру, богиня Земля и Юнона, покровительница браков, дают знак: эфир, свидетель союза, сверкнул молниями, а нимфы огласили округу воплями с вершины горы (Verg. Aen. IV 165 слл.: *speluncam Dido dux et Troianus eandem / deveniunt. prima et Tellus et pronuba Iuno / dant signum; fulsere ignes et conscius Aether / conubiis, summoque ulularunt vertice Nymphae*). Последней сценой мифа об Энее и Дидоне, изображенной на щите, является сцена отплытия Энея со спутниками. Элисса, таким именем звали Дидону пунийцы, тщетно призывает его, но в итоге она стоит на вершине огромного костра, предвещая месть и войну с будущим Римом, а Эней уплывает, подняв паруса навстречу великой судьбе. У Вергилия эти центральные события поэмы, бегство Энея (Verg. Aen. IV. 304–449) и смерть царицы (Verg. Aen. IV 474–692), описаны, разумеется, подробнейшим образом. Последняя сцена, изображенная на правой стороне щита, показывает молодого Ганнибала, который молится пред алтарем хтоническим богам, совершая возлияние кровью и грозя потомкам Энея (Sil. II 426 слл.: *parte alia supplex infernis Hannibal aris / arcanum Stygia libat cum uate cruorem / et primo bella Aeneadum iurabat ab aeuo*). А старый Гамилькар, отец пунийского военачальника, предается ликованию на Сицилии. Его изображение выглядит на щите таким

живым, что от него захватывает дух (Sil. II 429 слл.: *at senior Siculis exultat Hamilcar in aruis: / spirantem credas certamina anhela mouere, / ardor inest oculis, toruumque minatur imago*). Гамилькар Барка предводительствовал войсками и флотом Карфагена во время Первой пунической войны с 247 по 241 гг. на Сицилии. В итоге хотя Карфаген и потерял остров, но Гамилькар, показав себя искусным дипломатом, сумел в сложной для себя обстановке добиться достаточно выгодного мирного соглашения.

На этом заканчивается описание правой стороны щита, и поэт переходит к левой стороне. Здесь изображен спартанский отряд под началом Ксантиппа из спартанского города Амиклы, где когда-то обитал Тиндарей и его супруга Леда. Ксантипп воевал наемником на стороне пунийцев, став на некоторое время во главе армии Карфагена (Sil. II 432 слл.: *Necnon et laeuum clipei latus aspera signis / implebat Spartana cohors; hanc ducit ouantem / Ledaieis ueniens uictor Xanthippus Amyclis*). Спарта, как Микены и Агрос, находится на Пелопоннесе, поэтому Ксантипп и спартанцы могут напомнить об Агамемноне и его войске, а значит, являются союзниками карфагенян. Даже смерть Ксантиппа, который, видимо, был вероломно убит карфагенянами, и Агамемнона похожи [Vessey 1975: 402]. Рядом изображен знаменитый Марк Атилий Регул, консул 267 г., образец римской *virtus* (Cic. off. III 99–115), который, потерпев при Тунете поражение от Ксантиппа, был пленен, а потом, отправленный в Рим, отказался вести переговоры, за что был казнен. На щите представлена скорбная картина его казни, которая должна дать пример верности осажденному Сагунту (Sil. II 435 сл.: *iuxta triste decus pendet sub imagine poenae / Regulus et fidei dat magna exempla Sagunto*). Мрачную картину войны разбавляют чеканные сцены охоты с радостными буколическими мотивами: вереницы зверей, шатры, «сестра черного мавра» гладит ручных львиц, пастух с копьем, верной лайкой, кремнем и дудочкой (Verg. Georg. III 339–348) (Sil. II 437 слл.: *laetior at circa facies: agitata ferarum / agmina uenatu et caelata mapalia fulgent, / nec procul usta cutem nigri soror horrida Mauri / ad-suetas mulcet patrio sermone leaenas. / it liber campi pastor, cui fine sine ullo / inuetitum saltus penetrat pecus: omnia Poenum / armenti uigilem patrio de more secuntur, / gaesaque latratorque Cydon tectumque focique / in silicis uenis et fistula nota iuuencis*). Картины сельского быта мгновенно сменяются изображением Сагунта на высоком холме в окружении ратей, потрясающих копьями. А по самому краю щита была отчеканена река Ибер, которая разделяла владения Карфагена и Рима в Испании (Polyb. II. 13. 7). (Sil. II 446 слл.: *eminet excelso consurgens colle Saguntos, / quam circa immensi populi condensaque cingunt / agmina certantum pulsantque trementibus hastis. / extrema clipei stagnabat*

Hiberus in ora, / curuatis claudens ingentem flexibus orbem). Подобные изображения рек по кругу щита можно встретить в изображении щита Ахилла, где изображена река Океан (Hom. Il. XVIII 608–608), Океан также окаймляет щит Геракла у Псевдо-Гесиода (Scut. 314–315) [Lyubzhin, Podossinov, Zaytsev, Markelov 2025: 261].

Завершается эффраσις картиной перехода Ганнибала в нарушение договора через Ибер и призывом пунийцев на войну с Римом (Sil. II 451 сл.: Hannibal abrupto transgressus foedere ripas / Poenorum populos Romana in bella uocabat). Вставной сюжет оканчивается с той же драматической внезапностью, с какой и вводится в повествование: Ганнибал облачается в доспехи, по которым будет стекать столько авзонийской крови, и грозит курии, то есть сенату, которая названа здесь нигде не встречающимся эпитетом [Lyubzhin, Podossinov, Zaytsev, Markelov 2025: 261] belli ui<n>dex «судья войны» (Sil. II 453 сл.: tali sublimis dono, noua tegmina latis / aptat concutiens umeris celsusque profatur: / 'Neu quantum Ausonio sudabitis, arma, cruore! / quas, belli ui<n>dex, poenas mihi, Curia, pendes!'). Ганнибал — мститель, и на его щите изображена война против Рима. Еще когда он клялся в храме Элиссы, он повторял слова проклятья Дидоны (Verg. Aen. I 114–115: Romanos terra atque undis, ubi competet aetas, / ferro ignique sequar). Таким образом, Ганнибал идет на Рим для того, чтобы воля Дидоны была исполнена [Vessey 1975: 398].

Как выглядит щит Ахилла у Гомера (Hom. Il. XVIII 478–609)? Первое, что бросается в глаза: Гомер уделил некоторое внимание внешнему виду и конструкции щита, что для Силия не имело никакого значения. Щит Ахилла изготавливает сам бог Гефест, а не смертные люди. Он изобразил землю, небо, море, солнце, месяц и созвездия (Hom. Il. XVIII 483 сл.). В «Пунике», напротив, полностью исчезает космологический и сверхъестественный элемент, который мы встречаем не только у Гомера, но и у Вергилия [Vessey 1975: 397]. За космогонической картиной следует описание двух городов. В первом городе изображены брачные празднества, хоры; показано торжище, на котором происходит тяжба из-за убийства. Другой город показан в осаде. Данный образ также представлен в «Пунике», но никак не развивается. Сагунт на щите Ганнибала только упомянут, а тема осады не продолжается. У Гомера совершенно противоположная картина: осажденные под предводительством Арея и Паллады отваживаются на вылазку и устраивают засаду (Hom. Il. XVIII 478–520). Из засады они нападают на пастухов и угоняют волов и овец. Противник, заметив это, несется в конной атаке и вступает в бой у реки. С воинами бьются Злоба, Смута и Смерть (Hom. Il. XVIII 535: ἐν δ' Ἐρις ἐν δὲ Κυδοιμός ὀμίλειον, ἐν δ' ὀλοή Κήρ). Вслед за описанием поля битвы следует изображение нивы

и пахоты на волах. У Силия буколическое представлено сравнительно мало. В «Илиаде» картина сельского быта выписана подробнейшим образом: землепашцы подходят к краю нивы, а им сразу подают кубок вина (Hom. II. XVIII 520–545); на другом поле показана жатва, колосья срезают серпами, вяжут в снопы; царь стоит рядом на поле и радуется жатве, а вестники готовят трапезу и жены просеивают белую муку для вечерней трапезы (Hom. II. XVIII 545–560). Следующая сцена у Гомера рисует виноградники и сбор урожая, продолжая описание сельского быта: виноград собирают девицы и юноши с плясками под лиру. Из олова и золота на щите сделаны волы, которые мчатся на паству, а следом за ними идут пастухи с собаками. На стадо нападают два льва и раздирают вола, пастухи натравливают на них собак, но те убегают от львов в страхе. Гефест также изобразил на щите паству, сереброрунных овец и палатки пастухов. В последней сцене представлены танцы юношей и девушек. Танцующие одеты в светлое, умащены елеем, на девах видны венки, на юношах надеты перевязи с золотыми ножами (Hom. II. XVIII 560–590). И наконец щит по ободу окаймляет Океан (Hom. II. XVIII 606 сл.: ἐν δ' ἐτίθει ποταμοῖο μέγα σθένος Ὠκεανοῖο / ἄντυγα παρ πύματ' ὅακος πύκα ποιητοῖο «там же он изобразил великую силу реки Океана / вдоль края обода крепкосданного щита»). Как было сказано выше, у Силия в описании щита Ганнибала мы также находим реку. Но если у Гомера Океан опоясывает щит словно весь мир, отражая могучие силы природы, то Ибер у Силия является лишь границей между Карфагеном и Римом.

Описание щита Энея у Вергилия сильно отличается от вышеприведенного (Verg. Aen. VIII 626–728). Вергилий сразу сообщает, из каких сцен складывается э́κφρασις на щите: триумфы италийцев и римлян (Verg. Aen. VIII 626: *illic res Italas Romanorumque triumphos*), а также изображение всего родового древа от Аскания и череда войн (Verg. Aen. VIII 626 сл.: *illic genus omne futurae / stirpis ab Ascanio pugnataque in ordine bella*). Сцена кормления волчицей Ромула и Рема в пещере Марса сменяется похищением сабинянок в Риме: старец Татий, вождь сабинян, тут же идет войной на ромулидов. Но сразу следует сцена примирения двух народов: цари выпивают перед алтарем чашу и скрепляют союз жертвоприношением свиньи. На другом изображении квадрига Тулла Гостилия разрывает альбанского царя Меттия Фуффетия. Этрусский царь Порсенна идет войной на Рим, чтобы восстановить на престоле изгнанного Тарквиния Гордого, но энеады бросаются на вражеские мечи ради свободы. Гораций Коклес, обороняя деревянный мост, разрушает его (сама сцена, где Коклес переплывает Тибр, не показана на щите, но читатель прекрасно знает этот эпизод), а Клелия, заложница Порсенны,

верхом пересекает Тибр (Verg. Aen. VIII 626–651). В середине щита стоит Тит Манлий Торкват, защищая город от полчищ галлов, поднявшихся ночью на Тарпейскую твердыню. Показан серебряный гусь, пролетающий между золотых колонн, предупреждая, что враг у порога. Описаны внешний вид, одеяние и вооружение галлов. На щите представлены разные жреческие коллегии: фламины, салии, стерегущие священные щиты (щит, по преданию, упал с неба в руки Нумы Помпилия, предвещая спасение от чумы, и чтобы сохранить его, Нума велел сделать одиннадцать копий) и луперки. Изображение переносит нас в Тартар, где представлены злодеи и праведники. Катилина, прикованный к скале, в страхе взирает на фурий. Рядом с судьей подземного царства изображен Катон, дающий благочестивым законы. Среди этого дана картина широко раскинувшегося моря с дельфинами и судами, которая предвещает изображение победы при Акции. Август ведет в бой италийцев и римлян вместе с пенатами и великими богами, а свет отчей кометы (Цезарь после смерти превратился в комету и был обожествлен) осеняет его чело. Далее изображен Агриппа в ростральном венке за морскую победу над сыном Помпея. Представлен и Антоний с варварскими силами и пестрым оружием: он ведет Египет, силы востока и живущих на краю мира бактров с несчастной супругой-египтянкой (Verg. Aen. VIII 651–685). Начинается подробное описание морского сражения на щите: Клеопатра, еще не видя уготованных ей после победы Октавиана ядовитых змей, призывает полчища отцовским систром, против Венеры и Минервы идет в бой псоглавый Анубис. Здесь же представлены и другие боги: Марс, мрачные (*tristes*) Диры, парящие над бойцами, *Discordia* в разорванной палле, Беллона с окровавленной плетью (*flagellum*), Аполлон Актийский натягивает лук, от которого бежит Египет, обращаются в бегство инды, арабы и сабеи. А вслед за ними и сама Клеопатра призывает Япига, дующего из Апулии, который понесет ее в Египет. Напротив этой картины Гефест изобразил широко раскинувшийся Нил и тройной трюмф (за победу при Акции, над далматинскими племенами и Александрией) Августа, давшего обет воздвигнуть 300 храмов по всему Риму (Verg. Aen. VIII 685–712). После победы представлена картина всеобщего ликования, хоры матрон в святилищах и закланные тельцы у алтарей. В конце Вулкан-Мульцибер изобразил, как, восседая у храма Аполлона, Август принимает дары от разных народов: номадов, афров, гелонов, карийцев, лелегов; народов, живущих по берегам Евфрата, Рейна, Аракса; от дагов, моринов. Эней принимает щит, радуясь дару матери, хотя и не знает, что на нем отчеканена судьба его потомков (Verg. Aen. VIII 712–729).

Из описания щита Энея и Ахилла ясно, что Силий Италик вслед за Гомером и Вергилием приводит свое собственное, никак прямо не связанное, описание щита, но в сложившейся традиции изображения драгоценного оружия в эпосе. Прямая связь описания щита Силием с описанием Вергилия заключается в том, что поэт показывает нам восхищение героя искусным оружием, тогда как Гомер изображает щит во время его изготовления [Spaltenstein 1986: 143]. Каллецейские руки испанских дарителей не изобразили на щите Ганнибала ни Теллус, ни Юнону, ни нимф [Vessey 1975: 397], то есть, как уже было отмечено, полностью отсутствуют какие-либо религиозные или космологические мотивы, что разительно отличает изображение щита Ганнибала от описания Гомера. При желании можно найти множество параллелей у Вергилия. К примеру, Д. Весси сравнивал переход Энея через Средиземное море с переходом Ганнибала через Ибер, а Дидона погибла на пылающем костре словно жители Сагунта, таким образом царица рассталась с жизнью из-за своей преданности Энею, а народ Сагунта — из-за своей верности Риму [Vessey 1975: 405]. Однако само описание щита Энея Вергилием совсем не затрагивает судьбу самого Энея, но говорит только об истории его потомков, пересказывая основные вехи римской истории, являясь тем самым явным политическим посланием, призванным воспеть блистательный век Августа. На щите, изображенном Силием, мы не находим ни такого множества буколических сцен, ни изображения сменяющих друг друга исторических сюжетов. Силию Италику было важно показать этим сложившимся эпическим приемом вставного сюжета с использованием *ἐκφρασις*, как конфликт между Энеем и Дидоной повлиял на будущее столкновение двух народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гимадеев И.Р. Миф о Фалерне Силия Италика в свете истории фалернского вина // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2025. 29, № 1. С. 483–504.
2. Зограф А.Н. Античные монеты. Л., 1951.
3. Любжин А.И., Подосинов А.В., Зайцев Д.В., Маркелов А.Ю. Силий Италик. Об осаде Сагунта (Пуника I. 271 — II. 707) // Вестник древней истории. 2025. 85, № 1, С. 231–268.
4. Nicol J. The historical and geographical sources used by Silius Italicus. Oxford, 1936.
5. Vessey D.W.T.C. The Myth of Falernus in Silius, "Punica 7" // The Classical Journal. 1973. Vol. 68, № 3, pp. 240–246.
6. Vessey D.W.T.C. Silius Italicus: The Shield of Hannibal // The American Journal of Philology. 1975. Vol. 96, № 4, pp. 391–405.
7. Spaltenstein F. Commentaire des Punica de Silius Italicus. Genève, 1986.

REFERENCES

1. Gimadeev I.R. Mif o Falerne Siliya Italika v svete istorii falernskogo vina [The Myth of Falernus by Silius Italicus in the Light of the History of Falernum Wine]. *Indoevropeiskoe yazyko-znanie i klassicheskaya filologiya*, 2025, 29, № 1, pp. 483–504. (In Russ.).
2. Zograf A.N. *Antichnye monety* [Antique coins]. Leningrad, AN SSSR, 1951.
3. Lyubzhin A.I., Podossinov A.V., Zaytsev D.V., Markelov A.Yu. Silij Italik. Ob osade Sagunta (Punica I. 271 — II. 707) [Silius Italicus. The Siege of Saguntum (Punica I. 271 — II. 707)]. *Vestnik drevnej istorii*, 2025, 85, № 1, pp. 231–268. (In Russ.).
4. Nicol J. *The historical and geographical sources used by Silius Italicus*. Oxford, 1936.
5. Vessey D.W.T.C. The Myth of Falernus in Silius, “Punica 7”. *The Classical Journal*. 1973. Vol. 68, № 3, pp. 240–246.
6. Vessey D.W.T.C. Silius Italicus: The Shield of Hannibal. *The American Journal of Philology*. 1975. Vol. 96, № 4, pp. 391–405.
7. Spaltenstein F. *Commentaire des Punica de Silius Italicus*. Genève, 1986.

Поступила в редакцию 12.12.2025

Отредактирована 25.05.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received 12.12.2025

Revised 25.05.2026

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Ильяс Рустэмович Гимадеев — к.ф.н., доцент кафедры классической филологии МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории Московского физико-технического института (МАСКИ, МФТИ, Физтех); eliasgimad@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elias R. Gimadeev — PhD, Associate Professor, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Researcher of the iASCH Laboratory, Moscow Institute of Physics and Technology; eliasgimad@mail.ru

СПЕЦИФИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ПРОЗЕ Н.С. КОХАНОВСКОЙ О СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНЕ

А.И. Октябрьская-Кисничан

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; nastya-okt@mail.ru*

Аннотация: В статье исследована важная для современной русской литературы проблема реализации исторической памяти в очерковом произведении, позволяющая рассмотреть значимое событие прошлого через призму коллективной исторической памяти, индивидуального сознания автора, очерковой экспрессии. Новизна и актуальность работы обусловлена необходимостью исследования малоизученного периода русской истории и анализа общественной и личной позиции очеркиста конца XIX в., весьма созвучной нашей эпохе, а также, несмотря на работы некоторых ученых XXI в., еще недостаточной изученностью творческого наследия Н.С. Кохановской. Теоретической основой данной статьи стали труды А. Бергсона, Ю. Лотмана, Д. Лихачёва и др., а также наших современников — К. Сундуковой, М. Реутовой и др. Важной основой настоящей статьи стали работы О.Л. Фетисенко и др. о творчестве Н.С. Кохановской.

Одним из актуальных вопросов становится проблема соотношения коллективной исторической памяти и личностных эмоциональных впечатлений от увиденного, где коллективная культурная и историческая память сплавлены с индивидуальным восприятием событий севаستопольской обороны. Выявлены основные опорные географические точки, представленные в очерках Кохановской — полуразрушенный Севастополь, его храмы и памятники, Малахов курган, Братское (Стотысячное) кладбище, — через которые дано осмысление значимых образов-символов и ментальных смысловых кодов. Осмыслена реализация исторической памяти в очерковом жанре через коллективный, родовой, индивидуальный векторы с помощью обращения к событийному ряду, символическим знакам и явлениям, ольфакторным, цветовым и звуковым деталям, личностное эмоциональное восприятие прошлого.

Ключевые слова: Н.С. Соханская (Кохановская); путевой очерк; историческая память; культурная память; первая оборона Севастополя; Братское (Стотысячное) кладбище; Малахов курган

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-10

Для цитирования: Октябрьская-Кисничан А.И. Специфика исторической памяти в прозе Н.С. Соханской (Кохановской) о севастопольской обороне // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 124–132.

THE SPECIFICITY OF HISTORICAL MEMORY IN N.S. KOKHANOVSKAYA'S PROSE ON THE SIEGE OF SEVASTOPOL

Anastasia I. Oktyabrskaya-Kisnichan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; nastya-okt@mail.ru

Abstract: This article explores the problem of implementing historical memory in essay writing, a crucial issue for contemporary Russian literature. It allows us to examine a significant past event through the prism of collective historical memory, the author's individual consciousness, and essay expression. The novelty and relevance of this work stem from the need to explore a little-studied period in Russian history and analyse the social and personal position of a late 19th-century essayist, a position that is highly relevant to our era. Despite the work of some 21st-century scholars, the creative legacy of N.S. Kokhanovskaya remains insufficiently studied. The theoretical basis for this article is the works of A. Bergson, Yu. Lotman, D. Likhachev, and others, as well as our contemporaries K. Sundukova, M. Reutova, and others. An important basis for this article is the publications of O.L. Fetisenko and others on the work of N.S. Kokhanovskaya. One of the pressing issues is the relationship between collective historical memory and personal emotional impressions of what was seen, where collective cultural and historical memory is fused with individual perceptions of the events of the Sevastopol defence. The key geographical reference points presented in Kokhanovskaya's essays — the dilapidated Sevastopol, its churches and monuments, Malakhov Kurgan, and the Fraternal (Hundred Thousand) Cemetery — are identified, through which meaningful symbolic images and mental semantic codes are understood. The realization of historical memory in the essay genre is explored through collective, tribal, and individual vectors, through reference to a series of events, symbolic signs and phenomena, olfactory, colour, and sound details, and a personal emotional perception of the past.

Keywords: N.S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya); travel essay; historical memory; cultural memory; first defence of Sevastopol; Fraternal (Hundred Thousand) Cemetery; Malakhov Kurgan

For citation: Oktyabrskaya-Kisnichan A.I. (2026) The Specifics of Historical Memory in N.S. Sokhanskaya (Kokhanovskaya)'s Prose on the Siege of Sevastopol. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 124–132.

Тема памяти, актуальная для любой исторической эпохи, — важное проблемное поле в социологии, философии, психологии, истории, литературоведении. Результаты исследований К.А. Сундуковой [Сундукова 2018: 217], М.А. Реутовой [Реутова 2024: 155] и др. подтверждают выводы А. Бергсона о памяти как свойстве индивидуального сознания, которое «удерживает прошлое, чтоб организовать

его с настоящим в более богатом и более новом решении» [Бергсон 1999: 668], а также о роли непосредственного восприятия и рефлексии в воспоминаниях, стягивании в памяти множества информации, привязанности находящихся в настоящем духа и души к прошлому, влиянии воспоминания на создание образа.

В трудах Д.С. Лихачёва [Лихачёв 1985: 63–70], Ю.М. Лотмана [Лотман 2000: 704] и др., исследовавших феномен *культурной памяти*, выявлены роль и значимость этого явления для постижения прошлого через индивидуальное, общественное и художественное восприятие истории.

Историческая память осмысливается как одно из проявлений коллективного сознания, для которого значимы связь личной памяти и коллективной; роль психики, интеллекта индивидуума в осмыслении истории; влияние исторических событий на общество в целом; национальная и социальная специфика представлений о прошлом.

Названные аспекты памяти актуализированы в литературе о важных и переломных событиях русской истории, например событиях первой обороны Севастополя, которые вписываются в череду значимых явлений истории — оборонительных войн. Н.С. Соханская (позже взяла псевдоним Кохановская) (1823–1884) одна из первых написала об увиденном в Крыму и Севастополе спустя двадцать лет после окончания Крымской войны. О ее творчестве вспомнили в наше время благодаря глубоким изысканиям О.Л. Фетисенко, публикаторской активности М.А. Бирюковой и А.Н. Стрижева и др. Цель данной работы — выявить своеобразие реализации темы памяти в очерковой трилогии Кохановской о Севастополе. Материал исследования — очерки «Севастопольские впечатления» (1877), «Малахов курган» (1877), «Братские могилы» (1877), которые рассмотрены в жанровой парадигме путевого очерка, тем более что О.Л. Фетисенко рассматривает ее путешествие в Крым как «своего рода христианское паломничество» [Фетисенко 2021: 245], что и определяет тип и жанровое своеобразие тех «впечатлений», которые писательница получила от послевоенного Севастополя. При этом исследователь, проанализировав эволюцию взглядов Кохановской и отдельные константы ее художнического почерка, справедливо рассматривает их через оптику славянофильства, что также определило тот ракурс, в котором рассмотрены многие философские и публицистические вопросы, поднимаемые в очерках о Севастополе Кохановской, и сам предмет исследования — тема Крыма, проблемы веры, экзистенциальные вопросы бытия и т. д.

Городской текст как важный культурно-исторический код в очерке «Севастопольские впечатления»

В очерке *«Севастопольские впечатления»* идеи о приоритете значимых национальных черт русского человека — смекалистости, трудолюбия, творческого подхода к любому делу, упорства в достижении цели — позволили автору создать образ российского города, до последнего сопротивлявшегося врагу, города, который успешно впитал уроки истории и остался верен заветам предков. Ратный подвиг русского народа вписан в общий генетический код народа-богатыря, народа-умельца, народа-чудотворца. Севастополь — мертвый и живой одновременно — вписан в библейский хронотоп. Амбивалентный образ города выявляет важные философские вопросы: необходимость восстановления всего разрушенного войной и нежелание самого города меняться, а сохранить память о минувшем в назидание потомкам; противостояние сильной и плодотворной природы разрушительному самоуправству, равнодушию и мажордерству человека и т. д.

Важной темой очерков становится и проблема веры, также идущая от славянофильских идей Кохановской. При этом О. Фетисенко справедливо указывает на волнующий писательницу вопрос о «приниженности и бездействии Православной церкви в тогдашнем Крыму» [Фетисенко 2021: 251], что становится сквозным мотивом всего цикла очерков Кохановской о Севастополе. Действительно, очеркист размышляет о странности неожиданных религиозных переплетений, когда православный храм размещен в языческом или когда над православно-русским довлеет восточно-мусульманское начало и др.

Кохановская одним из центральных образов города делает православный храм, прибегая к визуальным и звуковым шифрам: атрибут церкви — колокольный звон — усиливает христианский мотив преобладания жизни над смертью. Еще один визуальный образ — православный собор — поднимает событийную сторону истории на иной, духовный уровень. При этом концентрация внимания на значимых деталях — таинственном полумраке собора, Распятии, Кануне, образе Воскресения Господня и т. д. — подводит к мысли о бессмертии защитников города, вырвавших его из хаоса войны, а соборная молитва как можно большего числа людей должна помочь погибшим обрести это бессмертие.

В композиции трилогии этот очерк представляет собой прелюдию к последующему повествованию. Жанр исторического очерка позволяет в пределах небольшого объема через фактический материал выделить определенные исторические события. Актуализация

роли детали городской жизни, пейзажно-бытовых реалий способствуют воссозданию прошлого и его проекции на настоящее. Сохранена характерная для очерка опора на реальные факты в сочетании с личным взглядом на события. Смысл заглавия выражает единство исторических событий и авторского голоса, что говорит в пользу художественности текста. Этому же способствуют образный язык и достаточно свободная структура повествования. Определены семантически значимые для всех очерков локусы — Севастополь и его памятники, храмы, Малахов курган, Братское кладбище.

Принципы материального воплощения исторической памяти в очерке «Малахов курган»

В очерке «*Малахов курган*» внимание автора смещается к узловому событию второй половины XIX века — севастопольской обороне. Память занимает семантически более сильную позицию. Коллективная память, запечатленная в материальных достопримечательностях, побуждает автора к размышлениям о единстве жизни и смерти, памяти и забвения, вечного и сиюминутного. Вместе с тем пейзажная и архитектурная конкретика, соединяющая два противоположных явления — жизнь и смерть (Малахов курган, кресты из пушечных ядер на местах смертельных ранений адмиралов Корнилова и Нахимова, зияющие раны войны и степная трава, покрывающая курган, шныряющие везде кролики сторожа и т. д.) — побуждает повествователя к рефлексии, в которой, по точному замечанию Фетисенко, доминирует «мотив жатвы смерти» [Фетисенко 2021: 249]. Действительно, Кохановская сопоставляет сиюминутное и вечное, высокое и профанное, духовное и плотское.

В изображении Малахова кургана как исторического и духовного пространства выражена мысль о связи витальной силы воинства со смертью личности как «экзистенциальным феноменом» [Хайдеггер 1997: 240]. Кохановская выявляет скрытый смысл в памятнике погибшим русским и французским воинам — материальном выражении исторической и национальной памяти.

Сопоставление двух надписей (французский вариант Кохановская называет «французской дребеденью» [Кохановская 1887, № 86: 1]) свидетельствует о разнице менталитетов: французы славят личные качества храбрецов, объединенных смертью; в русской надписи ключевым словом становится «память», которая осмыслена одновременно как коллективная, национальная, личная. Кроме того, выражено великодушие к погибшему врагу, что говорит о высоком уровне религиозной культуры автора. Для повествовательной специфики Кохановской свойственно наращивание семантически однородных эпизодов, подтверждающих доминантную авторскую мысль.

Французская надпись	Перевод	Русская надпись
«Unis pour la victoire, Réunis par la mort, Du soldat c'est la gloire, Des braves c'est le sort» [3. № 86. С. 1].	Данную надпись можно перевести так: <i>Единые ради победы, Воссоединенные смертью, Это слава солдата, Это судьба храбреца.</i> Г. Поляков и В. Шавшин приводят иной вариант данной надписи: «Их разъединила воля к победе и объединила смерть. Такова слава солдата. Таков долг храбреца» [7. С. 63].	«Памяти воинов русских и французских, павших на Малаховом кургане при защите и нападении, 27 августа 1855 года» [3. № 86. С. 1].

Тема материального воплощения исторической памяти об обороне продолжена в описании Братского кладбища — Стотысячного, как его называют старожилы. Одной из первых о семантической наполненности названия этого локуса в очерках Кохановской заявила Фетисенко. Действительно, в наименовании кладбища отражены и статистика жертв (Стотысячное), передающая грандиозность события, и менталитет народа-воина (Братское), тех, кто покоится в «солдатских могилах», «общих могилах». Точные подсчеты захороненных на Братском кладбище произвести невозможно, так как в каждой из отдельных могил покоится от 300 до 600 человек. Однако на мемориальных плитах Свято-Никольского храма-памятника отражена определенная статистика, согласно которой общее число потерь — 118 819 человек [6. С. 316–319]. Кохановская использует антитезу братства защитников Севастополя и «рабских учеников цивилизованной Европы» [Кохановская 1887, № 86: 1]. В изображении кладбища, прежде всего в мотиве братства во имя победы, проявляется мысль автора о ценности витальных и смертных смыслов бытия.

Историческая память накапливается как родовая, коллективная, надындивидуальная. Но в нее интегрируется и индивидуальная память. Автор прибегает к ольфакторным, цветовым, звуковым кодам, привнося в изображение личностное восприятие.

Мотивные принципы организации очерка «Братские могилы»

Этот же комплекс мотивов братства, смерти, жизни положен в основу очерка «*Братские могилы*», и они же обусловили композицию эпизодов, в которых коллективный опыт окрашен индивидуальной впечатлительностью. Особое место отведено мотиву братства, с которым ассоциируются братские могилы жителей Севастополя, солдат, матросов, высших военных чинов.

Духовное единство погибших и молящихся за них выражается, по Кохановской, через лейтмотив трагедии народа, потерявшего сто тысяч защитников. В описании Братского кладбища традиционные моральные смыслы обогащены мыслью о массовой героической жертвенности русского народа.

Композиционное и семантическое единство фактов в исторической памяти достигается через образы-скрепы, например креста. Конкретно-историческое содержание Крымской войны переходит на уровень вневременных, универсальных истин, что в определенной степени происходит благодаря индивидуальному восприятию религиозной предметности. Вид крестов, могильных плит не вызывает чувства скорби, при их лицезрении автор переживает «потрясающе-умилительное» [Кохановская 1877: 1] впечатление. Вместе с тем семантика слова «крест» переводит повествование на уровень прозаической повседневности: автор размышляет о тяжелом кресте русского солдата и в целом воинской службы. Многозначность образа креста побуждает очеркиста проецировать чувства матерей погибших солдат на собственные. По утверждению Фетисенко, был у Кохановской важный личностный мотив вместе с павшими воинами оплакивать брата, не дожившего до Крымской войны из-за холеры, но возможного участника севастопольской обороны. Личностно-родовой план Кохановская соединяет с социальным и общегосударственным и приводит параллель между матерью погибшего воина-сына, похороненного на Братском кладбище, и царем Николаем I, чья болезнь и преждевременная смерть во многом, с ее точки зрения, объясняется положением на крымском фронте.

Фактография и эмоции также составляют единую повествовательную стратегию автора. Центром очерка становятся впечатления от Свято-Никольского храма, венчающего холм Братского кладбища и являющегося свидетелем подвига русского воинства при обороне Севастополя. Изображение храма реалистично, но вместе с тем вызывает различные ассоциации. Например, красные прожилки на плитах серого камня ассоциируются с пятнами запекшейся крови. Уравновешены аналитика цифр, математические подсчеты и индивидуальная рефлексия на показатели людских потерь — «цифрованный ужас» [Кохановская 1877: 1].

Цифры и факты состоят в отношениях дополнительности, что усугубляет экспрессивную реакцию автора — словесную, мыслительную, душевную, физическую; острота переживаний выражена через инверсии, парадокс («обаяние ужаса»), мотив безволия («Меня тянуло к ней», «руки невольно всплеснулись и остались поднятыми», «невольное, неудержимое восклицание» [Кохановская 1877:

1)), эпитеты («огненные цифры», «страшные скрижали» [Кохановская 1877: 1]) и сравнения («точно перекаты грома» [Кохановская 1877: 1]), передающие чрезвычайность состояния автора. Язык кладбищенского старожила лаконичен, сдержан, афористически точен, но также образен: «10 пехотная дивизия и того погрознее будет <...> кровопролитнейший полк! <...> самый, как есть, безчастный во всей армии. Больше его никто солдатиков не положил! <...> Вот она, матушка, 10-я дивизия, каково поработала! Лоском легла» [Кохановская 1877: 1]. В контексте всего эпизода сами цифровые показатели погибших эмоционально значимы. В результате голые цифры обретают особую значимость и создают образ народа-героя, народа-мученика.

Кохановская придает сакральный смысл обороне, что продолжает традицию древнерусской литературы о воинах Христовых и покровительстве Господа русскому воинству. Так подтверждается мысль о проявлении общекультурной преемственности в исторической памяти. Вместе с тем финальные риторические вопросы и восклицания, касающиеся исторической памяти, вносят в сева-стопольские очерки Кохановской критическую тему равнодушия чиновничества — светского и церковного — к истории отечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергсон А. Материя и память / Пер. с фр. А. Баулер // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 413–668.
2. Кохановская (Соханская Н.С.) Братские могилы. Очерки Н. Кохановской // Русский Мир. 1877. 8 апреля. № 92. С. 1–2.
3. Кохановская (Соханская Н.С.) Малахов курган // Русский Мир. 1877. 1 апреля. № 85. С. 1; 2 апреля № 86. С. 1.
4. Лихачёв Д.С. Искусство памяти и память искусства // Лихачёв Д.С. Прошлое-будущему. Статьи и очерки. Л.;1985. С. 63–70.
5. Лотман Ю.М. Память культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000.
6. Протоиерей Г. Поляков, В. Шавшин. «За Веру, Царя и Отечество». Свято-Никольский храм-памятник. Братское кладбище. Крымская (Восточная) война. Симферополь, 2013.
7. Реутова М.А. Проблема памяти в русской литературной антиутопии XXI века. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб, 2024.
8. Сундукова К.А. Память как поэтологический принцип в искусстве романа (на материале творчества Г.И. Газданова, В.В. Набокова, Ю.В. Трифонова). Дисс ... канд. филол. наук. Самара. 2018.
9. Фетисенко О.Л. Кохановская: «Степной цветок» русской словесности: Тексты и контексты Н.С. Соханской. СПб., 2021.
10. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. М., 1997.

REFERENCES

1. Bergson A. *Materiya i pamyat'* [Matter and Memory]. Translated from French by A. Bowler. In: *Tvorcheskaya ehvolyuciya. Materiya i pamyat'* [Creative Evolution. Matter and Memory]. Minsk: *Harvest Publ.*, 1999, pp. 413–668. (In Russ.)
2. Kokhanovskaya N.S. (Sokhanskaya) Bratskie mogily. Ocherki N. Kohanovskoj [Mass Graves. Essays by N. Kokhanovskaya]. *Russkiy Mir* [Russian World]. № 92. April 8, 1877, pp. 1–2. (In Russ.)
3. Kokhanovskaya N.S. (Sokhanskaya). Malahov kurgan [Malakhov Kurgan]. *Russkiy Mir*, [Russian World]. № 85. April 1, 1877, p. 1; № 86. April 2, 1877, p. 1. (In Russ.)
4. Likhachev D.S. *Iskusstvo pamyati i pamyat' iskusstva*. [The Art of Memory and the Memory of Art]. In: *Proshloe-budushchemu. Stat'i i ocherki*. [Past to the Future. Articles and Essays]. Leningrad: *Nauka*. Leningradskoe otdelenie Publ., 1985, pp. 63–70. (In Russ.)
5. Lotman Yu. M. *Pamyat' kul'tury*. [Cultural Memory]. In: *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchih mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki*. [Semiosphere. Culture and Explosion. Inside Thinking Worlds. Articles. Research. Notes]. St. Petersburg: *Iskusstvo-SPb Publ.*, 2000. 704 p. (In Russ.)
6. Archpriest G. Polyakov, V. Shavshin. «*Za Veru, Carya i Otechestvo*». *Svyato-Nikol'skij hram-pamyatnik. Bratskoe kladbishche. Krymskaya (Vostochnaya) vojna*. [For Faith, Tsar, and Fatherland. St. Nicholas Memorial Church. Fraternal Cemetery. Crimean (Eastern) War]. Simferopol: SALTA LTD, 2013. 708 p. (In Russ.)
7. Reutova M. A. (2024) *Problema pamyati v russkoj literaturnoj antiutopii XXI veka*. [The Problem of Memory in Russian Literary Dystopia of the 21st Century]. Dissertation of the Doctor in Philology. — St. Petersburg. (In Russ.)
8. Sundukova K. A. (2018) *Pamyat' kak poehtologicheskij princip v iskusstve romana (na materiale tvorchestva G.I. Gazdanova, V.V. Nabokova, Yu.V. Trifonova)*. [Memory as a Poetological Principle in the Art of the Novel (based on the works of G. I. Gazdanov, V. V. Nabokov, Yu. V. Trifonov)]. Dissertation of the Doctor in Philology. — Samara. (In Russ.)
9. Fetisenko O. L. *Kokhanovskaya: «Stepnoj cvetok» russkoj slovesnosti: Teksty i konteksty N.S. Sohanskoj*. [Kokhanovskaya: “The Steppe Flower” of Russian Literature: Texts and Contexts of N. S. Sokhanskaya]. — St. Petersburg: *Pushkinskij Dom*, 2021. — 421 p. (In Russ.)
10. Heidegger M. *Bytie i vremya*. [Being and Time] / Translated by V. V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem, 1997. 452 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.06.2025

Отредактирована 15.09.2025

Принята к публикации 16.06.2026

Received 15.06.2025

Revised 15.09.2025

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Анастасия Игоревна Октябрьская-Кисничан — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; nastya-okt@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia I. Oktyabrskaya-Kisnichan — postgraduate student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; nastya-okt@mail.ru

ФРАНЦ КАФКА И «ГОЛОС ДРУГОГО» В «ГОЛОВОКРУЖЕНИЯХ» В.Г. ЗЕБАЛЬДА

Е.В. Соколова

*Институт научной информации по общественным наукам, Москва, Россия;
e.v.sokolova@inion.ru*

Аннотация: В статье изучаются особенности коммуникативной стратегии в художественной прозе одного из самых влиятельных немецкоязычных писателей 1990-х годов В.Г. Зебальда. Соединение в единой повествовательной инстанции нескольких субъектов восприятия и несобственно-прямой речи — «голосов», связанных друг с другом через совпадения в духе «синхронистичности» К.Г. Юнга или «семейного сходства» Л. Витгенштейна, — делает ее диалогической по сути, а само повествование превращает в диалог между различными сферами художественной реальности и культуры, видимыми и невидимыми мирами, внешними и внутренними пространствами. Этот многоуровневый разнонаправленный диалог часто осуществляется Зебальдом через привлечение «другого голоса» из прошлого культуры. На материале третьей новеллы «Головокружений» (1990) процесс интериоризации Зебальдом «другого писателя» в собственный текст подробно рассмотрен на примере Франца Кафки и его внутритекстового двойника — персонажа третьей новеллы *доктора К.*

Ключевые слова: немецкая литература XX в.; В.Г. Зебальд; «Головокружения»; коммуникативная стратегия; повествовательная перспектива; Франц Кафка

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-11

Для цитирования: Соколова Е.В. Франц Кафка и «голос Другого» в «Головокружениях» В.Г. Зебальда // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 133–145.

FRANZ KAFKA AND “THE VOICE OF ANOTHER” IN W.G. SEBALD’S VERTIGO

Elizaveta V. Sokolova

*Institute of Scientific Information of Social Sciences of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; e.v.sokolova@inion.ru*

Abstract: The article examines the features of the communicative strategy in the fiction of one of the most influential German-language writers of the 1990s, W.G. Sebald, his way of forming a special narrative perspective. Several “voices” connected

to each other through coincidences in the spirit of C.G. Jung's "synchronicity" or L. Wittgenstein's "family resemblance" merge into a common narrative instance. That makes it dialogical in essence, and turns the narration itself into an ongoing dialogue between different spheres of narrated reality — its visible and invisible worlds, external and internal spaces, nature and culture. A multi-level and multi-directional dialogue is carried out through a speaking subject chosen by the author most often from the past of the European culture. The article examines the process of internalization of "another writer" into Sebald's own literary text basing on the example of Franz Kafka and his transformation into an intra-textual double (*Doctor K.*) in the third part of Sebald's *Vertigo* (*Schwindel. Gefühle*, 1990).

Keywords: German literature of the 20th century; W.G. Sebald; *Vertigo*; communication strategy; narrative perspective; Franz Kafka

For citation: Sokolova E.V. (2026) Franz Kafka and "The Voice of Another" in W.G. Sebald's *Vertigo*. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 133–145.

Введение в проблему

Писатель и литературовед В.Г. Зебальд (1944–2001) ныне признан одним из наиболее влиятельных представителей «высокой литературы» конца XX в. на немецком языке. Его художественная проза — это четыре больших текста: «Головокружения» (1990), «Эмигранты» (1992), «Кольца Сатурна» (1995) и «Аустерлиц» (2001). Многочисленные немецкие и английские исследователи наследия этого писателя подчеркивают, что весь корпус его текстов, включая эссеистику, образует, по сути, единый текст, организованный особой многоголосой и многослойной повествовательной перспективой [McCulloh 2004; Ward 2012], которую иногда метафорически уподобляют «перископическому зрению» [Новикова 2021]. Как только ни называют одиноко блуждающего по пространствам культуры я-рассказчика Зебальда — «лукавый нарратор» ("foxy narrator") [Blackler 2007: 118], «провокатор» [Simon 2005], «фланер-меланхолик» [Catling 2009], рассказчик-эмпат [Ward 2012], даже «одинокий селезень» ("the solitary mallard") [Wolff 2011]. При этом исследователи согласны в том, что избранная Зебальдом повествовательная стратегия позволяет писать о травме истории, оказывая на читателя (кем бы он ни был) не ретравмирующее, а исцеляющее воздействие.

Известный американский историк Хейден Уайт (1928–2018) высоко ценил способ Зебальда «говорить об истории» и специально подчеркивал, что в романе «Аустерлиц», где все «держится на "герое"», «само понятие "героя" разлетается на фрагменты и осколки "человека без свойств"» [Уайт 2024: 40]. «Разлетающийся на фрагменты» герой помогает осмыслить повествовательную перспективу «Аустерлица», которую наряду с я-рассказчиком, словно в зеркале

отразившимся в заглавном персонаже (Жаке Аустерлице), создает целая галерея «приглашенных» фигур — как подлинных акторов культуры прошлого и настоящего (Людвиг Витгенштейн, Адальберт Штифтер, Жак Амери, художник Ян Петер Трипп и др.), так и вымышленных персонажей (Вера, Максимилиан и др.).

Главной темой прозы Зебальда остается «травма истории» в восприятии конкретного человека, и, «приглашая» в свой текст другие голоса (с их частными свидетельствами), он как будто из разных точек времени и пространства отслеживает неумолимую поступь «большой истории» по пространству европейской культуры — идущей, как ему представляется, к безрадостному финалу, — и фиксирует ее разрушительное влияние на частные судьбы. Далее мы реконструируем, как именно голос и фигура «другого» (в частности, «другого писателя») встраиваются в зебальдовский текст и участвуют в формировании его диалогического «терапевтического пространства», способствующего углублению (взаимо-)понимания и исцелению исторических травм.

Зебальд и Кафка: «приглашение на танец»

Еще в 1970-е годы литературовед Зебальд несколько раз обращался к творчеству Кафки. И уже тогдашние его работы¹ свидетельствуют о свободном владении биографическим контекстом и корпусом текстов австрийского писателя, включая переписку и дневники, о глубоком понимании им Кафки как человека, ощущения внутреннего родства [Klebes 2004: 123–139]. Примером того, как чувство душевной близости с Кафкой реализуется в прозе Зебальда, может служить, например, неразрывное переплетение — «квантовая запутанность» — между кафковскими «охотниками» (Гракхом и Шлагом) и «серым охотником» из детских воспоминаний зебальдовского я-рассказчика в «Головокружениях»².

Персонаж текстового фрагмента из рабочих тетрадей Кафки охотник Ганс Шлаг («Тетради ин-октаво», Седьмая тетрадь [Кафка 2003: 78–83]), таинственный обитатель непонятно кому принадлежавшего чердака, которого считают прообразом охотника Гракха

¹ Sebald W.G. The Law of Ignominy — Authority, Messianism and Exile in Kafka's Castle // On Kafka — Semi-Centenary Perspectives / Ed. by F. Kuna. London, 1976, pp. 42–59, или в немецкоязычном варианте: Sebald W.G. Das Gesetz der Schande — Macht, Messianismus und Exil in Kafkas Schloss // Sebald W.G. Unheimliche Heimat: Essays zur österreichischen Literatur. 4. Aufl. Frankfurt a.M.: Fischer, 2012. S. 87–103; Sebald W.G. Zur Motivstruktur in Kafkas Schloss // Sebald W.G. Die Beschreibung des Unglücks. Zur österreichischen Literatur: von Stifter bis Handke. Frankfurt a. M.: Fischer taschenbuch, 2012. S. 78–92.

² О внутреннем сходстве Зебальда и Кафки, многочисленных скрытых цитатах из текстов последнего в его прозе см., напр., [Prager 2006].

из одноименного рассказа [Кафка 2004: 676–680]³, переносится Зебальдом в пространство последней новеллы «Головокружений» и размещается им на чердаке Лукаса в небольшом баварском городке Вертах, где прошло его собственное детство⁴. В «Головокружениях» Зебальда Лукас — сосед я-рассказчика и имеет реальный прообраз из детства писателя. Но и сам рассказ об охотнике Гракке, выросший у Кафки из фигуры загадочного Ганса Шлага, красной нитью проходит через весь текст «Головокружений», объединяя четыре новеллы, из которых этот текст состоит, в художественное целое.

На примере Кафки демонстрирует стратегию вовлечения Зебальдом «другого писателя» в пространство собственного художественного текста Й. Хессинг, сравнивая ее с «приглашением на танец» [Hessing, Lenzen 2015]. Хессинг подчеркивает отказ от «литературоведческой перспективы», когда «исследователь В.Г. Зебальд пишет о писателе Кафке», превращая последнего в объект изучения [Hessing, Lenzen 2015: 87]. Зебальд пишет не столько о Кафке, сколько «от имени Кафки» — как бы изнутри его творческой лаборатории: переняв взгляд на мир, повторяя и развивая интонации, нарушая при этом «невидимую границу» между «чужим» и «своим» и расширяя «свое» через освоение «чужого» [Ibid].

Кафка и «другое» пространство

Некоторые из творческих паттернов «приглашенного на танец партнера» естественным образом перенимаются. Среди «унаследованных» Зебальдом от Кафки особенностей П. Шмуккер выделяет, в частности, «пространственность смерти» [Schmucker 2011: 71–78]. «Пространства смерти», как и у Кафки, обнаруживаемые им у Зебальда, приобретают у последнего выраженный коммуникативный аспект: как нам услышать тех, кого больше нет с нами, кто умер — был убит, уничтожен, распят? Можем ли мы восстановить, как воспринимали события прошлого те, кто был «сброшен с корабля истории» [Possnock 2010: 113]?

В «Головокружениях» Зебальд ищет подходы к «проблеме памяти», конкретизируя временную перспективу. Момент времени разворачивается у него в текст через многоуровневую художественную конструкцию [Schmucker 2011: 201–249], объединяющую несколько разных событийных — временных — слоев. (Тем самым обнаруживается способность времени порождать пространства.) Такое соот-

³ Рассказ «Охотник Гракх», целые пассажи которого интегрированы в текст «Головокружений» В.Г. Зебальда в форме скрытого цитирования, был написан Кафкой в 1917 г., а опубликован впервые лишь посмертно — в 1931 г.

⁴ Ср.: [Зебальд 2019: 201–202] и [Кафка 2003: 80–81].

ношение времени и пространства естественно и несомненно для писателя: возможность «развертывания момента» в географические и семиотические пространства существует в любой точке оси времени, но реализуется исключительно субъектом: только способный к восприятию субъект может извлечь из абстрактного мгновения эти слои — через коммуникацию, — тем самым создавая для него новый шанс быть воспринятым и ретранслированным для дальнейшего восприятия. Но для этого необходим обладающий полнотой восприятия голос свидетеля: именно за счет привлечения голоса из «другого пространства» коммуникация приобретает трансграничные и трансвременные свойства, обретает пространственно-временную «многомерность».

Кафка и время

Характерные примеры «развертывания» в текстовые пространства конкретных временных интервалов — месяцев, дней, моментов — были рассмотрены нами ранее [Соколова 2019]. Здесь мы сосредоточимся на процессе вычленения Зебальдом «голоса Кафки» из архивированного историко-культурного наследия и вплетения его в собственный текст.

Рассмотрим начало 3-й новеллы «Головокружений» («Доктор К. едет в Риву, на воды»). «В субботу, **6 сентября 1913 года**, вице-секретарь Пражского общества страхования рабочих от несчастных случаев **доктор К. едет в Вену**, чтобы принять участие в **конгрессе по гигиене и неотложной помощи**» [Зебальд 2019: 129]. Повествование стартует с даты, в данном случае четко определенной, за которой следует наименование воспринимающего субъекта, выбранного автором на эту роль, — *доктора К.* Он, конечно, связан с «историческим» Кафкой, но не тождествен ему, как и любой исторический персонаж биографического романа или герой «автофикшн» не тождествен своему образу (Серж Дубровский, Филипп Лежён), — в силу неизбежной субъективности авторского восприятия исторической фигуры, определяющей отбор связанных с ним фактов.

Дистанция между *доктором К.* и его прообразом акцентируется: *персонаж*, которому предстоит далее пережить все известные историкам литературы события поездки Франца Кафки в Вену и Италию в сентябре 1913 г., в новелле ни разу не назван Кафкой и остается *доктором К.*, как бы сосуществующим в «Головокружениях» с «реальным» (в описанном выше смысле) Кафкой, которого рассказчик не раз упоминает во второй и четвертой новеллах, подчеркивая свою с ним человеческую близость через параллелизм в восприятии тех или иных культурных феноменов или пространств (например, Ве-

роны [Зебальд 2019: 81]). Более того, вторая новелла завершается эпизодом последних дней жизни «исторического» Кафки (визит Франца Верфеля к нему в госпиталь) [Зебальд 2019: 127].

Дата «6 сентября 1913 года» возникла из записей Кафки — его путевых дневников [Кафка 1998: 401]. Выбрав дату как исходную точку повествования, писатель тем самым зафиксировал и выбор «свидетеля» — «голоса» с характерной субъектностью, пребывающего ныне в «другом» пространстве. Фраза связывает голос с персонажем текста — *доктором К.*, одновременно наделяя его сходной субъектностью во внутритекстовой реальности новеллы. Тем самым перспектива повествования оказывается распределена между двумя повествовательными инстанциями — нарратором, подчеркивающим свою тождественность с автором текста, каковым все-таки не является (сохраняя «лукавство»), и *доктором К.*, находящимся в аналогичных отношениях с историческим Францем Кафкой. Формирование описанной зеркальной связи (через внутритекстовых представителей) между автором текста и «другим писателем» (в данном случае Кафкой), которая постоянно «вибрирует» в тексте, создает тот самый «танец», на который Зебальд, по И. Хессингу, «приглашает» других писателей в своей прозе [Hessing, Lenzen 2015: 86–87].

Чтобы начать действовать, *доктор К.* — персонаж, представляющий теперь «часть» писателя Зебальда, близкую Кафке, — получает положение в пространстве, направление и цель движения как в пространстве географическом (город Вена, куда направляется *доктор К.*), так и в событийном, коммуникативном (Конгресс по гигиене, в котором он собирается участвовать).

Сообщается и о душевном состоянии *доктора К.*, также «восстановленном» по письменным свидетельствам Кафки [Кафка 1998: 401]. Эмоциональный настрой субъекта восприятия важен Зебальду, поскольку влияет на способ интерпретировать происходящее, а значит, на эмоциональную окраску дальнейшего повествования. Об этом и сообщает следующая фраза, пересказывающая газетную заметку, попавшуюся на глаза *доктору К.* (посредством несобственно-прямой речи читающего персонажа в незримом присутствии нарратора). **«Вся дальнейшая судьба раненого существенно зависит от качества помощи на поле боя, читает он в газете, купленной в Гмюнде, но ведь и при бытовых несчастных случаях влияние первой помощи на последующий прогноз весьма велико. Фраза вселяет в доктора К. неизъяснимую тревогу, как и сам по себе предстоящий конгресс, плотно, будто бинтами, обмотанный общественными мероприятиями»** [Зебальд 2019: 129]. Дальнейшее содержание опосредованного монолога *доктора К.* (выделенные слова во втором предложении) позволяет предположить, что, как и субъ-

екты несобственно-прямой речи у самого Кафки⁵, он сам как раз и испытывает ощущения, о которых сообщает: давящее чувство связанности обстоятельствами или обязательствами, нарастающую тревогу. Выделенные слова в первой фразе дают основания предполагать связь его состояния с ощущением зависимости («зависит», «влияние»), ожиданием помощи извне (слово повторяется в двух вариантах) и страхом перед будущим («вся дальнейшая судьба», «помощь на поле боя»)⁶. В утверждаемую им как будто причинную связь внутреннего состояния *доктора К.* и содержания прочитанной статьи читатель, наслышанный о методе свободных ассоциаций Зигмунда Фрейда и знающий, что Кафка и сам проходил психоанализ и был этим методом увлечен⁷, едва ли поверит: текст подсказывает предположение, что причина тревоги глубже и лежит во внутреннем мире *доктора К.*

При этом «призванный» Зебальдом в качестве субъекта «чужого слова» *доктор К.* показан как самостоятельный и сложный персонаж. Он близок историческому Кафке — тоже связан по работе со страхованием от несчастных случаев, так же отправляется в сентябре 1913 г. в Вену на конгресс, посвященный мерам безопасности и оказанию помощи при несчастных случаях на производстве, что у него (как и у Кафки) вызывает чувство тревоги [Кафка 1998: 401, 423]), — но не тождествен ему. Это ясно видит литературовед Зебальд и специально подчеркивает для читателя, превращая эту нетождественность, с одной стороны, в игру, с другой — в увлекательное нарратологическое исследование. Кроме того, он как будто настаивает на праве говорящего субъекта сохранять определенную анонимность, акцентируя (в духе рассуждений Л. Витгенштейна о фундаментальной «неточности» памяти⁸) принципиальную нетождественность образов из памяти прообразам из прошлого⁹.

⁵ Н.С. Павлова убедительно интерпретирует несобственно-прямую речь у Кафки как важнейшую особенность его прозы и свидетельство «несвободного», «связанного сознания» [Павлова 2005].

⁶ Поскольку анализ затрагивает уровень лексики, приведем обсуждаемые две фразы на немецком языке: «Wie von der Qualität des **ersten Verbandes auf dem Schlachtfelde das Schicksal des Verwundeten abhängt**, liest er in einer Zeitschrift, die er in Gmünd gekauft hat, so ist die **erste Hilfe** bei den alltäglichen Unglücksfällen von **der grössten Bedeutung** für die Prognose. Dieser Satz **beunruhigt** Dr. K. **fast ebenso** wie der Hinweis auf **das Band** der gesellschaftlichen Veranstaltungen, das sich um den Kongress schlingen wird» [Sebald 1990: 163].

⁷ См., напр., запись в дневнике Кафки от 23 сентября 2012 г. (по поводу рассказа «Приговор») [Кафка 1998: 166–167].

⁸ См., напр., рассуждения о Моисее и «Моисее» в «Философских исследованиях» [Витгенштейн 1994: 116].

⁹ Мысль о принципиальной нетождественности образа писателя в «памяти культуры» историческому писателю (в контексте идеологической опасности подобной иллюзии) встречается и у Кафки, в частности, в «Дневниках» [Кафка 1998: 114].

Пространственному перемещению субъекта ставится в соответствие динамика его эмоционального состояния. В данном случае сгущается атмосфера напряженности, нарастают тревога и пессимизм: «За окном уже станция **Хайлигенштадт. Пустая, зловещая**, с порожними составами. Осталось лишь несколько остановок» [Зебальд 2019: 129]. Ограниченный первым абзацем смысловой виток повествования, развернувшийся из изначального единства «голоса» и даты, завершается позиционированием всей ситуации относительно более широкого контекста: для *доктора К.* констатируется невозможность что-либо изменить, ибо шанс на это уже упущен: «Доктору К. совершенно ясно, что нужно было на коленях умолять директора не брать его с собой. Но теперь-то, конечно, **поздно**» [там же].

Диалогическая ситуация *доктора К.* у Зебальда

Ситуация *доктора К.* как субъекта несобственно-прямой речи включает, таким образом, направление и цель движения, а также динамику внутреннего состояния, определяющую отношение к воспринимаемому. Такова его «диалогическая ситуация», которая выражает «потребность диалога», предшествуя «реальному диалогу и даже существованию языка для него» [Лотман 2024: 222]. Действительно, дальнейшее взаимодействие *доктора К.* с «рассказываемым» пространством диалогично на разных уровнях — включая взаимодействие пространств и культур, исследуемое Лотманом в «Механизмах диалога» [Лотман 2024: 221–235].

Диалог внешнего и внутреннего пространств («медиумом» которого является *доктор К.*, а свидетелем — нарратор) начинается уже во втором абзаце через параллельную детализацию внешних обстоятельств и внутренних переживаний. Оба плана находятся во взаимной соотношенности почти так, как у Кафки, например, в случае *Йозефа К.* в «Процессе» (особенно хорошо это видно в первой главе [Kafka 1960: 7–27]). Фокус внимания *доктора К.* попеременно сосредоточивается то на все точнее конкретизируемых обстоятельствах, то на собственных ощущениях, чем иллюстрируется взаимодействие внешнего и внутреннего «миров»: «В Вене доктор К. разместился в отеле “Матчакерское подворье”, из почтения к Грильпарцеру, который всегда там обедал» [Зебальд 2019: 129]; «Большую часть времени доктор К. **чувствует себя отвратительно**. Он **крайне подавлен**, и у него **что-то со зрением**» [Зебальд 2019: 130]; «И хотя он говорит “нет” почти всякий раз, когда его куда-нибудь приглашают, тем не менее, ему кажется, он все время **окружен просто чудовищным количеством людей**» [там же]. Такой постоянный взаимообмен между внешним и внутренним аспектами жизни через корреляции восприятия «сознания, проявляющегося

в романе» и «сознания героя» [Павлова 2005: 150] литературоведы нередко называют одним из прорывных достижений Кафки-писателя [Was bleibt... 1985].

У Зебальда диалог внутреннего и внешнего строится похожим образом и тоже основан на привлечении универсального языка символов, на котором, по К.Г. Юнгу, «говорит» бессознательное. Так, проблемы со зрением («что-то со зрением») у *доктора К.* неразрывно связаны с искажением восприятия, обусловленным эмоциональным состоянием («чувствует себя отвратительно», «крайне подавлен»). Детализация внешних обстоятельств и ощущений *доктора К.* отнюдь не произвольна: Зебальд опирается на письменные источники — в данном случае, на дневники и письма Кафки и автобиографические путевые заметки Франца Грильпарцера. Но фактами дело не ограничивается: привлекается «диалектическое воображение» [Hutchinson 2009], ориентированное на совпадения в духе «синхронистичности» К.Г. Юнга [Юнг 2024: 207–360]) или «семейного сходства» в понимании Людвига Витгенштейна, и диалогическая ситуация дополняется невидимыми слоями и обстоятельствами. Вокруг субъекта, взявшего на себя роль «медиума», обнаруживается «другой» мир — «призрачный план», соотносимый Зебальдом, скорее, с «пространством культуры» (у Кафки — с «пространством смерти»).

В рассматриваемом эпизоде незримым соучастником коммуникации оказывается Франц Грильпарцер (1791–1872), к описываемому времени давно умерший. Для Кафки этот писатель играл примерно такую же роль, какую сам Кафка играет по отношению к Зебальду — близкий по духу писатель прошлого, давно покинувший этот мир, но высоко ценимый автором текста. В выстраиваемой диалогической ситуации *доктора К.* Грильпарцер принимает на себя функцию «связного» — через него тот обнаруживает свою связь с «другим» пространством. Правда, платой за установление связи становится усиление призрачных черт самого *доктора К.* — теперь «он сидит за столом, **будто привидение, жестоко страдая** от агорафобии, и каждый скользнувший по нему взгляд пронзает **его насквозь**» [Зебальд 2019: 130]. «Связной» тоже участвует в коммуникации, хотя и не самым приятным образом: «Рядом с ним, **некоторым образом** почти вплотную, **Франц Грильпарцер**, уже невероятно старый. **Злобно кривляется**, а один раз даже **кладет руку ему на колено**» [там же]. Вообще в тексте Зебальда «призрачные фигуры» нередко вводят важные лейтмотивы, часто самым своим поведением. В данном случае, действие призрака, который «кладет руку <...> на колено», дает отсылку к финалу рассказа «Охотник Гракх», который является «осевым» претекстом «Головокружений» [Schmucker 2011].

На примере «Головокружений» мы убедились, что фигура Кафки занимает особое место в прозе Зебальда: текст Кафки непосредственно участвует в формировании «второго голоса», сопровождающего «голос нарратора» на протяжении всего повествования. На этом фоне в третьей новелле «Головокружений» («Доктор К. едет в Риву, на воды») исторический Кафка оказывается прообразом главного персонажа новеллы *доктора К.* Кафка поддерживает и ряд других художественных особенностей рассматриваемого текста. Во-первых, «эффект удвоения» персонажа (подобный эффекту «умножения автора» в силу неполной тождественности автора-человека, его голоса в тексте и я-рассказчика). Через «удвоение Кафки» Зебальд делает «зримым» для читателя принципиальное несовпадение человека и его внутритекстового голоса, а также исторической фигуры и ее образа в коллективной памяти. Во-вторых, поддерживает коммуникацию с «другим» пространством — которое у Зебальда предстает не столько «пространством смерти», сколько пространством культуры. В «Головокружениях» именно Кафка обеспечивает постоянную «связь» с «ноосферой» (В.И. Вернадский) — как для автора, нарратора и персонажей, так и для читателя: связь формируется и поддерживается не только через текст, созданный Кафкой при жизни, но и через его образ в коллективной памяти, который хотя и не тождествен историческому Кафке, но продолжает существовать и изменяться в «пространстве культуры», приглашая желающих к диалогу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I / Сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой; пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М., 1994.
2. Лотман Ю.М. Механизмы диалога // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб., 2024. С. 221–235.
3. Новикова С.Ю. Триумф памяти: проза В.Г. Зебальда в отечественном театре // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2021. Т. 6 (1). С. 46–69.
4. Павлова Н.С. Форма речи как форма смысла: «Процесс» Фр. Кафки // Павлова Н.С. Природа реальности в австрийской литературе. М., 2005. С. 148–168.
5. Соколова Е.В. «Развертывание» Времени как текстопорождающий принцип у В.Г. Зебальда («Головокружения») // Человек: образ и сущность. 2019. 3 (38). С. 132–150.
6. Уайт Х. Практическое прошлое / пер. с англ. К. Митрошенкова и А. Арамяна; предисл. А. Олейникова. М., 2024.
7. Юнг К.Г. Синхронистичность как принцип акаузальной взаимосвязи; О синхронистичности // Юнг К.Г. Реальное и сверхреальное. М., 2024. С. 207–360; 363–382.
8. Blackler D. Reading W.G. Sebald: adventure and disobedience. New York, 2007. XV, 255 p.

9. Catling J. Europäische Flanerien: W.G. Sebalds intertextuelle Wanderungen zwischen Melancholie und Ironie // Gedächtnis und Widerstand. Festschrift für Irene Heidelberger-Leonard / Hrsg. von Tabah M. Tübingen, 2009. S. 139–154.
10. Hensing J., Lenzen V. Sebalds Blick. Göttingen, 2015.
11. Hutchinson B. W.G. Sebald: Die dialektische Imagination. Berlin, 2009.
12. Klebes M. Infinite Journey: From Kafka to Sebald // W.G. Sebald: A Critical Companion / Long J. J. and Whitehead A. (eds.). Edinburgh, 2004. Pp. 123–139.
13. McCulloh M. The stylistics of stasis: paradoxical effects in W.G. Sebald // Style. 2004. Vol. 38 (1). Pp. 38–49.
14. Possnock R. “Don’t think, but look!”: W.G. Sebald, Wittgenstein and Cosmopolitan Poverty // Representations. 2010. 112. P. 112–139.
15. Prager B. Sebald’s Kafka // W. G. Sebald: History—Memory—Trauma / Ed. by Denham S., McCulloh M. Berlin, 2006. Pp. 105–126.
16. Schmucker P. Grenzüber tretungen. Intertextualität im Werk von W.G. Sebald: Inaugural Diss. zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie. Nürnberg, 2011. 462 S.
17. Simon U. Der Provokateur als Literaturhistoriker. Anmerkungen zu Literaturbegriff und Argumentationsverfahren in W.G. Sebalds essayistischen Schriften // Sebald. Lektüren / ed. by M. Atze, F. Loquai. Eggingen, 2005. S. 78–104.
18. Ward L. A simultaneous Gesture of Proximity and Distance: W.G. Sebald’s empathic narrative Persona // Journal of Modern Literature. 2012. Vol. 36 (1). Pp. 1–16.
19. Was bleibt von Franz Kafka? / Hrsg. von W. Schmidt-Dengler. Wien, 1985. 210 S.
20. Wolff L.L. The “solitary mallard”: On Sebald and translation // Journal of European studies. 2011. Vol. 41 (3/4: Special Issue: W.G. Sebald). Pp. 323–340.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Кафка Ф. Дневники / пер. с нем. Е. Кацевой. М., 1998.
2. Кафка Ф. Неизвестный Кафка: Рабочие тетради. Письма... / Пер. с нем. Г.Б. Ноткина. СПб., 2003.
3. Кафка Ф. Охотник Гракх / Пер. с нем. С.К. Апта // Кафка Ф. Процесс. Замок: романы, новеллы и притчи. Афоризмы. Письмо отцу. Завещание. М., 2004. С. 676–680.
4. Зебальд В.Г. Головокружения / Пер. с нем. Е.В. Соколовой. М., 2019.
5. Kafka F. Der Prozess. Frankfurt a. M., 1960.
6. Sebald W.G. Schwindel. Gefühle. Frankfurt a. M., 1990. 301 S.

REFERENCES

1. Vitgenshtejn L. *Filosofskie raboty. Chast’ I* [Philosophical Works. Part I]. Moscow: Gnozis, 1994. 612 p. (In Russ.)
2. Lotman Ju.M. *Mehanizmy dialoga* [Dialogue mechanisms] in Lotman Ju.M. *Vnutri mysljashhih mirov*. Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2024. Pp. 221–235. (In Russ.)
3. Novikova S.Iu. *Triumf pamiati: proza V.G. Zebal’da v otechestvennom teatre* [Triumph of memory: prose by W.G. Sebald in modern Russian theater]. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel’nykh i kul’turnykh issledovanii*. 2021, vol.6 (1), pp. 46–69. (In Russ.)
4. Pavlova N.S. *Forma rechi kak forma smysla: «Process» Fr. Kafki* [Form of Speech as Form of Meaning: Franz Kafka’s “The Trial”] in Pavlova N.S. *Priroda real’nosti v avstrijskoj literature*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul’tury, 2005. Pp. 148–168. (In Russ.)

5. Sokolova E.V. «Razvertyvanie» Vremeni kak tekstoporozhdajushij princip u V.G. Sebal'da («Golovokruzhenija») [The “unfolding” of Time as a text-generating principle in W.G. Sebald (“Vertigo”)]. *Chelovek: obraz i sushhnost'*. 2019, vol. 38 (3), pp. 132–150. (In Russ.)
6. Uajt H. *Prakticheskoe proshloe* [The practical past]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 1928 p. (In Russ.)
7. Jung K.G. Sinhronistichnost' kak princip akauzal'noj vzaimosvjazi; O sinhronistichnosti [Synchronicity as a principle of acausal interconnection; About synchronicity] in Jung K.G. *Real'noe i sverhreal'noe*. Moscow: AST, 2024. P. 207–360; 363–382. (In Russ.)
8. Blackler D. *Reading W.G. Sebald: adventure and disobedience*. New York: Camden House, 2007. XV, 255 p.
9. Catling J. Europäische Flanerien: W.G. Sebalds intertextuelle Wanderungen zwischen Melancholie und Ironie in *Gedächtnis und Widerstand*. *Festschrift für Irene-Heidelberger-Leonard*. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2009. Pp. 139–154.
10. Hessing J., Lenzen V. *Sebalds Blick*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2015. 264 p.
11. Hutchinson B. *W.G. Sebald: Die dialektische Imagination*. Berlin: De Gruyter, 2009. 196 p.
12. Klebes M. Infinite Journey: From Kafka to Sebald in Long J. J., Whitehead A. (eds.) *W. G. Sebald: A Critical Companion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. Pp. 123–139.
13. McCulloh M. The stylistics of stasis: paradoxical effects in W.G. Sebald. *Style*, 2004, vol. 38 (1), pp. 38–49.
14. Possnock R. “Don’t think, but look!”: W.G. Sebald, Wittgenstein and Cosmopolitan Poverty. *Representations*. 2010, vol. 112, pp. 112–139.
15. Prager B. Sebald’s Kafka in Denham S., McCulloh M. (eds.) *W. G. Sebald: History—Memory—Trauma*. Berlin: De Gruyter, 2006, pp. 105–126.
16. Schmucker P. *Grenzübertretungen. Intertextualität im Werk von W.G. Sebald: Inaugural Diss. zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie*. Nürnberg, 2011. 462 p.
17. Simon U. Der Provokateur als Literaturhistoriker. Anmerkungen zu Literaturbegriff und Argumentationsverfahren in W.G. Sebalds essayistischen Schriften, in Atze M., Loquai F. (eds.) *Sebald. Lektüren*. Eggingen: Edition Isele, 2005. Pp. 78–104.
18. Ward L. A simultaneous Gesture of Proximity and Distance: W.G. Sebald’s empathic narrative Persona. *Journal of Modern Literature*. 2012, vol. 36 (1), pp. 1–16.
19. Schmidt-Dengler W. (ed.) *Was bleibt von Franz Kafka?* Wien: Braumüller, 1985. 210 p.
20. Wolff L.L. The “solitary mallard”: On Sebald and translation. *Journal of European studies*. 2011, vol. 41 (3/4: Special Issue: W.G. Sebald), pp. 323–340.

SOURCES OF EXAMPLES

1. Kafka F. *Dnevnik* [Dairies]. Moscow: Agraf, 1998. 448 p. (In Russ.)
2. Kafka F. Neizvestnyj Kafka: Rabochie tetradi. Pis'ma [Unknown Kafka. Workbooks. Letters], G.B. Notkin (transl.) Saint-Petersburg: Akademicheskij proekt, 2003. 384 p. (In Russ.)
3. Kafka F. Ohotnik Grakh [Hunter Gracchus], S.K. Apt (transl.) in Kafka F. *Process. Zamok: romany, novelly i pritchi. Aforizmy. Pis'mo otcu. Zaveschhanie*. Moscow: Pushkinskaja biblioteka, 2004. Pp. 676–680. (In Russ.)
4. Sebald W.G. *Golovokruzhenija* [Vertigo]. Moscow, Novoje Izdatelstvo, 2019. 234 p. (In Russ.)

5. Kafka F. *Der Prozess*. Frankfurt a. M.: Fischer, 1960. 171 p.
6. Sebald W.G. *Schwindel. Gefühle*. Frankfurt a. M.: Fischer, 1990. 301 p.

Поступила в редакцию 22.12.2025

Отредактирована 18.04.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received 22.12.2025

Revised 18.04.2026

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Елизавета Всеволодовна Соколова — к.ф.н., ведущий научный сотрудник, зав. отделом литературоведения ИНИОН РАН; e.v.sokolova@inion.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta V. Sokolova — PhD, Leading Research Fellow, Head of the Department of Literary Studies, Institute of Information for Social Sciences of Russian Academy of Sciences; e.v.sokolova@inion.ru

КОМИЧЕСКОЕ И ПРИНЦИПЫ ЕГО ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОВЕСТИ А. ВОЛКОВА «ВОЛШЕБНИК ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА»

Я.В. Мазина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; yaninamazina@gmail.com*

Аннотация: Проводится анализ средств комического и их роли в создании сюжетных ситуаций, характеров и конфликта сказочной повести А. Волкова «Волшебник Изумрудного города», исследованы этические и дидактические функции комического в их воздействии на юного читателя. Спор о приоритетных качествах живой природы решается на уровне комического противопоставления ума/глупости — рассудочности/сердечности, а также трусости/храбрости, которые обретают дополнительную смысловую нагрузку благодаря приему парного контраста безобразного и прекрасного, наивного и высокого, приземленного и идеального, что позволяет глубже понять метафорический смысл сказочных образов. Выявлено, что комическое начало позволяет адресовать повесть-сказку Волкова читателям разного возраста — детям и взрослым, — которые осмысливают вопросы философского характера, переплетающиеся с карнавальным началом, каждый на своем уровне.

Ключевые слова: комическое; «Волшебник Изумрудного города»; детская литература; самоирония; парадоксальный характер; А.М. Волков

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-12

Для цитирования: Мазина Я.В. Комическое и принципы его воплощения в повести А. Волкова «Волшебник Изумрудного города» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 146–153.

THE COMIC AND ITS PRINCIPLES OF EMBODIMENT IN A. VOLKOV'S FAIRY TALE THE WIZARD OF THE EMERALD CITY

Yanina V. Mazina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; yaninamazina@gmail.com

Abstract: This article analyses the means of comic and their role in creating plot situations, characters and conflict within A. Volkov's fairy tale *The Wizard of the Emerald City*

Emerald City. The article examines the ethical and didactic functions of comic and their influence on young readers. The dispute about the priority qualities of living nature is resolved at the level of comic opposition of intelligence/stupidity — rationality/heartiness as well as cowardice/courage which acquire additional meaning through the technique of paired contrast between the ugly and the beautiful, the naive and the sublime, the mundane and the ideal, thereby allowing for a deeper understanding of the metaphorical significance of fairy tale images.

It has been revealed that the comic element allows Volkov's fairy tale to be addressed to readers of different ages — both children and adults — who contemplate philosophical questions intertwined with carnival elements, each at their own level.

Keywords: comic; *The Wizard of the Emerald City*; literature for children; self-irony; paradoxical character; A. Volkov

For citation: Mazina Y.V. (2026) The Comic and Its Principles of Embodiment in A. Volkov's Fairy Tale *The Wizard of the Emerald City*. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 146–153.

Жанровые возможности повести А. Волкова «Волшебник Изумрудного города» (1939) во многом определило присутствие комического начала. Известно, что у этой повести есть первоисточник, повесть Л.Ф. Баума *The Wonderful Wizard of Oz*, о характере использования которой до сих пор идут споры [Левченкова 2009; Кузина 2015; Галкина, Полева 2024], но Волков, сохранив основные сюжетные линии Баума, все же смог создать произведение особенное, обладающее своим колоритом, в том числе благодаря особенностям комического.

Проявлению комического начала во многом способствует система персонажей, основанная на сквозном противопоставлении героев, образующих пары.

Так, пара *Страшила и Железный Дровосек* построена на противопоставлении ума/глупости и рассудочности/сердечности. Этому подчинено изображение внешности, нюансов речи, мыслей и желаний. Оба персонажа являются подобием человека, и в каждом раскрываются человеческие свойства. Страшила — огородное пугало: «Чучело было одето в поношенный голубой кафтан; кое-где из прорех кафтана торчала солома. На голове была старая, потертая шляпа, с которой были срезаны бубенчики...» [Волков 1978: 24]¹. Пародию на человеческое представляет и его разрисованное лицо. В Страшילה есть элементы клоунады, сначала внешней, а в дальнейшем и внутренней. Постепенно Страшила вырастает в высокого героя, не только высказывающего умные мысли, но и обнаружива-

¹ Ниже «Волшебник Изумрудного города» цитируется по этому изданию, номера страниц указываются в тексте в круглых скобках после цитаты.

ющего жизненную мудрость еще до обретения «мозгов». В его образе прослеживается типологическая общность с фольклорными героями-дураками.

Внешность Железного Дровосека также противопоставлена человеческой: «Голова его, руки и ноги были прикреплены к железному туловищу на шарнирах; на голове вместо шапки была медная воронка, галстук на шее был железный» (с. 34). В этом портрете автор реализует пародийный вариант «нового человека», «человека-машины», «всего себя отдающего решению общественных проблем» [Октябрьская 2016: 155]. Волков иронично соединяет в герое практически несоединимое — галстук интеллигента, медную воронку и масленку рабочего и т. д.

К портретной характеристике добавляется и речевая, демонстрирующая своеобразие характеров персонажей. Так, Страшила в начале книги путает слова, переполнен эмоциями и не способен выразить свои чувства, поэтому заменяет их звукоподражанием: «Пршт... Фршт... Стрш... прыбры... хрыбры...» (с. 118), смешивает разные эмоциональные отклики на происходящее — гнев, плач и хохот, каламбурит, играет паронимами: «видишь, какой я путник... то есть, нет, путаник» (с. 26). В словах «чрезвычайно сознателен... то есть признателен» (с. 26) обнаруживается на уровне подсознания принципиальная важность обретения мозгов, а оговорка «Все это отвратительно... то есть, я хотел сказать, удивительно» (с. 130) обнаруживает истинную этическую оценку поступков Гудвина.

Речь Железного Дровосека, наоборот, подчеркнута грамотна и логически выстроена. Он представляет собой существо вполне развитое, опытное и социализированное и снисходителен к тем, кто более наивен. Некоторое противостояние Страшилы и Железного Дровосека намечено с самого начала их знакомства. В спорах Дровосека и Страшилы об уме и счастье принимают участие и другие персонажи, каждый из которых выступает на стороне того или иного участника этой комичной пары. Так, Ворона представляет «рассудочную» антитезу Страшиле, а наивность Страшилы противостоит хитрости и коварству Людоеда.

Натурой и поведением Людоед противостоит Страшиле, а внешностью — Дровосеку, пародируя и того, и другого одновременно. Его внешность странная и устрашающая, но при этом комично нелепая: «Голова его походила на котел, а туловище — на бочку. У него были длинные руки, как у гориллы, а ноги обуты в высокие сапоги с толстыми подошвами. На нем был косматый плащ из звериных шкур. На голову вместо шлема Людоед надел большую медную кастрюлю, ручкой назад, и вооружился огромной дубиной с шишкой на конце, утыканной острыми гвоздями» (с. 48).

Страшила описан с добродушным юмором, направленным на привычки героя и стиль его речи. Он способен к самоиронии, которой не обладают ни Элли, ни Железный Дровосек, ни Тотошка. Самоирония предполагает трезвую самооценку, определенный уровень зрелости.

По мере развития сюжета и «взросления» героя Страшила начинает самостоятельно и оригинально думать. Так, именно ему пришла в голову мысль срубить дерево и сделать из него мост через пропасть. Постоянно подчеркивая ум якобы лишенного мозгов Страшилы, Волков создает парадоксального персонажа (см. об этом: [Октябрьская 2016: 155]). Парадоксальное есть и в других персонажах: Железном Дровосеке, Трусливом Льве, Гудвине и Элли.

Способ создания системы персонажей, в основе которого лежит принцип парадоксального сопоставления, явно свидетельствует о том, что комическое является важным композиционным началом книги. Полемика между Страшилой и Железным Дровосеком, по сути являющаяся версией классического спора о разуме и чувстве, ведется в юмористическом ключе, что, казалось бы, снижает уровень серьезности проблемы, но именно в таком виде она понятнее ребенку.

В спор о приоритетных качествах живой природы вступает и Лев, который тоже стремится обрести то, чем по рождению должен обладать. Рефлексия заставляет Льва сомневаться в собственных силах, Трусливый Лев — парадоксальный персонаж, характер которого построен на соединении противоположных качеств: его изначально хищническая природа противопоставлена поведению и характеру персонажа, в котором неожиданно соединились природный инстинкт с вниманием и чуткостью к друзьям. Мнимое отсутствие храбрости толкает Льва на неожиданные поступки. Внутренне страшаяся любого, он грозно рычит при встрече с неизвестным существом и прикрывает свой недостаток нападением на путников. Трусливый Лев не сильно озабочен наличием у себя мозгов: «Есть, вероятно. Я их никогда не видел» (с. 53). Зато в процессе развития сюжета он проявляет находчивость и смекалку, а также храбрость. При этом его не беспокоит и «сердечная болезнь», волнующая Железного Дровосека, хотя он и не сомневается в наличии у себя сердца, наоборот, считает, что именно сердечность мешает ему быть храбрецом: «Если бы у меня не было сердца ... может быть, я и не был бы трусом» (с. 53). Таким образом, тема соотношения разума и чувства с появлением Трусливого Льва дополняется новым ракурсом: сердечность должна быть разумной и подкрепляться способностью смело защищать тех, кто дорог, поэтому в противопоставление ума/глупости и рассудочности/сердечности добавлено еще

одно звено — «храбрость/трусость». Волкову важно обратить внимание не только на наличие этих качеств у грозного хищника, но и показать, что они не зависят от силы и размера. Задиристость, безудержная храбрость и сердечная преданность хозяйке щенка Тотошки противопоставлены осторожности и пугливости Трусливого Льва. Однако Лев, как Дровосек и Страшила, борется с важной для него дилеммой: мечтая стать таким же храбрым, как саблезубые тигры, он опасается перенять их кровожадность и беспощадность, вместе с трусостью боится утратить свои милосердие, отзывчивость, доброту. Он никого не презирает, а испытывает сочувствие и нежность к другим, но боится это показать открыто, иронизируя над самим собой: «Смешное животное, — сказал Лев. — Только такой трус, как я, и мог напасть на такую крошку...» (с. 53). Кульминацией сомнений Льва становится сцена перед тронным залом Гудвина, где он стремится получить смелость, хотя и переминается с ноги на ногу. Сама храбрость сосредоточена в странном напитке — смеси шипучего кваса с валерьянкой, который призван, не причиняя вреда самой природе Льва, уравновесить его желания, придав герою энергию, храбрость и предприимчивость и одновременно спокойствие и рассудительность.

Элементы комического проявляются не только в речи, поведении и внешности персонажей, но и на уровне сюжета, создавая комизм положения. Наивный Страшила оказался висящим на шесте посреди реки без опоры под ногами. Спасает его Аист, при этом комично тщеславие персонажа, которому приятно помогать другим, особенно когда это не стоит ему большого труда (с. 67). Волков высмеивает гордыню Аиста, описывая, среди прочего, и его мимику: «— Я подумаю, — важно сказал Аист и закрыл правый глаз. Но левый глаз он закрыл еще раньше» (с. 66).

В комическое положение попадают и Мигуны, вынужденные по приказу злой колдуньи Бастинды вступить в бой с Трусливым Львом: «у них и не было никакого оружия, и они вооружились кто кастрюлей, кто сковородником, кто цветочным горшком, а некоторые громко хлопали детскими хлопушками» (с. 103). Утрированный образ горе-войска создается на основе несоответствия обычных представлений о правильном вооружении — сниженной реальности, где вместо оружия используются бытовые предметы.

Принцип комического несоответствия реализуется также и в противопоставлении главной героини Элли и Железного Дровосека. Оба они сердечно и наивно относятся к друзьям и спутникам, но в желаниях своих они различны: девочка по-детски хочет домой к родителям, а Железный Дровосек хочет вернуть себе сердце, чтобы вернуться к возлюбленной. Образ девочки не производит коми-

ческого эффекта, скорее наоборот, она представлена слишком серьезной для ребенка. Тотошка комичен, так как в нем очевидно несоответствие внешней незначительности внутренней готовности защитить хозяйку. При этом Тотошка, как и другие персонажи, по ходу развития сюжета существенно меняется, что сказывается на использовании средств комического. Если вначале автор активно обращается к иронии и юмору, показывая, как, к примеру, Тотошка лает на тучи, будто пугает их, а сам боится грозы, то постепенно такой принцип изображения меняется, хотя совсем Волков не отказывается от легкой иронии и добродушного юмора при изображении характера и поступков Тотошки. Например, впервые увидев щенка, Трусливый Лев обращает внимание на поразившее его противоречие: «Скажи, какая маленькая, а ведь храбрая!» (с. 53). Смешна и завышенная самооценка щенка: «У нас в Канзасе все собаки такие! — с гордостью молвил Тотошка» (с. 53). Но и у гордеца есть слабое место — желание свести счеты «с соседским щенком, хвастунишкой Гектором» (с. 53).

Главы первой части книги в значительной степени посвящены знакомству с персонажами и демонстрации комических несоответствий в их образах. По мере приближения их к Изумрудному городу автор все меньше пользуется приемами мягкой иронии и юмора, все больше усиливает сатиру. Так, Дин Гиор, солдат, призванный охранять дворец Гудвина, основное время проводит в любовании собственной бородой и уходе за ней, поэтому место оружия в его руках занимают «зеркальце и гребешок» (с. 83). Осмеиваются и придворные: «В зале рядом с тронным собрались придворные кавалеры и дамы в нарядных костюмах. Гудвин никогда не выходил к ним и не принимал их у себя. Однако в продолжение многих лет они каждое утро проводили во дворце, пересмеиваясь и сплетничая; они называли это придворной службой и очень гордились ею» (с. 87).

Сатирически изображены не только отдельные правители как носители зла и противники свободы, система власти как таковая. В стране Мигунов после гибели злой волшебницы Бастинды встал вопрос о новом правителе. Предложение выбрать Железного Дровосека отражает пренебрежительное отношение избирателей к власти: «Подумайте и о том, как удобен такой правитель: он не ест, не пьет и, значит, не будет обременять нас налогами. И если он пострадает в битве с врагами, мы сможем почистить его: у нас уже есть опыт» (с. 120).

Соотношение комического и фантастического в «Волшебнике Изумрудного города» находится в обратной зависимости: по мере возрастания фантастики во второй части книги доля комизма, наоборот, уменьшается. В третьей части комическая фантастика за-

мещается весьма снисходительной иронией, не только подводящей итог приключениям героев, но выражающей отношение автора к жизни и власти: воплощение мечты, исполнение желаний чаще всего приводит к умиротворению персонажа и его опошлению: «Сделавшись правителем, Страшила сразу осуществил свои давнишние мечты: он завел себе зеленый бархатный костюм и новую шляпу, к полям которой приказал подшить серебряные бубенчики от старой шляпы; на ногах у него блестели ярко начищенные зеленые сапоги из самой лучшей кожи» (с. 144).

Образ Гудвина тоже воплощен через призму сатиры и парадокса: правителем центрального города волшебной страны становится цирковой артист, который благодаря своим трюкам, умению манипулировать другими и знанию человеческой психологии сумел стать Великим и Ужасным, внушить страх и веру в свое могущество. Комичны и отрицательные персонажи в своем стремлении наказать неповинующихся, но при этом страдающие разными фобиями, к примеру, как Бастинда, боязнью воды.

Итак, комическое в повести представлено разнообразно: это и простодушная насмешка, и сатира. Антитезе «ум/глупость» и «рассудочность/сердечность» последовательно подчинены изображение внешности персонажей, нюансы речи, передача мыслей и желаний. Автор использует приемы реализации метафоры, эксцентрики, порой достигающую фантастических размеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков А.М. Волшебник Изумрудного города. М., 1978.
2. Галкина Т.В., Полева Е.А. Рукописи А.М. Волкова как ключи к пониманию развития авторского замысла сказки «Волшебник Изумрудного города» // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2024. Вып. 4 (234). С. 154–168.
3. Кузина Ю.В. Система художественных образов в сказочной повести Л.Ф. Баума «The Wonderful Wizard of Oz», ее переводе на русский язык С. Белова и русскоязычной литературной интерпретации А.М. Волкова: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015.
4. Левченкова О.С. Особенности переводов-переложений в русской детской сказке 1930–50-х гг. // Голоса молодых ученых. Сборник научных публикаций иностранных и российских аспирантов и докторантов-филологов. М., 2009. Т. 22. С. 43–52.
5. Октябрьская О.С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–50-х годов. М., 2016.

REFERENCES

1. Volkov A.M. *Volshebnik Izumrudnogo goroda* [The Wizard of the Emerald City]. Moscow, *Izdatel'stvo "Sovetskaya Rossia"*, 1978. 176 p. (In Russ.)
2. Galkina T.V., Poleva E.A. *Rukopisi A. M. Volkova kak klyuchi k ponimaniyu razvitiya avtorskogo zamysla skazki «Volshebnik Izumrudnogo goroda»* [The Manu-

scripts of A.M. Volkov as Keys to Understanding the Development of the Author's Concept in the Tale "The Wizard of the Emerald City". *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*, 2024. no. 4 (234), pp. 154–168. (In Russ.)

3. Kuzina Yu.V. *Sistema khudozhestvennykh obrazov v skazochnoj povesti L.F. Bauma «The Wonderful Wizard of Oz», eyo perevode na russkij yazyk S. Belova i russkoyazychnoj literaturnoy interpretacii A.M. Volkova*. Avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. [The System of Artistic Images in L.F. Baum's Fairy Tale "The Wonderful Wizard of Oz", its Translation into Russian by S. Belov, and the Russian Literary Interpretation by A.M. Volkov. Abstract of the Thesis]. Yekaterinburg, 2015. 22 p. (In Russ.)
4. Levchenkova O.S. Osobennosti perevodov-perelozhenij v russkoj detskoj skazke 1930–50-h gg. *Golosy molodykh uchyonnykh. Sbornik nauchnykh publikacij inostrannykh i rossijskikh aspirantov i doktorantov-filologov* [Features of Translations and Adaptations in Russian Children's Fairy Tales of the 1930s–50s. Voices of Young Academicians. Collection of Academic Publications by Foreign and Russian Postgraduate and Doctorate Students in Philology]: Moscow, MAKS Press, 2009. Vol. 22, pp. 43–52. (In Russ.)
5. Oktyabrskaya O.S. *Formirovanie i razvitie zhanrovoj sistemy v russkoj detskoj proze 1920–50-h godov*. [The Formation and Development of the Genre System in Russian Children's Prose of the 1920s–50s.] Moscow, MAKS Press, 2016. 248 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 14.12.2025

Отредактирована 19.03.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received 14.12.2025

Revised 19.03.2026

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Янина Владимировна Мазина — старший преподаватель, факультет глобальных процессов, МГУ имени М.В. Ломоносова; yaninamazina@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Yanina V. Mazina — Senior Lecturer, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University; yaninamazina@gmail.com

**В. КАВЕРИН КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЕРОЙ
(РОМАНЫ В. КАВЕРИНА «СКАНДАЛИСТ,
ИЛИ ВЕЧЕРА НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ»
И О. ФОРШ «СУМАСШЕДШИЙ КОРАБЛЬ»)**

С.А. Румянцева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; sonya_kit-kit@mail.ru*

Аннотация: Статья представляет собой историко-литературный анализ роли В. Каверина в литературной жизни России начала 1920-х годов. Основное содержание сосредоточено на эволюции В. Каверина от формалистских экспериментов и участия в объединении «Серапионовы братья» к реалистической прозе. Статья раскрывает писателя как литературного героя, делающего выбор между теорией литературы и художественной практикой, который отражен в его художественном творчестве и мемуарах. В качестве материала анализируются романы В. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» и О. Форш «Сумасшедший корабль». Отдельное внимание уделяется жанру «романа с ключом» как своеобразному явлению литературного процесса 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: В. Каверин; О. Форш; роман с ключом; формализм; Серапионовы братья; В. Шкловский; «Сумасшедший корабль»; «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-13

Для цитирования: Румянцева С.А. В. Каверин как литературный герой (романы В. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» и О. Форш «Сумасшедший корабль») // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 154–162.

**V. KAVERIN AS A LITERARY HERO (IN THE NOVELS
THE BRAWLER, OR EVENINGS ON VASILYEVSKY ISLAND
BY V. KAVERIN AND THE CRAZY SHIP BY O. FORSH)**

Sofya A. Rumyantseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; sonya_kit-kit@mail.ru

Abstract: The article is a historical and literary analysis of the role of V. Kaverin in the literary life of Russia in the early 1920s. The main content focuses on the

evolution of V.A. Kaverin from formalist experiments and participation in the association of the “Serapion Brothers” to realistic prose. The article reveals the writer as a literary hero who makes a choice between literary theory and artistic practice, which is reflected in his artistic work and memoirs. The novels of Kaverin *The Brawler, or Evenings on Vasilyevsky Island* and O. Forsh *Crazy Ship* are analyzed as material. Special attention is paid to the genre of the “novel with a key” as a peculiar phenomenon of the literary process of the 1920s and 1930s.

Keywords: V. Kaverin; O. Forsh; roman à clef; formalism; “The Serapion Brothers”; V. Shklovsky; *The Crazy Ship*; *The Brawler, or Evenings on Vasilyevsky Island*

For citation: Rumyantseva S.A. (2026) V. Kaverin as a Literary Hero (in the Novels *The Brawler, or Evenings on Vasilyevsky Island* by V. Kaverin and *The Crazy Ship* by O. Forsh). *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 154–162.

В 1920 г. Дом литераторов объявил конкурс рассказов, на котором с дебютом выступил В. Каверин, недавно переехавший в Петроград из Москвы. Будущий писатель перевелся с историко-филологического факультета Московского университета на философский факультет ЛГУ. Каверин размышляет, что ему ближе — создавать литературу или изучать ее. Этот вопрос еще долго будет его терзать, и именно эти метания определяют авторский стиль — с одной стороны, он увлечен авантурным сюжетом, желая погрузить читателя в художественный мир, с другой — он движется не на ощупь, а применяя подходы разных теоретических школ.

На конкурс Дома литераторов Каверин отправляет рассказ «Одиннадцатая аксиома». История создания первого рассказа описана автором в романе, выпущенном семь лет спустя, — «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове». Одиннадцатая аксиома — это аксиома Лобачевского, согласно которой параллельные прямые могут пересекаться. Именно это и происходит с сюжетами в рассказе: сюжеты о монахе, разочаровавшемся в вере, изрубившем иконы и бежавшем из монастыря, и студенте первых послереволюционных лет, бежавшем в другое столетие от кредиторов, скрещиваются в бесконечности параллельных прямых, соединяясь на неведомых берегах.

Каверин вспоминал: «Через три дня я закончил рассказ и послал его на конкурс под многозначительным девизом: “Искусство должно строиться на формулах точных наук”» [Каверин 1983: 438].

Рассказ понравился Шкловскому, и тот представил автора будущим «Серапионовым братьям».

Не вполне ясно, кто придумал название для объединения. Никто не торопится объявить себя инициатором, поэтому многие ссылаются на негласного лидера — Льва Лунца, который умер от тяжелой

болезни еще в 1924 г. Однако часть мемуаристов группировки сходится в том, что автором был именно Каверин. Подтверждением этой версии служат слова Шкловского: «Был Вениамин Каверин — романтик, он, вероятно, и нашел слово “серапионы”. Тогда писал он условные, очень изобретательные рассказы» [Шкловский 1966: 420]. Этой же версии придерживается и Н. Чуковский: «Название “Серапионовы братья” предложил Каверин. Он в то время был пламенным поклонником Гофмана» [Чуковский 1998: 80].

Сам Каверин эту версию нигде не подтверждает, но нельзя не заметить упражнения прозаика в условностях и приемах остраниения, продолжающиеся десятилетия. Е. Шварц отмечает: «был он больше всех литератор... И к литературе подходил он через литературоведение. И то, что он прочел, было для него материалом, а то, что увидел — не было... Все серапионы любили говорить об остраниении, обрамлении, нанизывании, и только, пожалуй, один Каверин принял эти законы органично, всем сердцем» [Шварц 1990: 506].

«Игры» с языком и сюжетом Каверин демонстрирует в ранних рассказах. Например, «Хроника города Лейпцига за 18... год» демонстрирует влияние Гофмана: финал с победой фантазии над разумом отражает дух немецкого романтизма. Как последователь Гофмана Каверин воплощает эстетические принципы романтизма через фантастические происшествия, гротеск, иронию и прямое авторское вмешательство в повествование [Васильева 2010: 75].

В произведении «Пятый странник» Каверин, продолжая традиции Гофмана, ниспровергает трагедию Гете «Фауст» через негативный интертекст: герои отказываются от романтических поисков истины, а глиняный человек манипулирует сюжетом, символизируя переход к новым литературным силам XX века [Лю Линь, Вань Юй 2025: 1784].

Д.Д. Николаев отмечает, что Каверин действительно больше других «братьев» следует заветам Гофмана, предлагая новую модель авантюрного повествования, в которой фантастика и реальность синтезируются не для развлечения, а для философского осмысления эпохи. Сюжеты Каверина, вдохновленные Гофманом, но перенесенные в мир революционной России, разрушали и воссоздавали иллюзию, превращая приключения в метафизические эксперименты. Эксперименты Каверина стали реализацией эстетического курса всей группы «Серапионовых братьев» как ответа на кризис реалистического представления мира [Николаев 2006].

В Дома искусств «братья» делились планами, читали друг другу свои произведения, давали литературные советы, учились у старших товарищей, которые нередко заходили на их встречи. Среди гостей Дома были Замятин, К. Чуковский, Ходасевич, а также начинающая

писательница Ольга Форш, которая спустя почти десятилетие написала «роман с ключом» о ДИСке (Доме ИСКусств). Каверин вспоминал: «Мы собирались каждую субботу в комнате Михаила Слонимского в Доме искусств. Впоследствии Ольга Форш назвала этот дом “Сумасшедшим кораблем”» [Каверин 1983, т. 7: 8].

«Роман с ключом» восходит к европейской литературе XVI в. Первоначально он служил своеобразной интеллектуальной игрой для светского общества: авторы в сатирических персонажах с узнаваемыми чертами и условными кодами изображали реальных лиц придворного круга. Часто в конце таких произведений приводился перечень прототипов, что способствовало точному восприятию авторского замысла. В XX в. в России жанр переживает переосмысление: «ключ» становится метафорическим и зависит от читательской эрудиции, а маскировка событий и персонажей приобретает более тонкий и ироничный характер. В советской литературе 1920-х гг. «роман с ключом» выступает как инструмент художественного осмысления социальных и культурных трансформаций: несмотря на документальность, под влиянием модернизма жанр искажает реальность, заменяя причинно-следственные связи ассоциациями и аллюзиями, и нарушает хронологию [Горшкова 2013: 139].

«Сумасшедший корабль» традиционно рассматривается как третий роман с ключом, изображающий жизнь ленинградской богемы 1920-х гг. (после «Козлиной песни» Вагинова (1927) и «Скандалиста» Каверина (1928)).

Хронологический разрыв между романами Каверина и Форш является существенным. Каверин создавал текст в непосредственной близости к описываемым событиям, фиксируя кризис интеллигентского сознания 1920-х годов. Форш же предлагает историческую ретроспективу: описываемый период уже воспринимается как завершенная эпоха, многие герои либо покинули страну, либо ушли из жизни, либо изменились до неузнаваемости.

Сходство творческих путей двух писателей подтверждает сравнительный анализ произведений: оба автора преодолевают наследие Серебряного века. Форш начинает с мистических рассказов о продаже души за талант («Рыцарь из Нюрнберга»), Каверин — о продаже тени («Пурпурный палимпсест»). Затем они переходят к документализму, запечатлевая литературный быт своей эпохи. Форш пишет исторические романы, Каверин — авантюрную прозу.

Структуру «Сумасшедшего корабля» определяют литературные фигуры, которым посвящена каждая «волна» (глава): Блок, Горький, Андрей Белый и Клюев. Последняя глава посвящена новому поколению, включая «Серapiоновых братьев». Поэт из молодого поко-

ления (О. Форш под этим героем прячет современника «Серапионовых братьев», Н.С. Тихонова) определяет идею новой литературы, отвергающей преемственность, так: «Мы зажигаем свой огонь, чтобы сварить похлебку». Явно, что и сами «серапионы» следуют этой цели. Группа сохраняет искусство в эпоху революции, объединяя разнородных авторов, и переносит его через «бурную реку событий».

Писательница, сравнивая Дом искусств с «адам в аду» из-за царивших там взаимного подсиживания, тщеславия и предательства, играет с литературным контекстом, отсылает к «Божественной комедии» Данте, где корабль с писателями символизирует судно Вергилия и Данте, огромная печь у подножия коридора напоминает Цербера, а упоминание волшебного средства аргонавтов в последней главе перекликается с мифологическими мотивами [Чистобаев 2016: 186].

Форш не берется описывать каждого писателя по отдельности, воспринимая их как единое целое, устремленное в одном направлении. Хотя, например, К.А. Федин советовал ««серапионов»... дифференцировать, иначе она запутается. Ведь серапионы — “единство противоречий”» [Федин 1986: 51].

«Братство» в интерпретации Форш существует «на принципе сохранения самого искусства, когда истории страны было не до искусства» [Форш 1964: 220]. Конфронтационный характер «братства» на страницах романа и в жизни подчеркивает Каверин: «Мне кажется, что он [роман «Сумасшедший корабль» — С.Р.] только потому и представляет некоторый интерес... что в нем закреплён факт, характерный для истории нашей литературы. В нём “молодые” двадцатых годов не согласились “лежать на стилище”» [Каверин 1989, т. 7: 46].

Сохранением какой культуры занимались «серапионы»? Несмотря на противоборство «западников» и «восточных» «братьев», среди традиций, важных для них всех, можно назвать развитие сюжета. Для Форш, видимо, развитие романа с ориентацией на западную литературу выходило на первый план (что кажется логичным, если вспомнить название объединения): «Вертер, конечно, жил в каждом из них» [Форш 1964: 223]. Далее писательница рассказывает, кто и как обошелся с этим наследием, но один «страшно умный, укрыл его в собственной эрудиции. Своего Вертера он выщелкнул в персонаж исторический с твердой репутацией скептика» [Форш 1964: 223]. Кажется, эта характеристика относится к автору другого романа с ключом, «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове», где «скандалист» — художественно обработанный образ Вик-

тора Шкловского, для которого также справедлива оценка «Вертера... с твердой репутацией скептика»¹.

По этим косвенным признакам можно заметить, что в интерпретации Форш именно Каверин становится лицом борьбы за новое искусство в стане «Серапионовых братьев».

Каверин, в свою очередь, также создал собственный портрет 1920-х годов — в уже названном романе «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове». Правда, Каверин сосредотачивается на событиях, происходивших уже после распада «Серапионовых братьев».

Борьба теоретика и писателя ложится в основу «Скандалиста». Изображается время, когда «Серапионовы братья» перестают существовать как «орден», остаются лишь отдельные «братья», несущие заветы братства. Каверин все ближе сходится с Тыняновым и Шкловским. Именно спор со вторым становится причиной создания романа.

Шкловский в одном из разговоров высказывает убеждение, что современная литература не справляется с жанром романа, и для Каверина, который уже начал публикацию романа, это становится вызовом. Беседа со Шкловским переменяла первоначальный замысел: к воспоминаниям прибавился необработанный материал современной литературной жизни; авантюрный роман (в первом варианте романа параллельно развивались четыре сюжетные линии...) начал превращаться в роман с ключом.

Борьба формализма и классического подхода в литературе разрешается в пользу нового течения: Каверин буквально топит героя Ложкина, который преподает в университете и осуждает непонятных и небезопасных «формалистов». Ложкин — представитель «старой» науки. Правда, топит его автор лишь по пояс, намочив шубу и портфель. Дальше следует занимательное переплетение судеб: Ложкина ведет греться к себе домой Халдей Халдеевич — его брат-близнец, давно с ним рассорившийся из-за женщины.

А дома у Халдея Халдеевича выздоравливает другой герой — студент Ногин, прототипом которого является сам автор. Ногин заболел после спора со Шкловским, героем романа.

Тут, в небольшой комнате на Васильевском острове, Ногин встречает потерявшего себя гонителя формализма в сырой шубе. Ногин выздоравливает и однажды ночью под воздействием теории Лобачевского пишет рассказ, в финале которого соединяются две параллельные сюжетные линии. Он понял, к чему шел, к чему стремился.

¹ Речь может так же идти об О.И. Сенковском (барон Брамбеус) — журналисте и редакторе «Библиотеки для чтения», диссертацию о котором в 1929 г. написал В. Каверин.

Это — проза: «Именно так — логикой — и началась эта ночь. Кончилась она прозой» [Каверин 1980, т. 1: 574].

Так Каверин продолжает художественное осмысление своего пути, начало которого описано в романе Форш. Он переживает путь от ориентации на европейские традиции к тому, чтобы склониться в сторону нового подхода — формализма.

А дальше следует роман «Художник неизвестен» (1931) — один из последних формальных экспериментов в ранней советской литературе, в котором автор прибегает не к уже знакомой буквализации, а к ее противоположности — метафоризации. Противостояние между художниками и цензорами, редакторами, новой властью Каверин переносит на сцену театра, который становится местом действия в романе. Герои сражаются бутафорскими шпагами и скачут на деревянных конях, чтобы взять театр под контроль.

Сразу после публикации романа «Художник неизвестен» выходит статья Р. Миллер-Будницкой «Эпигон формализма», направленная против Каверина. Возможно, именно это прозвище становится толчком для окончательной смены художественного метода — следующий роман, «Исполнение желаний», Каверин начнет публиковать лишь в 1934 г.

После 1920-х годов Каверин постепенно переходит от сложных формалистских экспериментов к более доступной, сюжетно насыщенной беллетристике, сохраняя при этом глубину философского замысла. Его творческий путь — от «Одиннадцатой аксиомы» к «Двум капитанам» — отражает не просто смену стиля, а осознанный выбор: от элитарного авангарда к литературе, способной говорить с широкой аудиторией. Роман «Два капитана» стал кульминацией этого перехода — он объединил авантурный сюжет, историческую достоверность и моральную драму, превратившись в символ советской литературы, способной сочетать вдохновение и гражданский пафос. Таким образом, Каверин не отказался от своих «серапионовских» корней, а трансформировал их: из конструктора сюжетных ловушек он стал мастером повествования, чья история о вере, мужестве и поиске истины осталась в памяти читателей на десятилетия вперед.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильева И.В.* Литературное объединение «Серапионовы братья»: немецкая традиция в культуре русского неоромантизма // Вестник Московского университета. Серия 19: лингвистика и международная коммуникация. 2010. № 2. С. 73–80.
2. *Горшкова Е.О.* Жанровая категория «роман с ключом» и ее воплощение в романе О. Форш «Сумасшедший корабль» // Культура. Литература. Язык. Материалы международной конференции «Чтения Ушинского» факультета русской

филологии и культуры Ярославского гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2013. С. 138–143.

3. Каверин В.А. Литератор. М., 1988.
4. Каверин В.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 1. М., 1980.
5. Каверин В.А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М., 1983.
6. Каверин В.А. Эпилог. М., 1989.
7. Лю Линь, Вань Юй. Идеи ОПОЯЗа в раннем творчестве В. Каверина (на примере рассказов «Ревизор» и «Хроника города Лейпцига за 18... год» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Вып. 5. С. 1782–1787.
8. Николаев Д.Д. Русская проза 1920–1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая проза. М., 2006.
9. Федин К.А. Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. Дневники и записные книжки. М., 1986.
10. Форш О.Д. Сумасшедший корабль. Вашингтон, 1964.
11. Чистобаев А.В. Гибель Петербурга в романе О. Форш «Сумасшедший корабль» // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения — 2015. СПб., 2015. С. 185–190.
12. Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1998.
13. Шкловский В. Жили-были. М., 1966.
14. Шварц Е. Живу беспокойно. Из дневников. Л., 1990.

REFERENCES

1. Vasilyeva I.V. Literaturnoe ob"edinenie «Serapionovy brat'ya»: nemeckaya tradiciya v kul'ture russkogo neoromantizma [Literary Association "Serapion Brothers": the German Tradition in the Culture of Russian Neo-Romanticism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: lingvistika i mezhdunarodnaya kommunikaciya*, 2010, no. 2, pp. 73–80. (In Russ.)
2. Gorshkova E.O. Zhanrovaya kategoriya «roman s klyuchom» i ee voploshchenie v romane O. Forsh «Sumasshedshij korabl'» [Genre Category "Novel with a Key" and its Embodiment in O. Forsh's Novel "The Lunatic Ship"]. *Kul'tura. Literatura. Yazyk. (Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Chteniya Ushinskogo» fakul'teta russkoj filologii i kul'tury Yaroslavskogo gos. ped. un-ta im. K.D. Ushinskogo)*, 2013, pp. 138–143. (In Russ.)
3. Kaverin V.A. Literator [A Man of Letters]. Moscow, *Sovetskij pisatel' Publ*, 1988. 304 pp.
4. Kaverin V.A. Sbranie sochinenii v 8 tomah. T. 1 [Collected works: in 8 vols. Vol. 1], Moscow, *Hudozhestvennaya literatura Publ*, 1980. 620 pp.
5. Kaverin V.A. Sbranie sochinenii v 8 tomah. T. 7 [Collected works: in 8 vols. Vol. 7], Moscow, *Hudozhestvennaya literatura Publ*, 1983. 590 pp.
6. Kaverin V.A. Epilog [Epilogue], Moscow, *Moskovskii rabochii Publ*, 1989. 544 pp.
7. Liu Lin Wan Yu. Idei OPOYAZa v rannem tvorchestve V. Kaverina (na primere rasskazov «Revizor» i «Hronika goroda Lejpciga za 18... god» [The Ideas of the Formal School in the Early Work of V. Kaverin (On the Example of the Short Stories "The Inspector General" and "Chronicle of the City of Leipzig for 18..."]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2025, Issue 5, pp. 1782–1787. (In Russ.)
8. Nikolaev D.D. Russkaya proza 1920-1930-h godov: avantyurnaya, fantasticheskaya i istoricheskaya proza [Russian Prose of the 1920s-1930s: Adventurous, Fantastic and Historical Prose]. Moscow, *Nauka Publ*, 2006. 688 pp.
9. Fedin K.A. Sbranie sochinenii v 12 tomah. T. 12 [Collected works: in 12 volumes. Vol. 12]. Diaries and Notebooks, Moscow, *Hudozhestvennaya literatura Publ*, 1986. 623 pp.

10. Forsh O.D. Sumasshedshii korabl' [The Lunatic Ship]. Washington, *Inter-Language Literary Associates*, 1964. 237 pp.
11. Chistobaev A.V. Gibel' Peterburga v romane O. Forsh «Sumasshedshij korabl'» [The Perishing of St. Petersburg in O. Forsh's Novel "The Lunatic Ship"]. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. Peterburgskie chteniya* – 2015. 2015, pp. 185–190. (In Russ.).
12. Chukovsky N. Literaturnye vospominaniya [Literary Memoirs]. Moscow, *Sovetskii pisatel' Publ*, 1989. 336 pp.
13. Shklovsky V. Zhili-byli [Once upon a Time]. Moscow, *Sovetskii pisatel' Publ*, 1966. 552 pp.
14. Schwartz E. Zhivu bespokoino. Iz dnevnikov [I Live Turbulently. From the Diaries]. Leningrad, *Sovetskii pisatel' Publ*, 1990. 786 pp.

Поступила в редакцию 12.10.2025

Отредактирована 25.05.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received 12.10.2025

Revised 25.05.2026

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Софья Александровна Румянцева — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; sonya_kit-kit@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sofya A. Rumyantseva — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; sonya_kit-kit@mail.ru

ОБРАЗ ВОСПРИЯТИЯ КИТАЙЦЕВ И ЯПОНЦЕВ В МЕМУАРАХ ИЗРАЭЛЯ ЭПШТЕЙНА

Е.В. Сенина

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД
России), Москва, Россия; e.senina@ty.mgimo.ru*

Аннотация: В статье раскрывается образ восприятия китайцев и японцев в период японо-китайской войны (1931–1945), представленный в воспоминаниях журналиста Израэля Эпштейна, человека, внесшего огромный вклад в распространение китайской культуры за рубежом в XX веке. В работе впервые в отечественном литературоведении проводится анализ воспоминаний автора «Китай в моих глазах». С точки зрения литературоведения и этнопсихологии произведение представляет собой большой интерес для дальнейшего изучения в научных кругах. Как носитель нескольких ментальностей (еврейской, русской, английской), Израэль Эпштейн отразил опыт непосредственных контактов с китайцами и японцами в очень сложный для Китая исторический период — период войны Соппротивления японским захватчикам и коренной ломки многовекового социального и политического уклада китайцев. Образ восприятия китайцев и японцев, отраженный в воспоминаниях Эпштейна, в значительной степени дополняет имеющиеся представления о двух нациях в указанный временной период. Автор статьи приходит к выводу, что исходя из этнических стереотипов и установок, а также самоидентификации, через опыт личных контактов, настроенный на революционные преобразования в Китае И. Эпштейн выразил свою поддержку и эмпатию простому китайскому народу, представив его в положительном свете. Образ восприятия японцев в произведении представлен в негативном ракурсе, основным концептом для которого определена «жестокость».

Ключевые слова: образ восприятия; китайцы; японцы; Израэль Эпштейн; мемуары

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-14

Для цитирования: Сенина Е.В. Образ восприятия китайцев и японцев в мемуарах Израэля Эпштейна // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 163–174.

THE PERCEPTION OF THE CHINESE AND THE JAPANESE PEOPLE IN THE MEMOIRS OF ISRAEL EPSTEIN

Ekaterina V. Senina

MGIMO University, Moscow, Russia; e.senina@my.mgimo.ru

Abstract: This article explores perceptions of the Chinese and Japanese people during the Sino-Japanese War (1931–1945), as presented in the memoirs of Jewish journalist Israel Epstein, a man who made a significant contribution to the dissemination of Chinese culture abroad in the 20th century. The aim of the research is to study and analyze the image of perception of Chinese and Japanese people in the work of Israel Epstein. The material of the study is the memoirs of Israel Epstein *My China Eye*. This work is the first in Russian literary studies to analyze the author's memoirs *My China Eye*. The research methods include historical-genetic, historical-cultural, structural-semantic, and immanent analysis of the fiction text, as well as biographical and translation approaches. The results of the study describe how from the perspective of literary studies and ethnopsychology, this work is of great interest for further study in academic circles. As a bearer of several mentalities (Jewish, Russian, and English), Israel Epstein reflected on his experience of direct contact with the Chinese and Japanese people during a very difficult historical period for China — the Sino-Japanese War and the radical upheaval of the centuries-old social and political order of the Chinese people. The perceptions about Chinese and Japanese people reflected in Epstein's memoirs significantly complement existing understandings of the two nations during this period. The author concludes that, based on ethnic stereotypes and attitudes, as well as self-identification, and through personal experiences, Israel Epstein, who was committed to revolutionary change in China, expressed his support and empathy for ordinary Chinese people, portraying them in a positive light. The work presents a negative view of the Japanese, with the key concept being "cruelty".

Keywords: image of a nation; Chinese; Japanese; Israel Epstein; memoirs

For citation: Senina E.V. (2026) The Perception of the Chinese and the Japanese in the Memoirs of Israel Epstein. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 163–174.

В последнее десятилетие развивается научный интерес к изучению проблем образов восприятия, в частности, в литературе. Это подтверждается недавно изданной фундаментальной монографией «Русские и китайцы: образы взаимного восприятия в литературе» [Забияко, Сенина 2025]. Так как этническое сознание всегда интенционально направлено на познание «другого» и самопознание в конечном счете, то исследовать «чужую» культуру необходимо исходя из принципов работы этнического сознания, — так происходит лучшее понимание своей собственной культуры. Литература является важным и ценным источником «этнографических реконструкций и коммуникативной прогностики» [Забияко, Сенина 2025: 11],

а сознание писателя, осмысливающего «другую» культуру, «переходя от одного явленного факта этничности к другому, классифицирует их по степени близости или чуждости так, что в итоге создает комбинацию этнических феноменов, в которых узнает само себя или чуждое, иноэтническое» [Забияко 2003: 225]. Подобного рода исследования не только помогают ученым изучать культурную дихотомию «свой» / «чужой» — сравнивать культуры, искать общие точки межкультурного диалога [Райнхардт 2020: 15], понимать различия культур, они также помогают исследовать проблемы этнического, межкультурного взаимодействия в аспекте взаимодействия нескольких «чужих» культур. В своих предшествующих работах мы изучали образы восприятия русских в китайской литературе и наоборот — образы восприятия китайцев в русской литературе [Забияко, Сенина 2021: 166–171; Сенина 2017: 158–166]. Следующим шагом нам представляется любопытным изучить образы восприятия китайцев (а в данной работе еще и японцев) в *других* литературах. Так, объектом данного исследования стали мемуары еврея и журналиста Израэля Эпштейна.

Актуальность и новизна статьи определяется тем, что в работе впервые анализируются воспоминания Израэля Эпштейна [Эпштейн 2020]¹. Журналист И. Эпштейн внес весомый вклад в развитие китайской журналистики и распространение китайской культуры за рубежом [Ся Минсин, У Хуньлунь 2005: 46–49; Сунь Цзиньцзюнь 2021: 68]. Однако в отечественной науке отсутствуют исследования его биографии и творчества. В этой связи было определено проблемное поле данного исследования, а именно — рассмотрение образов восприятия китайцев и японцев в мемуарах И. Эпштейна.

Объектом исследования выступают мемуары И. Эпштейна «Китай в моих глазах: воспоминания еврея и журналиста Израэля Эпштейна» (*My China Eye: Memoirs of a Jew and a Journalist*) [Epstein 2005]. Книга была написана в Пекине в 2003 г. на английском языке, опубликована в 2005 г. китайским издательством *Long River Press*, в том же году переведена на китайский язык переводчиками Шэнь Сужу, Цзя Цзунъи, Цянь Юйжунь. На русском языке опубликована в 2020 г., перевод на русский язык осуществлен Тао Лицзяо, Чжан Цзыжуй, Жэнь Сяошунь. Данное исследование проведено с опорой на русскоязычную версию книги. Мемуары Эпштейна, насколько нам известно, прежде не выступали объектом исследования в российских и зарубежных специализированных трудах.

¹ Ниже воспоминания цитируются по этому изданию, страницы указываются в тексте в круглых скобках после цитаты.

Как известно, за любым словесным образом стоит личность, которая его создала и которая налагает на него свой неповторимый отпечаток. Создание художественного образа у каждого писателя зависит от его мировосприятия, контекста эпохи, личности самого автора, окружающей социокультурной среды, направления литературы, художественных традиций предшественников и авторского новаторства [Роднянская 1987: 13], авторской точки зрения [Тамарченко 1999: 430]. В этой связи необходимо обратиться к биографии писателя.

Израэль Эпштейн (1915–2005) родился в Варшаве в семье еврейского коммуниста. Его родным языком был *русский*. С двух лет жил в Китае — в Харбине, где, по словам самого Эпштейна, он получил свое единственное образование на русском языке. Детский сад, который посещал маленький Израэль, открыла бывшая жена революционного поэта Сергея Алымова. Благодаря усилиям директора садика и матери будущего журналиста он выучил русский алфавит и рано начал читать. Это очень сильно повлияло на самосознание и, в конечном счете, на самоидентификацию Эпштейна, хотя в начальной школе он начал учиться уже на *английском языке*. Юность провел в Тяньцзине, где встал на путь журналистики. С 15 лет работал в русской ежедневной «Утренней газете», где переводил на русский язык пресс-релизы разных информационных агентств. Позже в военное время (1938–1943) жил и работал в Нанкине, Ухане, Гуанчжоу, Сянгане, Чунцине, Яньане в качестве корреспондента разных иностранных изданий, освещал события японо-китайской войны. Важно отметить, что у Эпштейна долгие годы не было гражданства, так как семья оказалась в Китае сразу после Октябрьской революции. Это обстоятельство часто помогало журналисту в разных ситуациях. С 1945 по 1951 г. жил и работал в США, но «не прижился» там, так как идеологически был коммунистом. В 1951 г. вернулся в новый Китай, в 1957 г. получил гражданство КНР, а в 1964 г. стал одним из немногих иностранцев-членов Коммунистической партии Китая. Китайская культурная революция не обошла Эпштейна стороной — с 1969 по 1973 г. находился в тюрьме. С 1979 г. — главный редактор журнала «Китай на стройке», издававшегося на многих языках. В 1983 г. избран членом Народного политического консультативного совета Китая. Умер в Пекине в 2005 г.

Важно отметить этническую, религиозную и идеологическую установки писателя. Сам себя считал евреем и постоянно это подчеркивал: «хотя по нации мы не русские, а евреи (мы гордимся этим)» (с. 57), но с детства мыслил и говорил *по-русски*. Для поколения его родителей русский язык и образование на русском языке стали путем приобщения к прогрессивной идеологии внешнего мира. «Я мно-

го говорил по-русски и жадно читал произведения на русском языке. Хотя я не получил официального образования на русском языке, моя мать научила меня многому, и потом я никогда этого не забывал» (с. 74). Во взрослые годы больше писал и работал на английском языке. Как и его родители, был убежденным атеистом, религиозные праздники не отмечали, но семья совершенно по-еврейски вела быт, а религиозного влияния еврейская культура на него не оказала. Идишем и ивритом не владел, хотя родители разговаривали на идише и очень любили этот язык. Китайским языком не владел, по крайней мере, в молодости. Как и многие эмигранты, Эпштейн отмечает, что жизнь в Китае, особенно в Харбине и в концессии Тяньцзиня была замкнутой. В молодости он ничего не знал об истории Китая, но мог спокойно перечислить все штаты и президентов США, не знал ни одной китайской династии и провинции, не разбирался в китайской литературе, не смотрел китайские фильмы, то есть никакого представления о глубине китайской культуры не имел. Был убежденным коммунистом. Личный опыт Эпштейна сильно повлиял на восприятие им китайцев и японцев.

С самого детства и на протяжении долгих лет Эпштейн наблюдал не только за революционными преобразованиями в Китае, но и за реальной, неэкзотической жизнью простых китайцев. И, как сам отмечает автор, «реальность в Китае нанесла удар и по мне, и этот факт взят не из книг — я испытал его на себе» (с. 75). «Пока мне не исполнилось десять лет, в Китае год за годом происходили то внутренняя война, то голод, и я видел, как худые беженцы в отрепьях хлынули в Тяньцзинь. Некоторые требовали еды со слезами на глазах, иные продавали детей в рабство, чтобы не умереть от голода. Одним холодным зимним утром по дороге в школу я увидел у арочного входа одного двора тело мальчика моего возраста (12 лет), он свернулся и уже зачоченел» (с. 75).

В юности его особо не интересовали проблемы Китая, он был устремлен к революционным идеям Запада, изучал марксизм. Однако антипатия к колониализму все больше сдвигала Эпштейна в сторону Китая и китайцев. Помимо коммунистических идей, которыми был движим автор воспоминаний, китайцы стали ему близки еще и потому, что он видел в них общность со своим народом — с евреями. Эпштейн искренне сочувствовал китайцам, нации, которая в том момент находилась под гнетом внешних сил. Японо-китайская война (1931–1945) усилила у него чувство сострадания к простым китайцам, подвергшимся фактически геноциду, подобному тому геноциду, который в годы Второй мировой войны совершался по отношению к евреям [Гао Лэцай 1999: 114–125].

Общей чертой, которой характеризовал Эпштейн евреев и китайцев, было «отсутствие страха». Говоря о преследовании евреев в период гражданской войны в России и позже, он писал: «все выражали гнев и горе, но только не страх» (с. 60), а о китайцах, например, во время японских бомбардировок в Нанкине: «перед лицом агрессии Японии был проявлен бесстрашный дух» (с. 105) или: «...нанкинцы не испугались. Каждый раз, когда вражеский бомбардировщик был поражен китайским истребителем или зенитным орудием и падал вниз... восторженная толпа всегда бросалась на место происшествия несмотря на опасность» (с. 103). И действительно, обращаясь к трудам по этнопсихологии, мы можем проследить схожие этнические установки и стереотипы двух народов: приверженность семье, стойкость нации, предприимчивость, ценность образования, высокий уровень адаптивности и сохранение своей этнической идентичности в сложных исторических реалиях [Стефаненко 2004: 152]. Эти факторы, вероятно, повлияли на формирование у Эпштейна положительного образа восприятия китайцев. История убедила его в том, что «китайская революция неразрушима», несмотря на то, какие неудачи она переживает.

Ценность воспоминаний Эпштейна состоит еще и в том, что он описывает разные стороны социальной жизни и политической ситуации в Китае. В подобных воспоминаниях других авторов чаще можно встретить одностороннее мнение относительно, например, политического управления в стране. Эпштейн же рассуждает как о положительных, так и об отрицательных сторонах двух главенствующих партий — Гоминьдана и набирающей силу КПК. Но если к КПК Эпштейн все-таки испытывал симпатию как коммунист, то Гоминьдан он не столько осуждал, сколько констатировал существующие факты, с которыми приходилось смиряться, подстраиваясь под них в работе. Например, говоря о гоминьдановской газете «Текущие события Пекина», Эпштейн отмечает, что хотя редакция обладала определенным правом голоса по техническим вопросам и обработке сообщений иностранных телекоммуникационных агентств, но у нее не было такого права относительно новостей внутри страны, было запрещено критиковать гоминьдановскую антикоммунистическую гражданскую войну (с. 91).

Как корреспондент иностранных изданий Эпштейн много ездил по Китаю и, конечно же, фиксировал для себя различия и колорит китайских городов. Пекин произвел на него неизгладимое впечатление, свидетельствуя об истории Китая «во всю глубину и широту». Жизнь в Пекине побудила Эпштейна к изучению китайской культуры и распространению этих знаний, он начал писать о Китае для

более широкой аудитории — для иностранных и для китайских читателей, проживающих за рубежом.

Годы расцвета журналистской деятельности Эпштейна пришлось на японо-китайскую войну, поэтому описания Китая, китайцев и японцев в этот период связаны с военной тематикой. Даже при описании гражданского населения мотив войны все же преобладает. Так, войной определено все, что видит журналист, прибыв в Нанкин. «В центре города Нанкин на первый взгляд мне показалось, что бедных людей в лохмотьях, которых хватало по всему Китаю, просто нет. Но вскоре я заметил их — они жили в водопроводных трубах или во временных шалашах на открытых пространствах» (с. 104). Война объединяет китайцев. Эпштейн отмечает, что до войны было два Нанкина. Один из них — новая столица, полная высокомерия. «Широкие аллеи, нарядные офицеры в белых перчатках, неспешно разъезжающие в брендовых автомобилях, высококлассные чиновники и вечно занятые толстые бизнесмены, живущие в номерах люкс на американский манер» (с. 104). Другой Нанкин — старый, становящийся все беднее. «Теперь каждый сбитый вражеский самолет был общей победой старого и нового Нанкина, и это особенно воодушевляло бедных и беженцев» (с. 104), потому что бедные больше всего пострадали от войны, а беженцы, которые были вынуждены покинуть родину из-за разрушения своих домов, больше всего ненавидели японцев. Война на какое-то время объединила две противоборствующие партии, Гоминьдан и КПК. 1937–1938 гг., по мнению Эпштейна, были лучшими годами объединения сил двух партий. Так, 18 сентября 1937 г. на шестую годовщину со дня вторжения Японии в три северо-восточные провинции, в Нанкине состоялось массовое шествие и прозвучал «Марш добровольцев», который в то время был запрещен в районах под управлением Гоминьдана, а впоследствии стал гимном Нового Китая. Смягчились репрессии против революционно настроенной молодежи, арестованные уже не подвергались пыткам и убийствам, а могли быть отпущены спустя неделю. В 1938 г. в Ухане, например, можно было спокойно купить книги лидеров КПК и обсуждать их публично, чего раньше невозможно было и представить. Совместная победа в Тайэрчжуане подняла моральный дух китайского народа, и с этого момента был взят курс на победу.

Не сдавался и Гуанчжоу. Во время бомбардировок города свою работу не прекращали не только добровольцы, скорая помощь Красного Креста, пожарные, но работали даже чайные и кинотеатры, устраивались антифашистские выставки картин. Люди собирались на улицах, жертвовали деньги на антияпонскую войну, женщины часто отдавали свои драгоценности. Говоря об этом, Эпштейн вновь

повторяет, что китайцы испытывали гнев, но только не страх: «Вспоминая те времена, я осознаю, насколько сильным был моральный дух масс в Гуанчжоу не только в самый тяжелый момент, но и после, когда японская армия вела десантные бомбардировки» (с. 130).

Эпштейн много рассуждает о тактике ведения войны регулярной армией Гоминьдана, коммунистической армией и партизанскими отрядами. Наблюдения и постоянное присутствие в зоне боевых действий и партизанской зоне приводят его к умозаключению, что при поддержке народа армия с простейшим вооружением и снаряжением может победить даже армию с превосходным оружием, которая не получает поддержки со стороны народа.

Описывая простых китайцев, автор всегда внимателен к деталям, особенно этнопсихологическим. В каждом районе Китая, в каждом городе, где побывал журналист, он подмечал те особенности китайцев, которые едва ли можно встретить в книгах об особенностях китайской нации и национальной психологии. Например, описывая рикш в городе Чанша, Эпштейн подметил следующее: «В других городах Китая рикши всегда бегут быстро, чтобы угодить пассажирам. В Чанше же все не так: они просто быстро ходят. Если пассажиры требуют ускориться, то они просто бросают повозку со словами: “Пожалуйста, сойдите и бегите сами!”» (с. 124). По мнению автора, это результат успешной забастовки профсоюза рикш и символ революционного духа середины 1920-х. Довольно емко, но точно описаны и жители Гуанчжоу: они ниже и стройнее, чем их соотечественники на севере, полны энергии, носят солнечные очки, быстро и громко разговаривают, эмоциональны, но не «взвинчены».

Образ японцев у Эпштейна с самого начала имеет отрицательные коннотации. История знает много примеров описания японских бесчинств в годы японо-китайской войны [Балакшин 2013: 245; Николаева 2016: 187]. Работая в англоязычной ежедневной газете «Текущие события Пекина», Эпштейн публикует «Отчет о расследовании», в котором описывает, как среди китайских жителей в Тяньцзине японцы систематически расширяли торговлю героином. Каналами продаж была группа небольших магазинов иностранных товаров, а действия велись от лица японских бизнесменов — согласно неравным договорам, иностранные бизнесмены находились вне контроля китайского законодательства. «Вначале эти магазины бесплатно предлагали покупателям сигареты, в которые тайно всыпался героин, и, когда те впадали в зависимость, то становились постоянными покупателями. Эти магазины предлагали широкий ассортимент товаров на витринах, от конфет до велосипедов, а некоторые из комнат в задней части были временными комнатами для

приема наркотиков» (с. 87–88). Подобные публикации журналиста сразу же сделали Эпштейна «неудобным», и как «слишком прокитайский» он быстро подвергся преследованию со стороны японских властей. Не раз Эпштейну приходилось не только публиковаться не под своим именем, но и скрываться, а однажды даже инсценировать собственную смерть, чтобы избежать участи быть схваченным и убитым японцами.

На протяжении всей книги Эпштейн характеризует японцев как «безжалостных японских захватчиков» (с. 90), а их действия как «жестокую японскую полномасштабную агрессию» (с. 96), описывает, как японцы сознательно бомбили большую больницу Красного Креста, заполненную местными пациентами и ранеными солдатами: «Их реальное намерение было в том, чтобы сломить моральный дух Нанкина и показать всем, пускай даже раненым и больным, что смертельной участи им не избежать» (с. 103). Описывал он и применение химического оружия: «я увидел некоторых солдат, ставших жертвами запрещенного международным сообществом оружия. Горчичный газ разъел их кожу до множества маленьких отверстий, как сыр, глубоко до невыносимой боли» (с. 103).

Фиксирует автор и намерения японцев по отношению к китайской территории: «агрессоры пытались сохранить самые роскошные и подходящие для жизни места, чтобы занять их после оккупации. Там, где подобные дворцам постройки соседствовали с простыми домами, бомбы всегда падали на последние» (с. 104).

В течение 6–7 лет интервенции местное население было морально вымотано действиями японцев, но все изменила битва под Тайэрчжуаном. Для японских агрессоров их неудача в Тайэрчжуане стала потрясением, их «боевой дух был сломлен», однако «дух этих самураев не умер окончательно» (с. 122). «Дух самураев» — важная этнопсихологическая характеристика японцев, она показывает, что Эпштейн понимает национальный характер японцев, как бы негативно он к ним ни относился. Этот «дух самураев» проявлялся особенно явно, когда японский солдат оказывался в ситуации слабого и поверженного: примечательно описание раненого японского солдата, который был настолько предан своему императору и «отравлен пропагандой японских военных», что пренебрег возможностью скрыться, стремясь к «славной смерти».

Впрочем, Эпштейн утверждает, что некоторые из японских военнопленных осознали, что японская агрессия наносит ущерб не только китайскому, но и японскому народу: «В прошлом они были верны мифу об императоре, а теперь стали лояльными к новым идеям» (с. 122). (В районах под управлением КПК велась работа

с японскими военнопленными: им предлагали вернуться на родину или остаться в Китае, и многие выбирали последнее.)

Нередко автор сравнивает японцев с нацистами: «с помощью воздушного террора японцы хотели сломить волю Гуанчжоу. С их жестокостью может сравниться лишь воздушная бомбардировка Гитлером Испанской Республики» (с. 126).

Среди национальных черт японцев Эпштейн особенно выделяет «жестокость»: даны детальные подробности их действий по отношению к китайцам и иностранцам, жившим в Китае.

Образы восприятия китайцев и японцев, запечатленные в воспоминаниях Эпштейна, отразили опыт непосредственных контактов журналиста и коммуниста с китайцами и японцами в период серьезных социально-политических трансформаций в Китае. Ориентированный на революционные преобразования в Китае, Эпштейн сочувствовал простому китайскому народу и выражал ему свою поддержку. Еврейский журналист попытался уловить то, что делало китайцев понятными ему: приверженность семье, стойкость нации, сохранение своей этнической идентичности в сложных ситуациях. Фиксируя яркие приметы «чужого» в китайцах и японцах, проецируя восприятие двух народов на собственные этнические стереотипы и установки, Эпштейн создал глубокий образ восприятия китайцев; образ японцев в целом стал типичным для литературы времени войны Сопротивления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакишин П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: в 2 т. М., 2013.
2. Забияко А.А., Сенина Е.В. Русские и китайцы: образы взаимного восприятия в литературе. М., 2025.
3. Забияко А.А., Сенина Е.В. Художественный образ восприятия инокультуры как категория имагопоэтики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. № 18 (1). С. 166–171.
4. Забияко А.П. Категории «свой» — «чужой» в этническом сознании // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2003. № 5. С. 224–228.
5. Николаева Н.Н. Японцы. Рига, 2016.
6. Райнхардт Р.О. Новые формы и методы дипломатии // Международная аналитика. 2020. Т. 11. № 4. С. 11–20.
7. Роднянская И.Б. Автора образ // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
8. Сенина Е.В. Образ России и русских в «Путевых заметках о новой России» Цюй Цюбо // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 4. С. 158–166.
9. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. М., 2004.
10. Тмарченко Н.Д. Точка зрения. Введение в литературоведение. М., 1999.

11. Эпштейн И. Китай в моих глазах: воспоминания еврея и журналиста. СПб., 2020.
12. Гао Лэцай. Анализ национальной политики Японии по «миллионной миграции» // Исторические исследования. 1999, № 3 (12). С. 114–125. (高乐才.日本「百万户移民」国策评析[J].历史研究, 1999. № 3 (12): 114–125).
13. Сунь Цзиньцзюнь. Посвятил жизнь написанию истории Китая — Израэль Эпштейн // Партийное строительство. 2021. № 10. С. 68–69. (孙进军.伊斯雷尔·爱泼斯坦:倾尽一生书写中国故事[J].党建, 2021 (10): 68–69).
14. Ся Минсин, У Хунлунь. «Моя родина — Китай»: столетняя связь Эпштейна с Китаем // История партии. 2005. № 5. С. 46–49. (夏明星,吴宏伦.中国是我的家——伊斯雷尔·爱泼斯坦与中国的世纪情缘[J].党史纵横, 2005 (5): 46–49).
15. Epstein I. My China Eye: Memoirs of a Jew and a Journalist. Long River Press, 2005.

REFERENCES

1. Balakshin P.P. *Final v Kitae: vzniknoenie, razvitie i ischeznoenie beloј emigracii na Dal'nem Vostoke* [Final in China: The Emergence, Development, and Disappearance of White Emigration] Vol. 2. Moscow, 2013. 1024 p. (In Russ.)
2. Epshtejn I. *Kitaj v moih glazah: vospominaniya evreya i zhurnalista Izraelya Epshtejna* [My China Eye: Memoirs of a Jew and a Journalist]. SPb., Nestor history Publ, 2020. 375 p. (In Russ.)
3. Epstein I. My China Eye: Memoirs of a Jew and a Journalist. Long River Press, 2005. 360 p.
4. Gao Lecai. Analysis of Japan's "Million-Household Immigration" National Policy. *Historical Research*. 1999, no 3 (12), pp. 114-125. (In Chin.)
5. Nikolaeva N.N. *Yaponcy* [The Japanese]. Riga, 2016. (In Russ.)
6. Reinhardt R.O. Novye formy i metody diplomatii [New forms and methods of diplomacy]. *Mezhdunarodnaya analitika* [Journal of International Analytics]. 2020, no 4, pp. 11-20. (In Russ.)
7. Rodnyanskaya I.B. Avtora obraz [Author's image]. *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'* [The literary encyclopedic dictionary]. Moscow, 1987. (In Russ.)
8. Senina E.V. Obraz Rossii i russkih v «Putevyh zametkah o novoj Rossii» Qu Qiubai [The image of Russia and Russians in the "Travel notes about new Russia" by Qu Qiubai]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern affairs]. 2017, no 4, pp. 158-166. (In Russ.)
9. Stefanenko T.G. *Etnopsihologiya: uchebnik dlya vuzov* [Ethnopsychology: textbook for universities]. M.: Aspekt Press Publ, 2004. 368 p. (In Russ.)
10. Sun Jinjun. Israel Epstein: Dedicated His Life to Writing the China Story. *Dang Jian*. 2021, no 10, pp. 68-69. (In Chin.)
11. Tamarchenko N.D. Tochka zreniya [Point of view]. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary criticism]. Moscow, 1999. 430 p. (In Russ.)
12. Xia Mingxing, Wu Honglun. China is My Home: Israel Epstein's Century-Long Connection with China. Over the Party History. 2005, no 5, pp. 46-49. (In Chin.)
13. Zbiyako A.A., Senina E.V. Hudozhestvennyj obraz vospriyatiya inokul'tury kak kategoriya imagopoetiki [Imagery perception of foreign culture as a category of imagological poetics]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. [The humanities and social studies in the Far East]. 2021, № 18 (1), pp. 166-171. (In Russ.). doi: 10.31079/1992-2868-2021-18-1-166-171. (In Russ.)

14. Zabiyaiko A.A., Senina E.V. *Russkie i kitajcy: obrazy' vzaimnogo vospriyatiya v literature* [Russians and Chinese images of mutual perception in literature]. Moscow: VKN Publ, 2025. 448 p. (In Russ.). doi: 10.54449/9785907938083.
15. Zabiyaiko A.P. Kategorii «svoj» — «chuzhoj» v etnicheskom soznanii [The categories of “own” — “alien” in ethnic consciousness]. *Russia and China at the Far Eastern borders*, 2003; 5, pp. 224–228. (In Russ.)

Поступила в редакцию 18.02.2026

Отредактирована 18.04.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received 18.02.2026

Revised 18.04.2026

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Екатерина Владимировна Сенина — к.ф.н., доцент кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, тайского, лаосского и кхмерского языков МГИМО МИД России, e.senina@my.mgimo.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Senina — PhD, Associate Professor, Department of Chinese, Vietnamese, Burmese, Thai, Laotian and Khmer Languages, MGIMO University, e.senina@my.mgimo.ru

ЖИВОПИСЬ А. БЁКЛИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И.А. БУНИНА¹

Д.В. Зайцев

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Москва, Россия; d_zaiczev@mail.ru

Аннотация: И.А. Бунин на протяжении всей жизни был тесно связан с миром живописи: от посещения одесского Товарищества южнорусских художников до знакомства и общения с эмигрантскими художниками. Особенно Бунин выделял В.М. Васнецова, И.И. Левитана и А. Бёклина. Творчество Бёклина (прежде всего, картина «Остров мертвых») стало отражением современной модернистской культуры и оказало мощнейшее влияние на художественные миры живописцев, писателей и композиторов начала XX в. Настоящая статья посвящена исследованию рецепции живописи Бёклина в художественном сознании Бунина. Анализируя биографические данные, литературные и критические тексты, а также культурную ситуацию рубежа XIX–XX вв., автор показывает, каким образом живописный символизм Бёклина — преимущественно в аспекте цвета — соотносится с внутренней «архитектурой» бунинского поэтического мира. Впечатления от увиденных бёклиновских картин нашли отражение не только в стихах, написанных непосредственно после европейского путешествия 1900 г. (см. «Мраморная пристань»), но и в более поздних дневниковых записях 1916–1917 гг. Устойчивая память о бёклиновских цветах, как предполагает автор, отчасти связана со смертью близкого друга Бунина художника В.П. Куровского, сопровождавшего писателя в путешествии по Европе. В статье также подчеркивается, что живопись Бёклина не дала существенных влияний на поэзию Бунина, но тот факт, что спустя почти два десятилетия она была жива в его творческом сознании, едва ли не единственный пример подобной памяти о художнике в биографии писателя.

Ключевые слова: И.А. Бунин; А. Бёклин; «Остров мертвых»; культура модернизма; литература и живопись

Финансирование: Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00347-П «Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)», <https://rscf.ru/project/22-18-00347/>

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-15

¹ Автор выражает благодарность Т.М. Двинятиной (ИМЛИ РАН) за предложения и замечания, высказанные в ходе обсуждения статьи.

Для цитирования: Зайцев Д.В. Живопись А. Бёклина в художественном сознании И.А. Бунина // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2026. № 4. С. 175–183.

ARNOLD BÖKLIN'S PAINTING IN IVAN BUNIN'S ARTISTIC CONSCIOUSNESS

Dmitrii V. Zaitsev

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; d_zaitsev@mail.ru*

Abstract: Throughout his life, I.A. Bunin maintained a close connection with the world of painting, ranging from his visits to the Odessa Society of South Russian Artists to his acquaintance and interaction with émigré painters. Among the artists he particularly esteemed were V.M. Vasnetsov, I.I. Levitan, and A. Böcklin. Böcklin's work—most notably the painting “Isle of the Dead”—embodied the spirit of modernist culture and exerted a powerful influence on the artistic imagination of painters, writers, and composers at the turn of the twentieth century. This article investigates the reception of Böcklin's painting in Bunin's artistic consciousness. Drawing on biographical sources, literary and critical texts, as well as the broader cultural context of the late nineteenth and early twentieth centuries, the author explores how Böcklin's symbolic painting—especially in its use of color—resonates with the internal “architecture” of Bunin's poetic world. The memory of Böcklin's paintings is reflected not only in the poems written directly after Bunin's European journey in 1900 (see, for example, “The Marble Pier”), but also in his later diary entries from 1916–1917. The enduring recollection of Böcklin's colors, the author suggests, is partly linked to the death of Bunin's close friend, the artist V.P. Kurovsky, who had accompanied him on that European journey. The article also emphasizes that while Böcklin's painting did not exert a direct or significant influence on Bunin's poetry, the very fact that it remained vividly present in his creative consciousness nearly two decades later constitutes an almost unique case of such lasting memory of the artist in the writer's biography.

Keywords: I.A. Bunin; A. Böcklin; “Isle of the Dead”; modernist culture; literature and painting

Funding: The research was carried out at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00347-II “Ivan Bunin's Early Work: Poetry, Prose, Criticism, Journalism, Translations (1883–1902)”, <https://rscf.ru/project/22-18-00347/>

For citation: Zaitsev D.V. (2026) Arnold Böcklin's Painting in Ivan Bunin's Artistic Consciousness. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 175–183.

И.А. Бунин на протяжении всей жизни был тесно связан с миром живописи. В 1899 г. во время пребывания в Одессе начинающий

писатель сблизился с членами Товарищества южнорусских художников и стал частым посетителем их собраний по четвергам. Дружеские отношения сложились у Бунина с художниками В.П. Куровским, П.А. Нилусом и Е.И. Буковецким. В 1900-е гг. в Москве писатель вместе с братом Ю.А. Буниным посещал Объединения московских художников, встречался с В.М. Васнецовым, М.В. Нестеровым, И.Е. Репиным и др. В эмиграции Бунин тесно общался с художницей Т.Д. Муравьевой-Логиновой, встречался с М.Ф. Ларионовым и Н.С. Гончаровой, также имеются сведения о знакомстве Бунина с Ф.А. Малявиным и П. Пикассо. Многие стихотворные произведения писателя посвящены его друзьям-живописцам, за что в ответ он нередко становился объектом их художественного воплощения².

При всей очевидной биографической близости к живописному миру в своем творчестве писатель оставался подчеркнуто литературным и редко обращался к образам и мотивам кого-либо из художников. В качестве исключений могут быть названы имена В.М. Васнецова (1848–1926) и И.И. Левитана (1860–1900), а из зарубежных — А. Бёклина (1827–1901)³. Если с Васнецовым Бунин был знаком лично, а с Левитаном, вероятно, встречался на выставках в Москве и слышал о нем от А.П. Чехова и его семьи, то интерес к живописному символизму был для начинающего поэта абстрактным, органично соотносившимся со всеобщим увлечением бёклиновским пейзажем на рубеже XIX–XX вв. Однако именно Бёклину было суждено сыграть важную роль в становлении молодого художника слова.

Бёклин родился в Базеле, учился в Дюссельдорфе и Мюнхене, жил и работал в Париже и Риме, преподавал в Саксонской школе искусств в Веймаре. В историю мировой живописи он вошел как автор аллегорических пейзажей («Вилла у моря», 1864; «Остров мертвых», 1880, и др.) и фантастических сцен с мифологическими существами («Нимфа и Сатир», 1871; «Игра nereид», 1886, и т. д.). К моменту своей смерти в немецкоговорящем мире Бёклин считался фигурой национального масштаба, создавшей мощнейшие художественные образы, которые оформили новую мифологию объединенного германского мира⁴. Действительно, мотивы живописи Бё-

² Подробнее о связях Бунина с миром художников см.: [Бонами 2014].

³ Подробнее см.: [Двинятина 2015: 92].

⁴ Показательны в этом отношении слова немецкого художественного критика Ю. Мейер-Грефе, отстаивавшего в своих статьях современную французскую живопись: «Я признаю знакомство с тем искусством, которое нам дал Мане, одинаково полезным, как и вышеизложенное, но, конечно, только для того, у кого лежит сердце к этому. Искусство, в сущности, не нужно. Бисмарк обходился без него, и большинство правителей благополучно без него правят. Оно нынче тем

клина в это время получили очень широкое распространение в Европе: немецкий композитор Г. Шульц-Бойтен написал симфоническую поэму «Остров мертвых» (1890); М. Рeger создал в 1913 г. цикл композиций для симфонического оркестра «Четыре поэмы по А. Бёклину», третья часть которого называлась «Остров мертвых»; В.В. Набоков в романе «Отчаяние» (1936) писал, что репродукцию картины «Остров мертвых» «можно найти в каждом берлинском доме»⁵. В России живопись Бёклина приобрела не меньшую популярность: с середины 1880-х гг. издательством Ф. Гурлита огромными тиражами издавались репродукции картины «Остров мертвых»; под впечатлением от этой картины С.В. Рахманинов написал одноименную симфоническую поэму (1909); героиня Н. Тэффи в рассказе 1912 г. иронизировала: «Вчера я была счастлива. Я сидела в гостиной, в которой ни на одной стене не висела гравюра с картины Бёклина “Остров Мертвых”!» [Тэффи 2011: 406]. Бёклин стал неотъемлемой частью художественной жизни начала XX в., и российское творческое сообщество восприняло смерть художника в 1901 г. как трагедию⁶.

Бунин был знаком с живописью Бёклина не только по репродукциям, но и видел его картины на Германской выставке в Москве (1900) и во время путешествия по Европе осенью 1900 г. Вместе с художником В.П. Куровским писатель посетил Германию, Фран-

менее нужно, что радость жизни стала покупаться слишком дорогой ценой. Словом, есть вещи поважнее искусства. Но если кого-нибудь тянет к искусству, если кто-нибудь еще позволяет себе наслаждаться на счет других, если кто-нибудь стремится еще к оправданию бескорыстной деятельности художника, то ему необходимо встать в ряды поклонников Мане. Если признавать какое-нибудь искусство, то только это. Нельзя быть канатным плясуном и утверждать, что все имеет свои “pro” и “contra”, что Мане хорошо, но хорош также и Бёклин, что можно любить обоих и что оба служат единой цели. Надо твердо установить, что Мане есть живопись, а Бёклин нечто совсем иное. Это иное может быть более возвышенным, может нам, германцам, казаться более германским, может помогать стихотворцам в писании стихов. Даже с художественной точки зрения это “иное” может иметь большие декоративные достоинства. Однако с типичным искусством, которое мы исповедуем как живопись — оно не находится в непосредственном отношении. Бёклин прежде всего воплощение фантастических явлений, художественность (das Malerische) которых, с точки зрения живописи как таковой, — есть нечто произвольное, случайное» [Мейер-Грефе 1903: 88]. Более подробно эти мысли критик развернул в посвященной Бёклину книге «Der Fall Böcklin», отсылающей своим заглавием к эссе Ф. Ницше «Казус Вагнера», см.: [Meier-Graefe 1905].

⁵ В авторском переводе (1965) на английский язык: “An ordinary print found in every Berlin home” [Nabokov 1989: 56]. В русском оригинале (1936) это уточнение отсутствует: «Обыкновенная литография: остров мертвых».

⁶ Подробнее о влиянии Бёклина на культуру рубежа веков см.: [Кузнецова 2023].

цию, Швейцарию и Австрию⁷. По всей вероятности, Бунин имел возможность познакомиться с бёклиновскими полотнами в музейных собраниях Берлина и Мюнхена, в которых останавливался на продолжительное время⁸. В Старой национальной галерее Берлина хранится ряд пейзажей («Пейзаж с руинами замка», 1847; третья версия «Острова мертвых», 1883, и др.), портретов (в частности, знаменитый «Автопортрет со Смертью, играющей на скрипке», 1872) и мифологических сцен («Кентавр и нимфа», 1855; «Сирены», 1875, и т. д.). В Новой пинакотеке Мюнхена собраны преимущественно сцены с мифологическими персонажами (2-я версия «Пана в тростнике», 1859; «В игре волн», 1883, и др.), но экспонируется также и эскиз картины «Вилла у моря» (ок. 1863). О впечатлениях от посещения мюнхенской галереи Бунин писал брату 12 ноября 1900 г.: «Не писал потому, что буквально нет минуточки. <...> Мюнхен прелесть, картины Бёклина замечательны. Еду сейчас в Вену, вечером буду там, — там день, затем в Дрезден — тоже день и домой! Еду в Птб.» [Летопись 2011: 380].

После европейского путешествия, в ноябре 1901 г. на заседании одесского литературно-артистического кружка Бунин, впечатленный увиденными картинами Бёклина, выступил с лекцией о его творчестве, содержание которой до нас не дошло [Там же: 440]. Еще через несколько лет, в 1903 г., писатель принял участие в одесском литературно-художественном сборнике «Наши вечера» и напечатал там рассказ «Перевал» и стихотворение «In memoriam» («Спокойный взор, подобный взору лани...»). В этом же сборнике Куровский опубликовал торжественный некролог Бёклину с несколькими репродукциями его картин⁹. Назвав Бёклина одним из «столпов человечества» и «величайшим живописцем XIX века» [Куровский 1903: 101], Куровский изложил факты биографии художника и подробно описал несколько его картин. Завершая очерк, Куровский определил место и значение творчества Бёклина в контексте современной живописи:

Его картины поражают необычайною силою красок, которая принималась, да и принимается еще многими за грубость. Время развития творчества Бёклина совпало со знаменательной эпохой для живописи.

⁷ Проследить маршрут Бунина можно по «Летописи жизни и творчества», см.: [Летопись 2011].

⁸ О знакомстве с еще одной важной коллекцией картин Бёклина в Базельском художественном музее и посещении Базеля вообще нам ничего неизвестно.

⁹ Еще в начале 1901 г. Куровский писал Бунину: «Бёклин умер!! Не побывали мы, брат, в Бадене, а надо было» [Летопись 2011: 388]. Мы предполагаем, что в опубликованный текст закралась опечатка, и речь идет о Базеле — родном городе Бёклина, в котором хранится крупнейшее собрание его картин.

В это самое время родился и развивался импрессионизм, который поглотил внимание и силы всего талантливого, молодого и живого. С того момента, когда в 1860-е гг. художник Мане своими картинами доказал возможность передавать впечатление видимого не одними условными коричневыми тонами старых мастеров, но и разнообразнейшими оттенками солнечного света, в воздушных рефlekсах неба, во взаимодействии предметов, отраженными световыми лучами друг на друга, открылась богатая новая область *plain air*, которая увлекла всех талантливых живописцев на новый путь и поглотила труд и талант целого поколения живописцев.

Бёклин остался самобытным творцом и в этой сфере. Он взял из нового открытия только то, что в нем было существенного и шагнул далеко вперед современного поколения. Вместо того, чтобы ограничить свои краски рабским подражанием природе, результатом которого часто оказывается вместо искусства ремесло, он заставил их своим прекрасным выразительным языком говорить о том, что стремилась выразить в фантастических образах его творческая мысль. Он не стеснялся употреблять самые резкие сочетания, сгущать тона до невероятной силы, его краски, как о них говорит Муттер, смеются, ликуют, радуются, его голубые тона — блаженно голубые, красные — ликующе красные, в меланхолических картинах серые тона угрюмы, в веселых яркие краски подобраны в блестящие сочетания, которыми не может насытиться, как самим солнечным светом, глаз [Куровский 1903: 108–110].

Ориентация на классическое наследие, преобладание мысли над впечатлением, резкие сочетания красок и сгущенные тона — это то, что Куровский ставил в заслугу Бёклину. Нужно полагать, что с этим соглашался и Бунин, написавший непосредственно по следам европейского путешествия стихотворение «Мраморная пристань», в котором прямо называл фамилию художника: «Гляжу я, как вода, // К моим ногам на мрамор наплывая, // Восходит иногда // И вниз скользит, не насыщая взгляда, // И счастьем красоты // Зовет к себе, как юная наядя, // Как Бёклина мечты!» [Бунин 1903: 1035]. В стихотворении переплетены живописные мотивы «Виллы у моря» и «Острова мертвых». В этих картинах Бунина привлекло характерное для всего его поэтического творчества сочетание древних руин и первозданной природы (ср.: «Зной», 1900; «Развалины», 1903–1904, и др.). В «Мраморной пристани» Бунин также подчеркивает цвета: золотая аллея, прозрачный мрамор, краснеющая листва, лазурный хрусталь. Имя художника Бунин один раз упомянул и в прозе. В раннем варианте рассказа «Осенью» герой, предлагая возлюбленной поехать, «к дачам за маяками», подчеркнул: «Там теперь жутко,

как на картине Бёклина» [Бунин 1902b: 154]¹⁰. Вероятно, имелась в виду картина «Остров мертвых».

В сознании молодого поэта творчество Бёклина отпечталось прежде всего как живопись цвета, а не мифологических образов и сюжетов. Неслучайно бёклиновские краски еще долгое время виделись и вспоминались Бунину. Так, в марте 1916 г. он записал в дневнике: «Яркий, настоящий весенний день. Крупные облака в серых деревьях, серые стволы имеют необыкновенно прелестный тон и глянец. Напоминает картины Бёклина» [Литературное наследство 2022: 63]. В записях 1917 г. Бунин отмечал «сине-каменное небо» [Там же: 88] и «точно бёклиновские, черно-зеленые, цвета кипарисов» [Там же: 81]. Устойчивая память о бёклиновских цветах в зрелые годы может быть также связана с самоубийством художника Куровского в 1915 г., сопровождавшего писателя в путешествии по Европе в 1900 г.

Бунин тяжело переживал смерть близкого друга: «Дикое известие: Куровский застрелился. Не вяжется, не верю. Что-то ужасное — и, не знаю, как сказать: циническое, что ли. Как я любил его! Не верю — вот главное чувство» [Там же: 55]¹¹. Писатель также посвятил ему стихотворение «Памяти друга» (1916). Возможно, мысли о Куровском всколыхнули воспоминания о той поездке, в орбите которой находились и сильные живописные впечатления — в частности, от картин Бёклина. Так в одной точке сошлись для Бунина ощущение полноты жизни, ее трагическая конечность и непреходящий характер искусства. Как предположила Т.М. Двинятина, «картина А. Бёклина “Автопортрет со Смертью, играющей на скрипке” (1871–1874), напечатанная в том же выпуске “Наших вечеров”, могла прочитываться им как эмблема и его собственного творчества: так близко было Бунину сознание постоянного присутствия смерти в мире, повышенной ценности жизни перед ее лицом, упоение жизнью, которую художник призван спасти от забвения и тлена (на автопортрете Бёклин изображен с кистью и палитрой, прислушивающимся к той музыке, которую за его плечом играет на скрипке безносый скелет)» [Двинятина 2015: 92].

Таким образом, увиденная в 1900 г. в Европе живопись Бёклина не оказала существенного влияния на творчество Бунина, но тот

¹⁰ Характерно также упоминание в эти годы другого художника-символиста XIX в. В рассказе «Надежда» герой, наблюдая море и вспоминая юность, заметил: «День был серый и спокойный, — прохладный октябрьский день тона Пювис де Шаванна, — в свежем, бодрящем воздухе пахло морем и увядающей листвой» [Бунин 1902a]. В последующих публикациях рассказов упоминания и Бёклина, и Пюви де Шаванна были сняты автором.

¹¹ О личных и творческих контактах Бунина и Куровского см.: [Байцак 2010].

факт, что спустя почти два десятилетия она была жива в его художественном сознании, — едва ли не единственный пример подобной памяти о художнике в биографии писателя. Бунин воспринял в картинах Бёклина не столько распространившиеся мифологические образы, а то, что было близко именно ему, — силу красок и ощущение цвета. В этой восприимчивости к тончайшим проявлениям внешнего мира и заключается одна из констант творческого метода Бунина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байцак М.С. И.А. Бунин и В.П. Куровский: Творческие параллели // И.А. Бунин и его окружение: К 140-летию со дня рождения писателя. М., 2010. С. 260–269.
2. Бонами Т.М. И.А. Бунин и изобразительное искусство. М., 2014.
3. Бунин И.А. Мраморная пристань // Журнал для всех. 1903. № 9. С. 1035.
4. Бунин И.А. Надежда // Одесские новости. 1902а. 7 марта. № 5571. С. 1.
5. Бунин И.А. Осенью // Мир Божий. 1902b. № 1. С. 151–157.
6. Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дисс. доктора филол. наук: 10.01.01. СПб.: ИРЛИ (Пушкинский дом), 2015.
7. Кузнецова Е.В. Живописные мотивы Арнольда Бёклина в поэзии русского модернизма // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 1. С. 238–275.
8. Куровский В.П. Арнольд Бёклин // Наши вечера. Литературно-художественный сборник. Одесса, 1903. Вып. 1. С. 101–111.
9. Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1.
10. Литературное наследство. Т. 110: И.А. Бунин. Новые материалы и исследования: в 4 кн. / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Кн. 2.
11. Мейер-Грефе Ю. Современное французское искусство // Мир искусства. 1903. № 9. С. 87–100.
12. Тэффи Н.А. Собрание соч.: в 5 т. М.: Книжный клуб Книгобек, 2011. Т. 1.
13. Meier-Graefe J. Der Fall Böcklin und die Lehre von den Einheiten. Stuttgart, 1905.
14. Nabokov V. Despair. New-York, 1989.

REFERENCES

1. Baitsak M.S. I.A. Bunin i V.P. Kurovskii: Tvorcheskije paralleli [I.A. Bunin i V.P. Kurovskii: Artistic parallels]. In I.A. Bunin i ego okruzhenie: K 140-letiiu so dnia rozhdeniia pisatelja. Moscow, Russkii put' Publ., 2010, pp. 260–269. (In Russ.).
2. Bonami T.M. I.A. Bunin i izobrazitel'noe iskusstvo [I.A. Bunin and the Visual Arts]. Moscow, Russkii impul's Publ., 2014. (In Russ.).
3. Bunin I.A. Mramornaia pristan' [Marble Wharf]. Zhurnal dlia vsekh. 1903, № 9, pp. 87–100. (In Russ.).
4. Bunin I.A. Nadezhda [Hope]. Odesskie novosti. 1902a, № 5571, pp. 1. (In Russ.).
5. Bunin I.A. Osen'iu [In Autumn]. Mir Bozhii. 1902b, № 1, pp. 151–157. (In Russ.).
6. Dviniatina T.M. Poeziia I.A. Bunina: Evoliutsiia. Poetika. Tekstologiya [I.A. Bunin's Poetry: Evolution. Poetics. Textology]. D. Sc. Thesis. St. Petersburg, Institute of Russian Literature RAS (Pushkin House), 2015. (In Russ.).
7. Kuznetsova E.V. Zhivopisnye motivy Arnol'da Beklina v poezii russkogo modernizma [Arnold Böcklin's Pictorial Motifs in the Poetry of Russian Modernism]. Studia Litterarum, 2023, vol. 8, № 1, pp. 238–275. (In Russ.).

8. Kurovskii V.P. Arnold Böcklin. *In Nashi vechera. Literaturno-khudozhestvennyi sbornik*. Odessa, Tipografiia Iuzhno-russkogo obshchestv pechatnogo dela Publ., 1903, pp. 101–111. (In Russ.).
9. Morozov S.N., comp. *Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina* [Chronicle of the Life and Work of I.A. Bunin]. Moscow, IWL RAS Publ., 2011, vol. 1. (In Russ.).
10. Korostelev O.A. and S.N. Morozov, eds. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, vol. 110, book 2. (In Russ.).
11. Meier-Graefe J. *Sovremennoe frantsuzskoe iskusstvo* [Contemporary French Art]. *Mir iskusstva*, 1903, № 9, pp. 87–100. (In Russ.).
12. Teffi, N.A. *Sobranie soch.: v 5 t.* [Collected Works]. Moscow, *Knizhnyi klub Knigovek Publ.*, 2011, vol. 1. (In Russ.).
13. Meier-Graefe, J. Der Fall Böcklin und die Lehre von den Einheiten [The Case of Böcklin and the Doctrine of Units]. Stuttgart, *Verlag von J Hoffmann*, 1905. (In Germ.).
14. Nabokov, V. *Despair*. New-York, 1989. (In Eng.).

Поступила в редакцию 19.01.2026

Отредактирована 19.03.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received 19.01.2026

Revised 19.03.2026

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Вадимович Зайцев — младший научный сотрудник, аспирант Отдела русской литературы конца XIX — начала XX вв. ИМЛИ РАН;
d_zaiczev@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii V. Zaitsev — Junior Researcher, PhD Student, Department of Russian Literature of Late 19th and Early 20th Centuries, A.M. Gorky Institute of World Literature; d_zaiczev@mail.ru

ТЕМА ТЕАТРА И ТЕАТРАЛЬНОСТИ В ДРАМЕ САЛВАДОРА ЭСПРИУ «ЕЩЕ ОДНА ФЕДРА, ЕСЛИ ВАМ УГОДНО»

Д.Д. Выволокина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; vyvdariavv@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается пьеса каталонского писателя Салвадора Эсприу «Еще одна Федра, если вам угодно», изданная в 1977 г., с точки зрения постмодернистской поэтики. В частности, исследуется тема театра и театральности. Анализируя данный аспект, автор статьи изучает такие уровни текста, как композиционное построение, топос, система персонажей и сюжет, выделяет основные художественные приемы. Отмечается, что с помощью изображения актрис перед выходом на сцену и комментариев каталонских зрителей миф о Федре рассматривается с позиции XX века, что заостряет проблему «непонимания» античного наследия современной публикой и снижает трагический пафос. Выявляется ирония по отношению к театру, которая подвергает сомнению его суть и заставляет воспринимать его как иллюзорную игру и обман. Благодаря расширению пространственных отношений универсум пьесы становится особой сценой, где встречаются персонажи произведений, принадлежащих к разным периодам творчества Эсприу. Исследуется, как античное наследие и современность создают постмодернистское сочетание разнородных пластов культуры. Также автор статьи анализирует проблему плюралистичности интерпретации текста и демонстрирует, как прием «театр в театре» усиливается с помощью трансформаций на уровне системы персонажей, в частности, через добавление *alter ego* писателя. Обращается внимание на то, что античный конфликт получает новую развязку, которая показывает, что миф и литература полностью зависят от авторской воли. Делается вывод, что обращение к теме театра и театральности и игра с читательскими представлениями о древнегреческом мифе встраивают пьесу «Еще одна Федра, если вам угодно» в постмодернистскую парадигму.

Ключевые слова: каталонская литература XX века; постмодернизм; мифология; Федра; Салвадор Эсприу; театр и театральность

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-16

Для цитирования: Выволокина Д.Д. Тема театра и театральности в драме Салвадора Эсприу «Еще одна Федра, если вам угодно» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 184–191.

THE THEME OF THEATRE AND THEATRICALITY IN SALVADOR ESPRIU'S DRAMA *ANOTHER PHAEDRA, PLEASE*

Daria D. Vyvolokina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; vyvdariavyv@gmail.com

Abstract: The article examines the play *Another Phaedra, Please*, published in 1977 by the Catalan writer Salvador Espriu, from the point of view of postmodern poetics. The primary focus is directed to the theme of theatre and theatricality. Analysing this aspect, the author of the article examines such levels of the text as compositional structure, topos, character system and plot, and identifies the most crucial artistic techniques. It is noted that via portraying actresses before going on stage and comments from Catalan viewers, the myth of Phaedra is viewed from the perspective of the twentieth century, which points out the problem of “misunderstanding” of the ancient heritage by the modern public and lessens the tragic pathos. Irony is revealed in relation to the theatre, which casts doubt on its essence and makes it perceived as an illusory game and deception. Due to the expansion of spatial relations, the universe of the oeuvre becomes a special scene where characters from different periods of Espriu's legacy meet. The research explores how ancient heritage and modernity create a postmodern combination of diverse layers of culture. The author of the article also highlights the problem of pluralistic interpretation of the text and observes how the image of theatre is transformed at the level of the character system, in particular, through the addition of the writer's *alter ego*. Furthermore, the ancient conflict obtains a new denouement, which demonstrates that myth and literature are completely dependent on the author's will. The researcher draws the conclusion that the play *Another Phaedra, Please* is incorporated into the postmodern paradigm by addressing the topic of theatre and theatricality and playing with readers' ideas about the ancient Greek myth.

Keywords: Catalan literature of the twentieth century; postmodernism; mythology; Phaedra; Salvador Espriu; theatre and theatricality

For citation: Vyvolokina D.D. (2026) The Theme of Theatre and Theatricality in Salvador Espriu's Drama *Another Phaedra, Please*. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 184–191.

В июне 1977 года Салвадор Эсприу (1913–1985) завершает работу над драмой «Еще одна Федра, если вам угодно», которой было суждено стать его последним словом, прозвучавшим с театральной сцены, итогом самоотверженной работы нескольких десятилетий, определившей облик каталонской литературы XX века. Его творчество символизирует постоянный поиск, эксперимент с художественным методом и техниками, но также сохранение глубинного «я» через обращение к онтологическим вопросам, составляющим фундамент его произведений. Одним из ключевых приемов, выстраивающих его наследие в единое целое, стало обращение к мифу.

Антигона, Федра, Эсфирь и многие другие герои античного и библейского времени неоднократно встречаются на страницах рассказов, пьес и стихотворных произведений, тем самым формируя единый универсум художественного мира Эсприу. Так, в 1938 г. он обращается к древнегреческому сюжету о дочери критского царя Миноса и публикует повесть «Федра». Однако спустя почти 40 лет, вдохновленный предложением известной каталонской актрисы Нурии Эсперт, писатель снова возвращается к этому мифу, создав его театральную вариацию, знакомую зрителям как «Еще одна Федра, если вам угодно».

«El teatre dins el teatre», — так эту пьесу охарактеризовал Карлес Миральес, один из крупнейших исследователей творчества Эсприу [Espriu 2014: 12]. Тема театра и театральности неразрывно связана с поиском оригинальных художественных решений, подразумевает нестандартный взгляд на казавшиеся неизменными уровни текста. Опираясь на свой писательский опыт и в то же время отталкиваясь от него, автор усложняет композицию, топос, сюжет, систему персонажей — категории, на которых мы предлагаем остановиться подробнее. Важно помнить, что весь текст пьесы является диалогом и полемикой, полем игры со зрителем, что особо значимо для поэтики постмодернизма.

Универсум театра

В произведении Эсприу тема театра и театральности подчеркивается через усложнение композиционной структуры. Кроме основного действия (античной истории о Федре), автор добавляет условную рамку в виде комментариев трех каталонских зрителей (персонажей рассказов Эсприу) — Пулк्रे Тромпелли, Магдалены Блази, Теклеты Мариго. Герои делятся впечатлениями о событиях, происходящих на сцене, обмениваются мнениями о том, насколько хорошо играют актеры, поздравляют их после постановки. Театральный эксперт Пулкре уже знает, какой будет финал у этой пьесы, в то время как Теклета и Магдалена видят ее в первый раз и удивляются некоторым поступкам действующих лиц. Реализуя комическое снижение сюжета, С. Эсприу применяет классический прием острашения. Так, например, за возвышенными словами о двойственности чувства, терзающего Федру, следуют такие реплики: «*Tecleta. Ben bé no he entès ni una sola paraula* <Я, право, не поняла ни единого слова>». *Magdalena. Doncs jo em penso que sí* <Что ж, я думаю, что поняла>» [Espriu 2014: 98] (здесь и далее перевод наш. — В.Д.).

Здесь отчетливо видно, как античный сюжет получает неожиданную трактовку: мы начинаем смотреть на древний конфликт глазами современного зрителя. Миф становится предметом шуток,

чем-то «далеким» и необъяснимым. Сложные диалоги между древнегреческими героями теперь не поддаются пониманию, снижаются, что отражает ироническое мировосприятие автора. Приведем еще одну сцену, где используется прием остранения: обсуждая любовный треугольник между Федрой, Тезеем и Ипполитом, Теклетас с недоумением восклицает: «Com és possible això? Dos homes alhora? <Как такое возможно? Двое мужчин одновременно?>» [Espriu 2014: 101]. Добавляя комментарии зрителей, автор играет с разными точками зрения, делает акцент на проблеме «непонимания». Прием остранения снижает пафос и остроту древнегреческого конфликта.

На следующем композиционном уровне Эсприу изображает закулисы жизни актрис: исполнительницы главных ролей рассказывают о секретах своей профессии. Великая актриса перевоплощается в античную царицу на глазах у зрителей. Это становится одним из характерных признаков того, что автор работает в постмодернистской плоскости. Здесь рампа исчезает: публика видит то, что обычно от нее скрыто. Актрисы сплетничают о постановщике пьесы, рассказывают, какие роли лучше всего отражают их характер, высказывают свое мнение о главных героинях трагедий Еврипида и Софокла. Например, Великая актриса полагает, что роль Антигоны ей не подходит, поскольку ее должна исполнять более юная девушка. Другая актриса занимает противоположную позицию [Espriu 2014: 93]. Пьеса «Антигона» выбрана для обсуждения не случайно: эта отсылка к произведению Эсприу 1930-х годов является примером интертекстуальности, столь важной в поэтике постмодернизма. Таким образом, построение драмы оказывается тесно связанным с театральным пространством: сцена (уровень древнегреческого мифа), зрительный зал (современность) и закулисы, где актрисы готовятся к выходу на сцену и делятся друг с другом последними новостями (срединное пространство между мифом и современной реальностью).

Раскрытие темы театра и театральности происходит также за счет придания универсального характера месту действия. В произведении «Еще одна Федра, если вам угодно» Эсприу выстраивает топос совсем не так, как в своей повести «Федра» 1930-х годов, и не так, как он был выстроен в трагедии «Ипполит» Еврипида. В ремарках автор указывает, что конфликт разворачивается в таких местах, как Трезен, Афины (пласт древнегреческой пьесы) и, по сути, в «неважно каком театре в произвольной стране» [Espriu 2014: 91].

Решение поместить часть действия в театр в условной стране является существенным изменением, благодаря чему античное наследие и современность пронизывают друг друга и создают сложное, постмодернистское, сочетание разнородных пластов культуры.

Особо примечателен комментарий «en el país que es triï» <в той стране, которую выберут> [Espriu 2014: 91]: Эсприу дает возможность будущим постановщикам самим указывать страну, в которой может происходить действие пьесы. Автор предполагает множественность интерпретаций своего текста и отступает на второй план, предоставляя режиссерам свободу выбора. Симптоматично, что, помимо древнегреческих городов и театра, в произведении упоминается также Синера — знаковое место художественного мира писателя. Ее прототипом стал средиземноморский город Аренсь-де-Мар, где Эсприу провел значительную часть своего детства. Образ Синеры (чье название зеркально отражает Аренсь), символизирующий прошлое, ностальгию по истинной Каталонии, встречается в разных жанрах творческого наследия Эсприу: в прозаическом произведении «Скалы и море, лазурь», в драме «Подлинная история Эсфири».

Останавливаясь на системе персонажей, необходимо проанализировать, какие изменения привносит в историю о Федре появление героев, созданных Эсприу и не существовавших в древнегреческом тексте. Прежде всего, в пьесе каталонского писателя упоминается такое значимое действующее лицо, как Шалом. Это сквозной персонаж, встречающийся неоднократно и в других произведениях автора. Он появляется в качестве вершителя правосудия в драме «Подлинная история Эсфири», а также в книге «Ариадна в гротескном лабиринте», в стихотворении «В духе Шалома». В пьесе «Еще одна Федра, если вам угодно» Шалом перевоплощается в постановщика пьесы о Федре. Здесь заметна дистанция по отношению к этому персонажу: нововведения постановщика (в частности, появление Танатоса) воспринимается зрителями как трюк, скопированный у другого драматурга: «És un truc típic de Salom, encara que imitat o plagiat» <Это характерный трюк Шалома, хотя и подражание, даже плагиат> [Espriu 2014: 102]. Однако в процитированном фрагменте речь идет не столько об иронии, сколько о самоиронии, поскольку образ Шалома можно интерпретировать как *alter ego* автора. Такая трактовка подтверждается несколькими деталями: образ Танатоса отсылает к произведениям Эсприу, где звучит тема рока и возмездия. К тому же в тексте присутствует аллюзия на трагедию «Антигона», созданную каталонским автором в 30-х годах. Например, Шалом изначально предлагал Великой Актрисе роль Антигоны, но та отказалась. Обращаясь к другим текстам Эсприу, можно заметить, что образ Шалома выполнял функцию *alter ego* писателя и ранее (в импровизации «Подлинная история Эсфири»). Любопытно, что Шалом контролирует не только актеров и актрис, приказывая им согласиться на некоторые изменения и хранить тайну о готовящейся поста-

новке, но и зрителей в зале, на чем стоит остановиться более подробно.

Зрители, с одной стороны, — это *живые люди*. Пулкре, Магдалена, Теклета беседуют с актерами, поздравляют их после постановки, предлагают им свою помощь, являются их соотечественниками. Они рассказывают, что поделились мнением с Шаломом насчет Танатоса, рекомендовали ему не включать этого персонажа в действие. Кажется, что они могут вносить изменения в пьесу. Тем не менее, это только иллюзия, поскольку они сами являются марионетками. Обратим внимание на реплику Магдалены: «*Som persones, però també personatges de Salom, contra el qual ens revoltam, del qual procurem d'alliberar-nos*» <Мы люди, но вместе с тем — персонажи Шалома, восстающие против него и пытающиеся от него освободиться> [Espriu 2014: 95]. Эти герои выполняют предписанные им роли, знают, как им должно реагировать, понимают, что отношения между ними определены заранее. Когда Пулкре и Теклета начали активно обсуждать события, происходящие на сцене, Магдалена напоминает, что им категорически запрещено выходить из своих амплуа [Espriu 2014: 107].

Имея в виду постмодернистскую трактовку темы театральности, стоит также обратить внимание на то, насколько существенно каталонский писатель пересматривает развязку античного сюжета, обманывая ожидания читателей. Постановка Шалома не заканчивается гибелью Федры и Ипполита, а получает иное завершение: Федра рассказывает своему мужу, что ее терзают темные думы, но Тесей прощает жену и не гневается на сына. Признание Федры вызывает у него смех. В финальном эпизоде все четверо (Федра, Тесей, Ипполит и кормилица Энона) входят в царский дворец, а Танатос, следивший за действием, неожиданно падает и медленно уползает вслед за героями. Салвадор Эсприу выводит за рамки действия историю о происхождении Федры и богов. Развязка каталонской пьесы абсолютно «земная»: финальное решение должен принять царь Трезена. Скорее всего, изменение развязки конфликта можно интерпретировать в духе постмодернизма, как то, что всё (включая миф и литературу) зависит от его решения.

Театр о театре

Заключительный уровень мы обозначим как «театр о театре», или саморефлексия. Великая Актриса задается вопросом о том, что такое драматургическое произведение, выступая в качестве резонера автора: «*El teatre és en primer lloc acció. Després, pensament*» <Театр — это прежде всего действие. А уже потом — мысль> [Espriu 2014: 93]. Пьеса должна заключать в себе действие, полное энергии, твор-

ческого энтузиазма. Характеризуя театр второй половины XX века, актриса подчеркивает его надуманность и эклектичность: «Ningú no m'ha d'ensenyar res sobre el que és teatre. I menys sobre el d'avui, en general tan sofisticat i embastardit» <Не надо меня учить, что такое театр. И уж тем более — тому, что представляет собой современный театр, в целом такой изощренный и усложненный> [Espriu 2014: 94]. К тому же она приводит описание современной публики, отличающейся сложностью и противоречивостью. Каждая встреча с ней становится особым испытанием, внушающим страх [Espriu 2014: 94]. Великая Актриса ставит под сомнение саму суть театра, утверждая, что появление древнегреческих богинь на сцене невозможно, поскольку они могли бы простудиться из-за их легкой одежды: «Les deesses no surten a escena. Amb els seus tradicionals vestits, es podrien refredar» <Богини на сцену не выходят. В своих традиционных одеяниях они рисковали бы простудиться> [Espriu 2014: 95] (далее она сразу же переодевается на греческий манер и приступает к исполнению роли Федры). Однако проблема разочарованности оказывается еще острее. По мнению актрисы, внимание современной публики нельзя привлечь ни древними сюжетами, ни новыми конфликтами: «Però qui creu avui en aquestes rivalitats tan antigues? Ni potser tampoc en raons i conflictes més nous» <Но кто сегодня верит в эти древние распри? Да, пожалуй, и в более новые причины разногласий и конфликтов тоже> [Espriu 2014: 95]. Отношение Великой Актрисы, героя-резонера, к театру пронизано горькой иронией и скептицизмом. Она раскрывает основу искусства, обнажая его проблемы и показывая, что театр есть не что иное, как иллюзия, обман. Само действие носит условный характер, является всего лишь игрой, в которой принимают участие как актеры, так и зрители. Отметим, что такое переосмысление темы театра вписывается в постмодернистскую парадигму.

Таким образом, Салвадор Эсприу переосмысляет и античное наследие, и свое творчество, стремится сломать привычные шаблоны, ведет игру с читательскими и зрительскими ожиданиями, представляя древнегреческий миф с неожиданной стороны, что позволяет увидеть в пьесе «Еще одна Федра, если вам угодно» влияние постмодернистской эстетики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 1991.
2. Тахо-Годи А.А. Греческая мифология. М., 1989.
3. Amador J. El mito en la modernidad. México, 2020.
4. Arbonès J. Teatre català de postguerra. Barcelona, 1973.
5. Escala M. L'obra d'Espriu en el teatre català contemporani. Barcelona, 1978.

6. *Espriu S. Antigona. Fedra. Una altra Fedra, si us plau.* Barcelona, 2014.
7. *Fàbregas X. Història del teatre català.* Barcelona, 1978.
8. *Miralles C. Sobre Espriu.* Barcelona, 2013.
9. *Pons A. Espriu, transparent.* Barcelona, 2013.

REFERENCES

1. Losev A.F. *Dialektika mifa* [The Dialectic of Myth]. Moscow: *Mysl' Publ.*, 1991. 303 p. (In Russ.)
2. Taho-Godi A.A. *Grecheskaja mifologija* [The Greek Mythology]. Moscow: *Iskusstvo*, 1989. 304 p. (In Russ.)
3. Amador J. *El mito en la modernidad*. México: *UNAM*, 2020. 36 p.
4. Arbonès J. *Teatre català de postguerra*. Barcelona: *Pòrtic*, 1973. 177 p.
5. Escala M. *L'obra d'Espriu en el teatre català contemporani*. Barcelona: *Pòrtic*, 1978. 116 p.
6. *Espriu S. Antigona. Fedra. Una altra Fedra, si us plau.* Barcelona: *Edicions 62*, 2014. 112 p.
7. *Fàbregas X. Història del teatre català.* Barcelona: *Millà*, 1978. 365 p.
8. *Miralles C. Sobre Espriu.* Barcelona: *Publicacions I Edicions de la Universitat de Barcelona*, 2013. 411 p.
9. *Pons A. Espriu, transparent.* Barcelona: *Proa*, 2013. 763 p.

Поступила в редакцию 03.09.2025

Отредактирована 10.12.2025

Принята к публикации 16.06.2026

Received 03.09.2025

Revised 10.12.2025

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Дарья Дмитриевна Выволокина — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; vyvdariavyv@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Daria Vyvolokina — PhD Student, Department of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; vyvdariavyv@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Бунин И.А. Критика и публицистика 1911–1953 годов / Отв. ред. А.В. Бакунцев; Сост. А.В. Бакунцев, С.Н. Морозов, О.А. Коростелев; предисл., подгот. текста и коммент. А.В. Бакунцева, С.Н. Морозова. М.: ИМЛИ РАН, 2025. 1144 с.

М.С. Щавлинский

*Институт мировой литературы имени А.М. Горького, Москва, Россия;
maxim.shavlinsky@gmail.com*

Аннотация: В рецензии рассматривается фундаментальное издание критико-публицистических текстов И.А. Бунина за 1911–1953 гг., подготовленное в ИМЛИ РАН. Отмечается новаторский характер сборника как издания-спутника к будущему Полному собранию сочинений и писем писателя. Автор рецензии анализирует структуру книги, предисловие и научный аппарат, подчеркивая полноту собранного материала: в него вошло 238 текстов, треть из которых публикуется впервые, что восполняет значительные лакуны в буниноведении и вводит в оборот ранее недоступные архивные материалы. Высоко оценивается тщательность текстологической работы, обращение к автографам, машинописям и прижизненным публикациям. Особое внимание уделяется научным комментариям, занимающим около 500 страниц: они не только идентифицируют лица и события, но и реконструируют полемический контекст эпохи, раскрывают историю создания текстов и скрытые аллюзии. Анализируется принципиальное решение составителей не включать в сборник «Окаянные дни» как художественное произведение, что позволило полнее представить собственно публицистику. Издание оценивается как ценный вклад в понимание эволюции общественно-политических и эстетических взглядов Бунина на фоне трагических событий первой половины XX века.

Ключевые слова: И.А. Бунин; критика; публицистика; историко-литературный процесс; эмиграция; комментарии; текстология

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-17

Для цитирования: Щавлинский М.С. Рецензия на книгу: Бунин И.А. Критика и публицистика 1911–1953 годов / отв. ред. А.В. Бакунцев; сост. А.В. Бакунцев, С.Н. Морозов, О.А. Коростелев; предисл., подгот. текста и коммент. А.В. Бакунцева, С.Н. Морозова. М.: ИМЛИ РАН, 2025. 1144 с.: ил. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 192–197.

BOOK REVIEW: Bunin I.A. Criticism and Journalism 1911–1953 / Ed. by A.V. Bakuntsev; Comp. by A.V. Bakuntsev, S.N. Morozov, O.A. Korostev; Preface, Text Preparation and Comments by A.V. Bakuntsev, S.N. Morozov. Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2025. 1144 p.: ill.

Maksim S. Shchavlinskii

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; maxim.shavlinsky@gmail.com

Abstract: The review examines the fundamental edition of I.A. Bunin's critical and journalistic texts from 1911–1953, prepared at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. The innovative nature of the collection is noted as a "companion edition" to the future Complete Works and Letters of the writer. The author of the review analyzes the book's structure, preface, and scholarly apparatus, emphasizing the comprehensiveness of the collected material: it includes 238 texts, a third of which are published for the first time, filling significant gaps in Bunin studies and introducing previously inaccessible archival materials into scholarly circulation. High praise is given to the meticulousness of the textological work, the reliance on autographs, typescripts, and lifetime publications. Special attention is paid to the scholarly commentary, which spans nearly 500 pages: it not only identifies individuals and events but also reconstructs the polemical context of the era, revealing the history of the texts' creation and hidden allusions. The compilers' principled decision not to include "Cursed Days" in the collection, treating it as a work of fiction, is analyzed, as it allowed for a more complete representation of Bunin's journalism proper. The edition is assessed as a valuable contribution to understanding the evolution of Bunin's socio-political and aesthetic views against the backdrop of the tragic events of the first half of the 20th century.

Keywords: I.A. Bunin; criticism; journalism; historical and literary process; emigration; commentaries; textual criticism

For citation: Shchavlinskii M.S. (2026) Book review: Bunin I.A. Criticism and Journalism 1911–1953 / Ed. by A.V. Bakuntsev; Comp. by A.V. Bakuntsev, S.N. Morozov, O.A. Korostev; Preface, Text Preparation and Comments by A.V. Bakuntsev, S.N. Morozov. Moscow: Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2025. 1144 p.: ill. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 192–197.

Выход в свет фундаментального издания «Критика и публицистика 1911–1953 годов» И.А. Бунина, подготовленного в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН (ИМЛИ РАН), является значимым событием в современном буниноведении. Книга представляет собой первое максимально полное собрание зрелых критико-публицистических текстов писателя, и по замыслу авто-

ров — А.В. Бакунцева и С.Н. Морозова — она должна стать «изданием-спутником будущего научного Полного собрания сочинений и писем Бунина» (с. 17).

Традиционно воспринимаемый широкой аудиторией как выдающийся художник слова, Бунин оставил после себя также обширное публицистическое и критическое наследие, составляющее значительную часть его литературного творчества. Но как справедливо отмечают составители — «не следует забывать, что литературную карьеру Бунин начинал не только как поэт и прозаик, но и как журналист и в течение своей долгой жизни не раз обращался к критике, публицистике, эссеистике, мемуаристике» (с. 5). Критико-публицистическое наследие Бунина занимает немалое место в его творчестве, отражая эволюцию эстетических и общественно-политических взглядов на фоне исторических катаклизмов первой половины XX в. Это издание — тщательно выверенный научный труд, который восполняет пробелы в доступности материалов.

Предисловие задает тон всей книге, подробно обосновывая принципы отбора и ранжирования материалов. Составители подчеркивают, что известное современникам публицистическое наследие Бунина «для позднейших поколений отечественных читателей оставалось по преимуществу *terra incognita*» (с. 5). Устранение этой лакуны — одна из ключевых заслуг издания: в него вошло 238 текстов (из 300 отобранных), многие из которых выявлены в архивах и редких периодических изданиях, ранее недоступных или замалчиваемых в советское время, — «почти треть этих произведений (86) в отдельном издании появляется впервые» (с. 594). Составители объясняют, что 1911 г. выбран не случайно: именно тогда Бунин начал публиковать зрелые критические статьи, в которых уже ясно прозвучал его самостоятельный голос критика. Завершение хронологии 1953 г. (годом смерти писателя) позволяет охватить весь спектр его публицистической активности, включая послевоенные размышления о судьбе русской культуры в эмиграции.

Структура книги логична и удобна для исследователя: тексты разделены по жанрам, а внутри каждого раздела расположены хронологически. Это позволяет проследить эволюцию взглядов Бунина — от критики модернизма в предреволюционные годы, через острую антибольшевистскую публицистику 1918–1919 гг., к мемуарам и размышлениям эмигрантского и послевоенного периодов. Особо примечателен раздел *Dubia*, демонстрирующий научную строгость составителей. Так, текст «Памяти А.Ф. Кони» (1921) не включен в основной корпус: составители аргументируют сомнения

в авторстве Бунина (нейтральный стиль, чрезмерная юридическая эрудиция, нетипичная подпись «И.Б.») и предполагают, что текст принадлежит перу сотрудника газеты, вероятно, адвоката Л.Б. Бернштейна (с. 1063). Таким образом, помещение материала в *Dubia* подчеркивает высокий уровень атрибуционной работы.

Текстологическая работа проведена на высочайшем уровне: тексты публикуются по последним прижизненным изданиям, автографам или авторизованным машинописям. Составители устранили ошибки предыдущих публикаций, в том числе искажения в 84-м томе «Литературного наследства» (1973) и жанровые неточности в сборнике «Публицистика 1918–1953 годов» (1998), где материалы часто воспроизводились по перепечаткам вместо первоисточников. Новое издание исправляет эти лакуны, предлагая строгое жанрово-хронологическое расположение и последовательную текстологию: сомнительные атрибуции снабжены аргументами, а авторские правки фиксируются в комментариях. Особое внимание уделено текстам 1920–1930-х гг., когда Бунин публиковался в «Последних новостях» и «Возрождении», где его антисоветские статьи нередко сокращались редакторами; здесь оригинальный авторский замысел восстановлен на основе архивных материалов.

Комментарии А.В. Бакунцева и С.Н. Морозова — это образец научной глубины и тщательности, занимающий почти 500 страниц. Они включают реальный (фактический) и историко-литературный анализ каждого текста, с отсылками к архивным материалам, переписке Бунина и современным исследованиям. Некоторые текстологические и историко-литературные преамбулы к очеркам, составленные со всей необходимой подробностью, прочитываются как интересные филологические детективы со своим особым сюжетом, проблематикой и драматургией (см. «Из “Великого дурмана”» (1919–1920), «Еще об итогах» (1922), «Миссия русской эмиграции» (1924)).

В отличие от относительно кратких примечаний издания 1998 г., где акцент делался преимущественно на биографическом контексте, комментарии нового сборника представляют собой настоящий научный подвиг. Составители идентифицируют лица и события, глубоко реконструируют интеллектуальный, литературный и социально-политический фон каждого текста, раскрывая скрытые аллюзии, полемический подтекст и сложную историю создания произведений. Образцовым примером служит комментарий к мемуарному очерку «Третий Толстой» (1950). Составители публикуют текст по авторизованной машинописи Йельского университета,

подробно описывают все этапы его подготовки и публикации в газете «Новое русское слово», фиксируют отсутствие одного листа, восстанавливают пропущенный фрагмент, отмечают авторскую правку Бунина и приводят его характерную просьбу к редактору: «Молю о самой тщательной корректуре и о сохранении моих знаков препинания!» (с. 989). Комментаторы приводят переписку Бунина 1949–1950 гг. с А. Седых и М.Е. Вейнбаумом, где писатель горячо защищает свои резкие суждения о Блоке и Толстом; скрупулезно сопоставляют текст очерка с источниками (прежде всего со статьей М.Б. Чарного 1947 г.), выявляют неточные и полемически заостренные цитаты и раскрывают исторический и литературный контекст каждого пассажа. Именно такой подход делает комментарий подлинным научным исследованием, позволяющим увидеть, как личная память Бунина переплетается с острой полемикой против советской мифологизации А.Н. Толстого и его собственным поздним осмыслением революционной эпохи.

Отдельно стоит остановиться на позиции составителей относительно «Окаянных дней» (1925, 1927, 1935). В предисловии они отмечают: «Вопреки распространенному сегодня мнению, мы не считаем “Окаянные дни” публицистикой» (с. 6). Обоснование дано в преамбуле к научному комментарию (с. 594–595): полноценный комментарий к этому произведению требует специальной работы, а его жанр ближе к художественному дневнику, нежели к публицистике. Мы полностью поддерживаем эту точку зрения. Этот подход позволяет избежать дублирования и сосредоточиться на менее известных материалах, таких как воззвания против большевизма или ответы на анкеты о будущем русской литературы.

Книга завершается хорошо продуманным справочным аппаратом, включающим условные сокращения, хронологический список произведений Бунина, вошедших в книгу, алфавитный список произведений, указатель периодических и продолжающихся изданий и именной указатель, которые в совокупности значительно облегчают навигацию по огромному массиву материала.

Таким образом, издание представляет собой выдающийся вклад в буниноведение, предлагая надежную основу для анализа литературного процесса Серебряного века, революции и русской эмиграции. Оно позволяет глубже понять Бунина не только как художника, но и как мыслителя, чьи публицистические тексты отражают трагедию русского XX в.: от утраты родины до поисков культурной идентичности в изгнании.

Поступила в редакцию 26.02.2026
Отредактирована 26.04.2026
Принята к публикации 16.06.2026

Received 26.02.2026
Revised 26.04.2026
Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Максим Станиславович Шавлинский — к.ф.н., старший научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской Академии наук; maxim.shavlinsky@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Maksim S. Shchavlinskii — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences; maxim.shavlinsky@gmail.com

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Лямина Е., Самовер Н.
Иван Крылов — Superstar. Феномен русского баснописца.
М.: Новое литературное обозрение, 2024. 760 с.; ил.**

К.Ю. Лаппо-Данилевский

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; yurij-danilevskij@yandex.ru

Аннотация: В монографии Е. Ляминой и Н. Самовер «Иван Крылов — Superstar. Феномен русского баснописца» (2024) подробнейшим образом рассмотрена биография Ивана Андреевича Крылова (1769–1844). При этом информация, сообщавшаяся о себе писателем, последовательно соотнесена с документами и свидетельствами его современников. Исследовательницы детально анализируют феномен фарсового поведения Крылова, целью которого было скрыть сомнительные факты ранней биографии и защитить свою приватную сферу. В монографии также анализируется история официальной трактовки его басен как воплощения «народности» и коммеморативные практики, связанные с Крыловым.

Ключевые слова: русская литература XVIII — первой трети XIX века; И.А. Крылов; литература и власть; коммеморативные практики

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-18

Для цитирования: Лаппо-Данилевский К.Ю. Рецензия на книгу: Лямина Е., Самовер Н. Иван Крылов — Superstar. Феномен русского баснописца. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 760 с.; ил. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 198–206.

**REVIEW OF THE BOOK: Liamina E., Samover N. Ivan
Krylov — Superstar. The Phenomenon of the Russian Fable
Writer. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2024.
760 p.; ill.**

Konstantin Yu. Lappo-Danilevskii

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; yurij-danilevskij@yandex.ru

Abstract: In the monograph by E. Lyamina and N. Samover, “Ivan Krylov — Superstar. The Phenomenon of the Russian Fable Writer” (2024), the biography of Ivan Andreevich Krylov (1769–1844) is examined in great detail. The information provided by the writer about himself is systematically cross-referenced with documents and testimonies from his contemporaries. The researchers thoroughly

analyze the phenomenon of Krylov's farcical behavior, the purpose of which was to conceal questionable facts of his early life and to protect his privacy. The monograph also examines the history of the official interpretation of his fables as an embodiment of "national character" and the commemorative practices associated with Krylov.

Keywords: Russian literature of the 18th — first third of the 19th century; I.A. Krylov; literature and authorities; commemorative practices

For citation: Lappo-Danilevskii K.Yu. (2026) Review of the Book: Liamina E., Samover N. Ivan Krylov — Superstar. The Phenomenon of the Russian Fable Writer. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2024. 760 p.; ill. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 198–206.

Название монографии Е.Э. Ляминой и Н.В. Савовер «Иван Крылов — Superstar. Феномен русского баснописца» приводит на память ряд исследований последнего времени о том, как тот или иной писатель «вышел в гении». Но, даже бегло пролистав книгу, несложно заметить, что круг рассмотрения Ляминой и Савовер куда шире, чем может предполагать эта формула, — это и сама личность Крылова в развитии, и то, как и почему он сам себя сделал баснописцем, и то, какие обстоятельства и кто из его окружения этому способствовал, и то, как еще при жизни складывались предпосылки посмертного культа писателя как выразителя русской «народности», то есть как возник, креп, а порой и давал трещины «феномен русского баснописца», важнейшей ипостасью которого стал «дедушка Крылов» — мифологическая фигура, которая продолжает жить в умах все новых и новых поколений главным образом благодаря школьному преподаванию и официозным установкам. Сама эта формула, поначалу добродушно-ироничная, впервые прозвучала в куплетах П.А. Вяземского, исполненных на праздновании 50-летия литературной деятельности Крылова 2 февраля 1838 г., но вскоре она была переосмыслена и взята на вооружение официозными кон-текстами.

«Введение», открывающее книгу, представляет собой обзор изданий Крылова XIX–XX вв. в сопряжении с важнейшими интерпретациями его личности и творчества, которые обычно сопутствовали им. Отправной точкой становятся книги, подготовленные П.А. Плетневым, ректором Петербургского университета и ближайшим сподвижником С.С. Уварова. Именно он формулирует в своем предисловии к первому «Полному собранию сочинений» Крылова 1847 г. понимание народности баснописца, определяемое исследовательницами как «всесословность, общепонятность и едва ли не мистическая слиянность с самим духом русского языка» (с. 13). И здесь, и в предисловии к однотомнику басен Крылова, опубликованному в том же 1847 г., заложен краеугольный камень в основание

биографического мифа о писателе как о гениальном русском самоучке, обладателе природного таланта, преодолевшем все преграды на пути самореализации, равнодушном к славе, но оцененном современниками и осыпанным благодеяниями высшей власти. Эта прямолинейная официозная интерпретация, насаждавшаяся при переизданиях произведений писателя и неоднократно вызывавшая иронические реакции, впервые подверглась критическому осмыслению в биографическом очерке поэта, написанном В.В. Каллашем для четырехтомного собрания сочинений Крылова (СПб., 1904–1905). В этой статье на место благостной картины гармонического сосуществования с современниками приходит подкрепленное фактами убеждение о «безысходном скептицизме и эгоизме писателя», внутренней драме, скрываемой под различными масками.

В советское время этот критический подход к плетневскому нарративу, усилив социологическую составляющую и говоря уже о «цинизме» Крылова, продолжил Г.А. Гуковский, наиболее полно сформулировавший свою концепцию во вступительной статье к «Полному собранию стихотворений» Крылова в «Библиотеке поэта» (1935). Как справедливо пишут Лямина и Самовер, «Гуковский, в сущности, лишь риторически трансформирует формулы своих предшественников, окружая их терминами “классовая позиция”, “подлинный радикализм”, “мелкобуржуазный бунтарь, не нашедший своей среды” и т. д.» (с. 23). В конце же своей статьи Гуковский практически повторяет основные положения Каллаша, делая упор на антиправительственный характер демонстративно-низменного поведения баснописца, говоря о «разрастании его цинизма».

Касаясь далее основных изданий Крылова второй половины XX-го и первых лет XXI столетия, Лямина и Самовер справедливо сожалеют о поспешности, с какой в 1945–1946 гг. было выпущено трехтомное «Полное собрание сочинений» Крылова, работа над которым была стремительно начата во время Великой Отечественной войны в связи с Постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР «О столетии со дня смерти И.А. Крылова» от 15 июля 1944 г., когда общенародно любимого классика решили «мобилизовать» на защиту страны. Зияющей культурной лакуной, по их мнению, следует признать отсутствие полного академического издания сочинений Крылова — и это несмотря на то, что имеются основательно подготовленные издания его басен и драматургии (соответственно А.П. Могиланским в 1956 г. и Л.И. Киселевой в 2001 г.). Что касается исследовательской литературы о Крылове, то, полагают Лямина и Самовер, многие достойные исследования до известной степени «повисают» в пустоте, будучи лишены опоры на большой обобщающий нарратив сопоставимого с ними научного качества.

Как нетрудно догадаться, на создание подобного нарратива и претендует книга «Иван Крылов — Superstar».

Себя исследовательницы ощущают теми, кто продолжает линию А.М., М.Я. и Я.А. Гординых, чьи работы сделали возможным «осмысление личности, биографии и творчества Крылова как целостного феномена, возникшего и развивавшегося в богатейшем историческом контексте» (с. 29). Но в отличие от Гординых, Лямина и Самовера, по их собственному утверждению, стремятся к фронтальной контекстуализации, к вовлечению в сферу исследования куда большего числа контекстов, чтобы «дать связное описание *стратегий* Крылова — коммерческих, литературных, поведенческих, а также стратегий создания и трансляции собственной мифологии» (с. 30). Исследовательниц, таким образом, интересует в первую очередь социальное бытование литературы, а художественные произведения оказываются поэтому оттеснены в книге на второй план.

Глава первая «Картежник, баснописец, классик» — интегральная, на нее в той или иной степени «завязаны» все остальные, что побуждает уделить ей особое внимание. Это биографический очерк, впечатляющий постоянным критическим соотношением информации, восходящей к самому Крылову, со сведениями из архивов и научных публикаций. Выстраивающаяся фабула сродни классическому плутовскому роману, герой которого из-за бедности и скромного происхождения должен полагаться на свою сметливость и предприимчивость, чтобы добиться жизненного успеха и респектабельности, а затем и забвения сомнительных походов юности. Реальный финал этой жизненной истории способен поспорить с самыми смелыми фантазиями авторов пикарескных романов — Крылов осыпан благодеяниями царственных особ, его басни издаются гигантскими для его времени тиражами и приносят ему огромные гонорары, а в последние годы он, удостоенный всенародной любви, находит тихий приют в семье своей внебрачной дочери, почитывая книжки ее пятерым детям.

При этом ранняя биография Крылова полна белых пятен и темных периодов. Достаточно упомянуть о том, что даже дата и место рождения писателя в точности не известны, а сама его жизнь с раннего возраста была переполнена драматическими перипетиями, подробно освещаемыми в книге «Иван Крылов — Superstar». Ранняя смерть Андрея Прохоровича Крылова, отца будущего писателя, 17 марта 1778 г. в возрасте сорока лет становится страшным ударом для его семьи, которая, казалось бы, обрела в Твери некоторое благосостояние после мытарств по провинциальным гарнизонам. Благодаря видной должности отца в Твери Крылов-младший был

обласкан в семействах наместника Т.И. Тутолмина и советника наместнического правления Н.П. Львова. В Твери же будущий баснописец, видимо, получил первые театральные впечатления. Юный Иван Крылов, еще в 1777 г., восьми лет от роду, записанный в статскую службу, после смерти отца поневоле становится главным кормильцем для матери и младшего брата, ибо никакими имениями Крыловы не владели. Несмотря на это будущий баснописец решается на весьма рискованный шаг — отлучиться в 1782 г. в столицу, а затем и перейти в тамошнюю службу.

Этот первый петербургский период жизни Крылова продлится до первой половины 1794 г. и будет наполнен попытками проникнуть в театральные круги и утвердиться в качестве драматурга. Крылову это почти удастся, но рискованный демарш — написание комедии «Проказники» (1788), направленной против Я.Б. Княжнина и его жены, — оборачивается фиаско и вызывает гнев П.А. Соймонова, влиятельного члена Комитета для управления зрелищами и музыкой. Лямина и Самовер склонны видеть в «Проказниках» обдуманый шаг к созданию скандала с целью привлечения к себе всеобщего внимания и упрочения литературной репутации. С этим трудно согласиться — скорее здесь имела место спонтанная и безоглядная выходка юного «бурного гения», оскорбленного высокомерием Княжнинных и наивно полагавшего, что он имеет право вступить с ними в борьбу на равных и что сможет в такой ситуации рассчитывать на симпатии и театральной администрации, и публики.

Разлученный с театром, Крылов обращает свой взгляд в сторону журналистики. Поначалу в этом ему оказывает поддержку вольтерьянец И.Г. Рахманинов, издавая в 1789 г. в собственной типографии «Почту духов». Малая насыщенность книжного рынка делала в конце 1780-х — 1790-х гг. многие издательские инициативы, как книжные, так и журнальные, весьма прибыльными. Именно коммерческими видами объясняется создание И.А. Дмитриевским, А.И. Клушиным, Крыловым и П.А. Плавильщиковым в конце 1791 г. паевого товарищества для учреждения типографии, заведения книжной лавки и издания журнала, выходившего в свет, впрочем, всего два неполных года — сначала под названием «Зритель», затем — «Санкт-Петербургский Меркурий».

То, что в 1791 и 1792 г. Крылов, тогда не служивший и не имевший постоянного источника дохода, смог внести в качестве своего пая в общей сложности весьма значительную сумму в 250 рублей, не без оснований подводит Лямину и Самовер к мысли о том, что уже в это время изрядную часть доходов Крылова составляла карточная игра. Некие «проказы», по позднейшему утверждению самого баснописца, побуждают его покинуть Петербург в первом полугодии 1794 г.

Исследовательницы проявляют, на мой взгляд, излишнюю осторожность, не будучи до конца уверенными в том, что фигурирующий в отчетах московской полиции за август 1795 г. игрок «подпоручик Иван Крылов» — это именно герой их книги, ибо тот никогда в военной службе не состоял. В основе подобных отчетов обычно лежали донесения неких агентов, так что в данном случае, скорее всего, передано то, как сам Крылов представлялся в кругах игроков. К тому же именно Василий Татищев, широко распахнувший картежникам двери своего московского дома, вскоре был подвергнут высылке из Первопрестольной вместе с другими игроками, и именно в его имении на какое-то время нашел прибежище Крылов. Видеть поэтому в Татищеве и Крылове патрона и клиента вряд ли правомерно, как это делают авторы книги. Их отношения были явно приятельские благодаря принадлежности обоих к игорному братству и несмотря на имущественные различия.

Картежничество, погружение в полукриминальную среду (впрочем, обо всем этом большей частью приходится лишь догадываться, ибо позднее Крылов стремился всячески затушевать эти аспекты своей биографии), годы, наполненные событиями, о которых писатель предпочитал умалчивать, — по мнению исследовательниц, все это довольно сложно найти в жизни других выдающихся русских писателей: «Ничего подобного нет в биографии ни одного из отечественных писателей первого ряда, тем более классиков» (с. 162). Со столь категоричным мнением сложно согласиться — достаточно вспомнить Г.Р. Державина, принадлежавшего к поколению отца баснописца. Также рано осиротевший, он должен был рано взять на себя заботы о матери и младшем брате. И хотя Державины, в отличие от Крыловых, имели и небольшие земельные угодья, и немного крепостных, но их доходы от этой собственности были ничтожны, и Державин, постоянно нуждавшийся в деньгах, вынужден был постоянно искать дополнительных прибытков.

В 1768–1770 гг. он почти на два года «выпал» из службы, задержавшись в Москве и чудом не разрушив свой карьеры. В Москве Державин оказывается втянут в картежные игры и аферы, чреватые для него серьезными последствиями, так что в марте 1770 г. он буквально бежит в Петербург. Осмыслением этого драматического опыта становится стихотворение «Раскаяние», при жизни Державина не напечатанное. Об этих двух «темных годах» он вспоминал позднее едва ли не с содроганием. Впрочем, и в Петербурге поэт не оставляет карт, но, приобретая необходимый опыт, играет уже намного осторожнее и потому успешнее. Также и в середине 1770-х гг., уже после возвращения в столицу после подавления пугачевщины,

карточные выигрыши составляют весьма важную часть доходов Державина, о чем он открыто пишет в своих «Записках».

Но сколь ни была успешна игра Крылова в карты, не имея постоянного заработка и надолго выпав из службы, он остро нуждался в покровительстве и поддержке сильных мира сего. Модель «патрон-клиент» с куда большей верностью, чем в случае с Татищевым, применяется исследователями к отношениям Крылова с С.Ф. Голицыным и к более поздним — с А.Н. Олениным. Взаимоотношения патрона и клиента предполагают не только покровительство первого, но и определенную «отдачу» со стороны второго, и если в случае Голицына она не очень ясна, то в случае Оленина она ожидалась в виде литературной продукции и культурного служения патриотическим ценностям.

Вернувшись в 1806 г. в столицу и заявив о себе как успешный драматург пьесами «Модная лавка», «Урок дочкам» и «Илья богатырь», Крылов доказал, что за годы вынужденного творческого бездействия его талант только окреп. Лямина и Самовер детально прослеживают, как вскоре на долгий срок складывается союз сановника и литератора, суливший второму из них возвращение в государственную службу и многочисленные поощрения. Они также справедливо отмечают, что именно «в ходе идейных и эстетических поисков оленинского круга были намечены контуры концепции национального характера, художественным воплощением которой стали басни Крылова» (с. 133). Это способствует благосклонному вниманию к его творчеству и двора, и представителей высших сфер — в первую очередь могущественного министра народного просвещения графа С.С. Уварова, — а также «огосударствливанию» Крылова, введению его басен, трактуемых как воплощение имперской «народности», в пантеон официальной идеологии.

Эпизод празднования пятидесятилетия литературной деятельности баснописца Крылова, крайне важный в контексте официализации его творчества, подробно рассматривается в главе второй «Grossvater. Крыловский юбилей и его контексты». Интрига борьбы между различными бюрократическими группировками, которые стремились перехватить друг у друга инициативу празднования, придает особенную увлекательность этому нетривиальному сюжету. В режиме постоянной корреляции с главой первой выстраивается глава третья «Прагматика фарса», где Крылов предстает как мастер еще одного малого жанра — комических сценок, которые им охотно разыгрывались или же существовали в виде анекдотов, охотно им рассказываемых и рассчитанных на дальнейшую ретрансляцию. Системность фарсового поведения Крылова сказывалась прежде всего в том, что он в течение многих лет целенаправленно

выстраивал образ собственной личности, который должен был стать ширмой между ним и его современниками. Фарсы Крылова, складывающиеся в разнообразные циклы (литературные, придворные и прочие), как убедительно показано в книге, преследовали две главные цели — скрыть подлинную биографию их автора и защитить сферу его приватности. Одновременно, чего уж греха таить, они помогали Крылову пользоваться благами и высочайшего покровительства, и всенародной любви.

Главы четвертая «Как Петербург хоронил баснописца Крылова», пятая «Чей дедушка?» и шестая «Крыловский монумент» посвящены важнейшим эпизодам посмертной судьбы Крылова — его погребению и сопутствовавшей этому атмосфере, шквалу некрологов и мемуарных статей, а также истории воздвижения знаменитого монумента в Летнем саду. Их стержневой сюжет — продолжение «огосударствливания» личности и творчества Крылова властями, предрежащими благодаря исключительной силы рычагам, находившимся в их распоряжении. Основное изложение завершается постскриптумом к шестой главе, посвященным появлению Крылова на памятнике «Тысячелетие России», торжественно открытом в Новгороде 20 сентября 1862 г. И это оправданно — вектор дальнейшего изучения и толкования творчества и личности Крылова был уже очерчен в предисловии, а их подробный анализ может стать темой отдельных исследований. В полуторастраничном «Вместо заключения» Ляминой и Самовер не остается ничего иного, как признаться в «главном открытии», которое они в конце концов сделали для себя, — а именно о том, что по настоящее время «феномен русского баснописца» «существует практически в том же виде, в каком он возник когда-то», и что «дедушка Крылов» сохраняет свои нерушимые позиции в коллективном бессознательном людей, говорящих по-русски, а русская речь и литература по сей день «полны крыловскими цитатами и пронизаны крыловскими аллюзиями» (с. 728).

Предпринятую в книге «Иван Крылов — Superstar» попытку широкой контекстуализации басне- и жизнетворчества Крылова, как и коммеморативных практик, ему посвященных, следует признать вполне удавшейся. Как было показано выше, возрождаемые и актуализируемые Ляминой и Самовер контексты более чем разнообразны — политические и идеологические, придворные, коммерческие, театральные, поведенческие, погребальные, чествований и юбилеев, литературных обедов, чудачеств, коммеморативные и др. Они неизменно релевантны, фактически насыщены и дают обильную пищу для дальнейших размышлений. Закрывая книгу, ловишь себя на желании перечесать всего Крылова от корки до корки и не только и, может быть, не столько соотнести написанное им с многообраз-

ными контекстами, сколько по-новому осмыслить для себя феномен его художественного таланта и его житейской мудрости.

Поступила в редакцию 25.10.2025

Отредактирована 18.04.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received 25.10.2025

Revised 18.04.2026

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский — д.ф.н., Dr. habil., ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; yurij-danilevskij@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Konstantin Yu. Lappo-Danilevskii — DSc in Philology, Dr. Habil. in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; yurij-danilevskij@yandex.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Лувэй Цзоу, Михайлова М.В.
Женская линия в русской поэзии: до и после Ахматовой.
М.; СПб.: Нестор-История, 2023. 204 с.**

М.С. Руденко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; liza_rudenko_1996@mail.ru*

Аннотация: Авторы монографии, рассуждая о проблеме литературной традиции Ахматовой, касаются широкого круга вопросов, прежде всего психологизма русской лирики XIX века с его патриархальным характером. В рецензируемой книге особое место занимает вопрос о преемственности лирики Ахматовой по отношению к «женской» поэзии — произведениям Е. Ростопчиной, М. Лохвицкой, К. Павловой. Новаторским представляется раздел, посвященный анализу поэзии М. Лохвицкой, поэта, по мнению авторов, недооцененного. В главе о влиянии Ахматовой на современниц особенно значимы оригинальные размышления авторов о творчестве несправедливо забытой В. Инбер. Монография представляет серьезный вклад как в историю русской лирики, так и в изучение специфики «женской» поэзии XIX–XX веков.

Ключевые слова: Ахматова; лирика; «женская» поэзия; «подахматовки»; Инбер; Лохвицкая; Ростопчина; патриархатный; психологизм

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-19

Для цитирования: Руденко М.С. Рецензия на книгу: Лувэй Цзоу, Михайлова М.В. Женская линия в русской поэзии: до и после Ахматовой. М.; СПб.: Нестор-История, 2023. 204 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 207–214.

**BOOK REVIEW: Luwei Tzou, Mikhailova M.V. The Feminine
Line in Russian Poetry: Before and After Akhmatova. Moscow;
St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2023. 204 p.**

Maria S. Rudenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; liza_rudenko_1996@mail.ru

Abstract: In discussing Akhmatova's literary tradition, the authors of this monograph touch upon a wide range of issues. First and foremost, this concerns the depiction of psychology in 19th-century Russian lyric poetry with its patriarchal character. The book under review particularly focuses on the continuity of Akhmatova's lyric poetry with "female" poetry — works of E. Rostopchina, M. Lokhvitskaya, and K. Pavlova. The section devoted to the analysis of the poetry of M. Lokhvitskaya, a

poet the authors believe to be undervalued, is innovative. In the chapter on Akhmatova's influence on her contemporaries, the authors' innovative reflections on the work of the unfairly forgotten V. Inber are particularly significant. The monograph represents a valuable contribution both to the history of Russian lyric poetry and to the study of the specifics of "women's" poetry of the 19th and 20th centuries.

Keywords: Akhmatova; lyric poetry; "women's" poetry; Akhmatova's epigones; Inber; Lohvitskaya; Rostopchina; patriarchy; psychology

For citation: Rudenko M.S. (2026) Book review: Luwei Tzou, Mikhailova M.V. *The Feminine Line in Russian Poetry: Before and After Akhmatova*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2023. 204 p. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 207–214.

К Ахматовой страшно приближаться: гениальные стихи изучены до последнего черновика, обстоятельства жизни выяснены, кажется, с точностью до минуты.

Как же быть, «что делать нам с бессмертными стихами?» На этот вопрос авторы монографии отвечают вслед за Мандельштамом: «Установление литературного генезиса поэта, его литературных источников, его *родства* и происхождения сразу выводит нас на твердую почву. На вопрос, что хотел сказать поэт, критик может и не ответить, но на вопрос, откуда он пришел, отвечать обязан». Но не менее существенным является и вопрос о влиянии мастера на следующие поколения, о заложенной им традиции.

На наш взгляд, в выяснении этого вопроса и заключается неоспоримый вклад Лувэй Цзоу и М.В. Михайловой в ахматоведение.

Начав с общего, но отличающегося научной полнотой очерка проблемы психологизма (глава «Истоки психологизма ранней лирики А.А. Ахматовой»), авторы сразу же задают ракурс воззрения на генезис Ахматовой: «Русский литературный процесс XIX века полностью контролировался патриархатными институциями... Это приводило к тому, что женщинам, если они хотели писать и печататься, приходилось принаравливаясь... к мужским стандартам» (с. 9).

Таким образом, констатируя очевидную связь Ахматовой с Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Некрасовым, авторы стремятся расширить наши представления о традиции Ахматовой, обращаясь к специфически «женской» поэзии: Ростопчиной, Павловой, Лохвицкой.

Однако разговор о «женской» традиции начинается с замечаний о традиции Тютчева, в том числе о драматизации лирического повествования. Это и взгляд «зрителя» на собственную драму, разыгрывающуюся словно на сцене, и диалогичность, выросшая из монологов лирического героя. Но теперь молчаливая слушательница

обращенных к ней монологов героя-мужчины обретает право голоса. Так из коротких реплик тютчевского «второго голоса» прорастает драматургичность поэзии Ахматовой, где женщина может победить в «роковом поединке», хотя и очень дорогой ценой: «любящая женщина у Ахматовой всегда преодолевает кажущуюся на первый взгляд для нее безвыходной ситуацию» (с. 41). Женщина Ахматовой отказывается от всецелой, требуемой патриархатностью поглощенности любовью. У нее появляется вполне мужской круг интересов и чувств, ради которых она может и отказаться от любви. Иными словами, лирическая героиня Ахматовой поднимается до «мужской» (или, точнее, общечеловеческой) системы ценностей, что было почувствовано первыми же читателями и критиками. В качестве примера такой позиции авторы подробно анализируют образцы ранней лирики поэта.

Отдельный раздел книги посвящен гендерному анализу облика лирических героинь Ахматовой и Ростопчиной. Хотя и не выявлены прямые высказывания Ахматовой об этой поэтессе XIX века, по мнению авторов, говорить о преемственности все же возможно. Лирическая героиня Ростопчиной выступает от лица женщины-дворянки, обреченной «на молчание, сдержанность, выполнение всех предписанных правил поведения» (с. 45). Но ведь и героиня Ахматовой, при всей новизне способов раскрытия ее внутреннего мира, создана по законам «петербургской поэтики», предписывающей лирическому герою любого гендера фактически те же черты. Да и обреченность «на поражение при соприкосновении с мужским миром» (с. 46) представляется неизбежной для женщины во все времена, как бы ни проявляла она свои чувства. Тем не менее нельзя не согласиться с авторами, что внутренний сюжет — чувства женщины — у обеих поэтесс один и тот же. Ростопчина обогащает традиции русского романтизма рядом новых психологических обертонів, как и Ахматова расширяет психологический диапазон русского модерна за счет сдержанной в обоих случаях исповедальности, и обе позволяют поэту высказать то, о чем светская женщина должна молчать. Обеих объединяет и понимание обреченности любви, подчиненной принятым в обществе гендерным ролям. Общей чертой можно признать и глубокое погружение в процесс творчества, признание важности поэзии. Но если Ростопчина прежде всего — дама из высшего общества, то лирическая героиня Ахматовой прежде всего поэт, что и делает ее представителем иной эпохи. Ростопчина призывает бороться со страстями при помощи рациональности, тем самым становясь вровень с твердым и холодным мужчиной и «вписываясь» в литературный канон, тогда как героиня Ахматовой уже чувствует себя на равных и поэтому не боится искренности.

Платоническая любовь ростопчинской героини молчалива, тогда как страстное чувство героини Ахматовой побуждает ее к драматизации, к диалогу. При этом важным для нее является не столько чувство к мужчине, сколько самоанализ, фиксация собственных сложных, подчас противоречивых чувств, что опять же свидетельствует об общечеловеческом характере лирической эмоции. Новым по сравнению с миром Ростопчиной является и обращение Ахматовой к фольклорно-песенным мотивам. Можно сделать вывод, что если героиня романтической поэтессы XIX века стремится сохранить свою душу, не дать мужчине себя растоптать, тем не менее признавая свою слабость и зависимость, то XX век как бы дарит поэту-женщине возможность вести диалог на равных, признавая, что любовные переживания — лишь одна из сторон в целом независимой жизни. Итак, по мнению авторов, если можно говорить о связи ахматовской лирики с тютчевскими психологическими новациями, то связь с Ростопчиной носит скорее типологический характер.

Указав на фактическое отсутствие значимых пересечений Ахматовой с Каролиной Павловой, авторы подробно останавливаются на неоднозначной фигуре Мирры Лохвицкой. Разделы, ей посвященные, на наш взгляд, носят поистине новаторский характер. Оказавшаяся в тени великих современников-символистов Лохвицкая с ее поэтическими опытами, полными неимоверно бурных страстей и всевозможных «экстазов», воспринималась как нечто почти курьезное, а на фоне лаконичных строк Ахматовой представлялась образцом несдержанности, противоречащей требованиям строгого вкуса. Однако авторы доказывают, что поэзия Лохвицкой, своего рода первооткрывателя интимной стороны женской души, является звеном, связующим классическую поэзию с модернизмом, в том числе с лирикой Ахматовой. В связи с этим представляется существенным обращение к художественному миру старшей поэтессы как отражению стремления человека завоевать свое место под солнцем. Активность жизненной позиции героини проявляется в живописании неистовых страстей и жгучих желаний, одновременно созвучном еще не наступившей новой эпохе и противоречащем скромной жизни жены и матери, которую вел биографический автор: «На фоне печальной поэзии покаяния и отказа от личного счастья страстный голос Лохвицкой прозвучал особенно громко, так как в ее стихах открыто утверждалась “свобода чувств, ощущение радости”... до Лохвицкой так искренне и смело о любви не “спела” ни одна поэтесса» (с. 67–68). Стремясь зафиксировать в своих стихах черты «новой женщины», но чуждая идеям эмансипации, Лохвицкая работает над образом лирической героини, не имеющей

ничего общего с биографическим автором, что приводит ее к необычной свободе и смелости в выражении чувств. Те же особенности авторы видят и в ранних произведениях Ахматовой, о предшественнице отзывавшейся более чем скупой.

Наследницы тютчевской линии, «дневникового» психологизма, стремившиеся воплотить всю сферу женских чувств, поэтессы воплощают их все-таки по-разному: Лохвицкая описывает одну и ту же эмоцию, сам момент любви, тогда как Ахматова, избегающая описательности, стремящаяся к динамике, новеллизму, изображению всей гаммы любовного чувства, быстро покидает очерченный круг любовной темы. Безусловный новатор в изображении «физиологии любви» (с. 73) среди женщин-поэтов, Лохвицкая продолжает эксплуатировать это открытие, тогда как героиня Ахматовой совершенно по-мужски признает его чем-то естественным, отказывается сосредоточиться на нем, в дальнейшем выйдя за его пределы к изображению личности, живущей в потоке истории: «Лохвицкой свобода нужна для демонстрации своих желаний и способностей, а Ахматовой свобода нужна для обнаружения своей сущности» (с. 79). Новаторским приемом авторы справедливо считают изображение Ахматовой будничной героини в противовес живущей яркими мгновениями экзотической героине Лохвицкой, демонстративно чуждающейся земли и земного, важнейших категорий в лирике Ахматовой. Бесспорной представляется мысль авторов об «ординарности» (с. 86) «райского» мира Лохвицкой, полного мечтаний и грез в отличие от «вещного» мира Ахматовой. Следует в этом контексте, вслед за авторами, обратить внимание на мотив времени. Это и признание «единичности, неповторимости, необратимости времени» (с. 102) у Ахматовой, и мысль об усложнении психологического содержания ее лирики «за счет соединения настоящего, прошлого и будущего» (с. 103), вписанности момента в цепь времен в отличие от Лохвицкой, оперирующей только мигмом настоящего. Психологизация у Ахматовой идет и за счет соединения в поле одного стихотворения различных пространств, что также отсутствует у Лохвицкой с ее «схематичным» (с. 104) хронотопом. Силу предшественниц Ахматовой авторы усматривают в искренности и точности в передаче ощущений, хотя «человеческий документ» не становится подлинным эстетическим явлением. В целом нельзя не согласиться с мыслью авторов о двойной функции лирики поэтов-женщин: это и эстетическое явление, и свидетельство существенных изменений в психологии женщины, стремящейся к равноправью.

Выводы и наблюдения не голословны: они вытекают из наблюдений над рядом стихотворений обеих поэтесс, проанализи-

рованных исчерпывающе подробно, что уже само по себе является ценным вкладом в изучение русской лирики.

Признавая важность первых двух глав монографии, следует отметить научную новизну третьей, заключительной главы, посвященной исследованию творчества «подахматовок» — продолжательниц традиций Ахматовой в XX веке. Не отрицая влияние поэта на лирику XX века в целом (разве нет его в творчестве А. Радловой и М. Петровых, А. Тарковского и Л. Чуковской и многих других?), трудно не заметить его в творчестве В. Инбер, Л. Копыловой, Н. Львовой. Именно на этих поэтов обращают внимание авторы, хотя, конечно же, этот список можно было бы значительно расширить.

И если лирика В. Инбер все-таки исследована, хотя советские ученые говорили скорее о «преодолении» в ней влияния модернизма, то разделы, посвященные Н. Львовой и Л. Копыловой, представляются новаторскими особенно в ракурсе психологического анализа, избранном Лувэй Цзоу и М.В. Михайловой.

Среди подражательниц Ахматовой авторы выделяют три типа: тех, кто подражательно использует внешние признаки поведения и самопрезентации лирической героини, тех, кто на основе этих признаков стремится создать свою манеру, и тех, кто вступает с Ахматовой в поэтический диалог, глубоко проникнув в ее художественный мир.

Так, подражательницей Ахматовой можно назвать Л. Копылову, использующую в своих стихах образы, навеянные ахматовской поэзией. Это и образ печальной героини, и образ природы, и сам «сюжет» любовного чувства. Однако в стихах Копыловой все «прописано» буквально: нет в них недосказанности, скрытого фона эмоций, тайны, сложной игры оттенков эмоций, что и создает магию простых строчек великой поэтессы. При помощи скрупулезного анализа стихотворений Копыловой авторы показывают, как очевидность и наглядность мешают созданию подлинных эстетических ценностей. Копылова стремится воспроизвести основные особенности ахматовской поэтической техники, в том числе самоценную деталь, новеллистический сюжет, диалогичность, теряя при этом ахматовские «косвенные» формы психологизма, ее уникальную «недосказанность», требующую, в традициях русского модерна, напряженной внутренней работы от читателя. Почти буквальное следование традиции и мешает Л. Копыловой создать неповторимый художественный мир, сопоставимый с миром столь ценимого ей поэта.

Иной путь выбирает совсем юная Н. Львова. Испытавшая влияние поэзии символизма в таких разных изводах, как бальмонтовская и брюсовская (усиленная личными отношениями с поэтом), поэтесса стремится создать синтез взятого из поэзии Ахматовой образа

нервной, изломанной лирической героини и черт поэзии футуризма, приближаясь тем самым к поэтической манере эгофутуристов. Героиня Львовой, кокетливая юная женщина, стремящаяся утвердить себя в мире мужчин благодаря поэтическим способностям, — скорее антитеза героини Ахматовой, под женской трепетной и нежной внешностью скрывающей по-мужски сильный ум и характер. По мнению авторов, «Львова заимствует типичную ахматовскую ситуацию диалога с возлюбленным или поклонником» (с. 135), как бы скользя по ее поверхности, «забирая» у Ахматовой внешнюю обстановку и характерные детали, но прибегая к помощи «средств футуристической поэтики» (с. 136). Стихи Львовой по сравнению с душевной динамикой ахматовской лирики кажутся статичными и однообразными, хотя ей и свойствен авангардистский эпатаж. Противоречивость души героини фиксируется при помощи броских образов, но не становится материалом для изображения пластики внутренней жизни. И если Ахматова словно выхватывает из потока мгновений самое «знаковое», приобретающее символический характер, то ни Львова, ни Копылова, увлеченные последовательным изложением событий, не могут в полной мере освоить «акмеистские сюжетно-композиционные парадоксы» (с. 138). В психологическом плане разделяющая идеи независимости и борьбы «новой женщины», Львова при помощи броской поэтики футуризма пытается оспорить главенствующую роль мужчины, не стремится к взаимопониманию, замкнувшись в некоем женском варианте эгоцентризма и тем самым предвзяв концепцию личности Марины Цветаевой. Говоря о Львовой, нельзя не сетовать на трагические обстоятельства, помешавшие раскрыться ее многообещающему дару.

Творческий путь В. Инбер — отражение путей русской культуры XX века. Опубликовав в 1910-е годы два сборника акмеистской ориентации, в ранние двадцатые она разделяет авангардистскую поэтику конструктивистов с тем, чтобы в тридцатые заявить о себе как приверженце соцреалистического метода и «инженере человеческих душ». Ее одаренность рано была оценена критикой, а любовь к миру и земным вещам находила отклик у читателей. Традиции Ахматовой Инбер органично вписывает в ткань своих ранних стихов, не подражая, но творчески используя открытия мастера. Это становится очевидным при анализе стихотворений Инбер, принятом авторами исследования. Сравнение с шедеврами ранней лирики Ахматовой — еще одно доказательство самостоятельности Инбер, по-своему интерпретирующей общие с Ахматовой мотивы и поэтические приемы. Так, обращаясь к мотиву времени, Ахматова глядит в прошлое, а ее историзм выражается во «вписанности» настоящего в цепь времен, категории памяти как этического импе-

ратива, тогда как героиня Инбер устремлена в будущее, понимая прошлое как материал для преодоления, в том числе и забвения. «Жизнелюбие» (с. 161) ранней Инбер авторы справедливо противопоставляют «трагически-жизнеутверждающей» ахматовской то-нальности.

Этот так интересно начатый, независимый от политической конъюнктуры разговор о творчестве Инбер, незаурядного поэта и сложного человека, требует развития и продолжения, как и сама тема «женской линии в русской поэзии», вклад в которую монографии Лувэй Цзоу и М.В. Михайловой представляется очевидным.

Поступила в редакцию 28.01.2026

Отредактирована 28.03.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received 28.01.2026

Revised 28.03.2026

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Мария Сергеевна Руденко — к.ф.н., старший преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
liza_rudenko_1996@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maria S. Rudenko — PhD in Philology, Senior Lecturer in the Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; liza_rudenko_1996@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ. АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО»

**Е.Л. Бархударова, О.Н. Короткова,
Л.В. Красильникова, Е.В. Потёмкина**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; e.barhudarova@mail.ru, korolga@mail.ru, likras@mail.ru,
kprisareva@yandex.ru*

Аннотация: 28–29 ноября 2025 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова прошла очередная VIII Международная научная конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного». Тематика пленарных и секционных заседаний охватывала следующие вопросы: научный, деловой и медиатекст как единица обучения РКИ; художественный текст в аспекте преподавания РКИ; звучащий текст в практике обучения РКИ; лексика, словообразование и функциональная грамматика в аспекте преподавания РКИ; лингвистическая текстология; лингвокультурология и проблемы межкультурной коммуникации в аспекте обучения РКИ.

Ключевые слова: текст; филология; русский язык как иностранный; лингводидактика

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-20

Для цитирования: Бархударова Е.Л., Короткова О.Н., Красильникова Л.В., Потёмкина Е.В. VIII Международная научная конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 215–227.

VIII INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“TEXT: PROBLEMS AND PERSPECTIVES.
ASPECTS OF STUDYING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE”

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e.barhudarova@mail.ru,
korolga@mail.ru, likras@mail.ru, kpisareva@yandex.ru*

**Elena L. Barkhudarova, Olga N. Korotkova,
Lidia V. Krasilnikova, Ekaterina V. Potemkina**

Abstract: On November 28–29, 2025, the Department of Russian for Foreign Students at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University hosted the 8th International Scientific Conference “Text: Problems and Prospects. Aspects of Studying Russian as a Foreign Language”. The topics of the plenary and sectional sessions included the following: scientific, business, and media texts as units of teaching Russian as a Foreign Language; literary texts in the context of teaching Russian as a Foreign Language; spoken texts in the practice of teaching Russian as a Foreign Language; vocabulary, word formation, and functional grammar in the context of teaching Russian as a Foreign Language; linguistic textology; linguoculturology, and the challenges of intercultural communication in the context of teaching Russian as a Foreign Language.

Keywords: text; philology; Russian as a Foreign Language; linguodidactics

For citation: Barkhudarova E.L., Korotkova O.N., Krasilnikova L.V., Potemkina E.V. (2026) VIII International Scientific Conference “Text: Problems and Prospects. Aspects of Studying Russian as a Foreign Language.” *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 215–227.

В 2025 году на филологическом факультете состоялась VIII международная научная конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного», организованная кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета при участии кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного. Конференция была посвящена памяти профессора Аллы Васильевны Величко. Было заслушано 117 докладов 142 участников.

28 ноября на торжественном открытии конференции ее участников приветствовал председатель Организационного комитета и.о. декана филологического факультета, д.ф.н., профессор А.А. Липгарт, который в частности отметил, что большое количество поданных на конференцию заявок подтверждает актуальность вопросов, определивших широкую тематику конференции.

Л.В. Красильникова поделилась своими воспоминаниями о профессоре А.В. Величко (01.01.1945–23.08. 2025), подчеркнув, что Алла Васильевна была поистине выдающимся специалистом в области

РКИ, чьи научно-методические работы знают и в России, и за рубежом. А кроме того, «она была хранительницей традиций нашей кафедры и нашей специальности».

Тематика докладов пленарного заседания отразила важнейшие задачи, стоящие перед современной лингводидактикой.

29 ноября прошли секционные заседания. Россия была представлена следующими городами: Екатеринбург, Казань, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Пермь, Петрозаводск, Ростов, Санкт-Петербург, Смоленск, Тверь, Уфа, Хабаровск. На конференции выступили также зарубежные исследователи из Армении, Великобритании, Венгрии, Германии, Израиля, Ирана, Испании, Италии, Казахстана, Китая, Кубы, Монголии, Республики Беларусь, Сербии, Словакии, Турции. Радостно отметить, что среди подавших заявки на конференцию были выпускники филологического факультета МГУ: Араба Халил Ибрагим, Чан Юйкай, Мехраби Кесарь, Ваджихе Резвани, Керо Хервилья Энрике Федерико, Рафаэль Гусман Тирадо, Дастамуз Саиде, Лан Тунтун, Янь Кай, Саранцацрал Цэрэнчимэд, Чанг Джуй Ченг, Ли Сыюй, Ли Исинь, Ма Цзинян, Садеги Сахлабад Зейнаб и др.

Пленарные заседания конференции открыл доклад Т.Е. Чаплыгиной (МГУ) «Текст в национально-ориентированном учебнике русского языка как средство мотивации учащихся коммуникативного типа», в котором были подробно рассмотрены преимущества учебных текстов диалогического и монологического типа, имеющих опору на аутентичные, актуальные по содержанию видеоматериалы, отражающие живую русскую речь. Во время своего выступления Т.Е. Чаплыгина представила обзор пособий для учащихся из Китая, ряда европейских стран и США.

Рафаэль Гусман Тирадо, выпускник аспирантуры филологического факультета МГУ (1991), профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета, в докладе «Перевод русской литературы как стимул к изучению русского языка» рассказал о многочисленных просветительских проектах, направленных на развитие научных и культурных связей между Россией и Испанией. В Гранадском университете ежегодно проводятся международные научные семинары, посвященные практике перевода произведений русской художественной литературы. В своем выступлении Р. Гусман Тирадо особо подчеркнул интерес зарубежных учащихся, будущих переводчиков, к новейшей литературе на русском языке: романам Е. Водолазкина и А. Варламова, творчеству Д. Данилкина и других современных российских писателей.

Л.П. Клобукова и Н.Д. Майоров (МГУ) представили совместный доклад «Проблемы отбора учебной текстотеки и цифрового форма-

та ее презентации в современной практике профессионально ориентированного преподавания русского языка как иностранного». Как подчеркнула Л.П. Клобукова, существенные изменения, происходящие в системе российской высшей школы, обуславливают необходимость подготовки нового поколения средств обучения РКИ. В докладе был представлен алгоритм создания современных специализированных учебных текстов, который включает в себя установление межпредметных связей в рамках специальности и учет комплексного и взаимосвязанного формирования и развития у инофонов навыков во всех видах речевой деятельности. Во второй части доклада Н.Д. Майоров представил краткий обзор существующих цифровых инструментов, направленных на развитие навыков чтения, аудирования, говорения и письма (онлайн-стикеры, интеллект-карты, цифровые аватары, инфографика и др.), который сопровождался информационно насыщенной мультимедийной презентацией.

В докладе В.В. Красных (МГУ) «Психологическая структура значения и преподавание русского языка как иностранного» была кратко рассмотрена история изучения проблемы сознательного и бессознательного в языке и представлена современная концепция единой психологической структуры значения, согласно которой, помимо лексикографической, психолингвистической и коммуникативной составляющих, значение включает в себя также эмоциональный и архаический компоненты. В качестве иллюстрации в докладе были представлены результаты анализа структуры значения слова «вода». В своем выступлении В.В. Красных особо отметила, что образы и оценки, которые характерны для языкового сознания и культуры, находят отражение в порождаемых носителями языка текстах, что необходимо учитывать при создании учебных словарей и пособий по русскому языку для иностранных учащихся.

И.В. Одинцова (МГУ) завершила пленарное заседание теоретическим докладом «Архитектоника текстов для начального и продвинутого этапов обучения в практике преподавания РКИ». Внимание автора было сосредоточено на сопоставлении двух типов текстов — «тематических примитивов» и «тематических ассоциативов», которые различаются особенностями текстообразующих концептов, спецификой их референциальных средств, логико-смысловой устроенностью, техникой понимания, характером дистанции между текстом и сферой компетентности, а также интересами и ожиданиями учащихся. Отметим, что исследование И.В. Одинцовой отражает становление нового направления русистики — когнитивной лингводидактики.

Значительный интерес у участников конференции вызвало обсуждение учебного, научного, делового и медиатекста в аспекте лингводидактики. Целый ряд выступающих обратился к актуальной теме, а именно — современных электронных ресурсов, в частности ИИ, в процессе обучения иностранному языку. С. Дастамуз (ун-т Альзахра, Тегеран, Иран) подчеркнула, что ИИ способен облегчить процесс обучения письму на русском языке для иранских студентов; С.В. Малявина (Мадридский университет Комплутенсе, Мадрид, Испания) обосновала использование цифровых платформ Quizlet и Kahoot! для геймификации процесса обучения русскому языку как иностранному; Лан Тунтун (Университет Внутренней Монголии, Хух-Хото, Китай) было предложено путем интеграции «умных инструментов» перевода, создания мультимодальной учебной базы и оптимизации гибридной модели обучения (онлайн и офлайн) повысить уровень практических навыков перевода и межкультурной коммуникации студентов. Ю.Ю. Мингалева (Москва) предложила лингвистические маркеры авторства, которые помогали бы отличить текст, написанный человеком, от текста, сгенерированного нейросетью, что сегодня актуально в обучении РКИ. Е.А. Гасконь (ТвГУ, Тверь) рассмотрела, как помочь взрослым учащимся подфака обходиться без ИИ и нейро-машинного перевода. В докладе И.А. Антоновой (МГУ) было отмечено, что при работе над текстом обычно используются все виды речевой деятельности. Но для китайских учащихся наиболее актуальными являются аудирование и говорение, помогающие исправить недостатки, связанные с использованием электронного переводчика. В докладе Е.Н. Тарасовой и Т.А. Павловой (РТУ МИРЭА) представлена актуальная для современного этапа обучения РКИ тенденция работы с аутентичными текстами (по теме «Города России») и их аудиоверсиями по QR-кодам, которая укрепляет рецептивные навыки, расширяет словарь, снимает культурно-языковые барьеры и усиливает мотивацию китайских учащихся. Т.А. Данилевская (АНО ДПО «Учебный центр русского языка») убедительно аргументирует эффективность использования мемов на занятиях по иностранному языку. Были рассмотрены способы создания мемов с помощью сайтов-генераторов, ИИ, а также авторские разработки. В докладе Е.В. Гертнер (УрФУ им. Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия), посвященном важности изучения текстов разговорного стиля в преподавании РКИ, было подчеркнуто, что материалом для занятий могут стать не только специальные учебные тексты, но и тексты, сгенерированные ИИ. Однако докладчик предупредил, что любые искусственно сгенерированные тексты требуют проверки.

Общими выводами ряда выступающих стали следующие утверждения: современные коммуникационные технологии могут быть не только стимулом при изучении РКИ, но и препятствием. Мотивация учащихся — это главная проблема, которую решает именно преподаватель (И.С. Черенкова, МГУ), ИИ должен использоваться как вспомогательный инструмент, а не как замена традиционного обучения (С. Дастамуз, ун-т Альзахра, Тегеран, Иран); интеграция действующих и новых образовательных технологий на основе искусственного интеллекта (персонализированный переводчик, тренажер актуальных терминов) и виртуальной реальности (VR) позволяет создать эффективную образовательную среду, значительно повышающую готовность студентов к продолжению учебы по избранной специальности (М.А. Бородина, Финуниверситет при Правительстве РФ, Т.Е. Владимирова, РУДН имени П. Лумумбы). А.Е. Евграфова (МГУ), описав особенности текстов в интернете, в качестве примера того, как объяснить новые правила создания письменных текстов в интернет-коммуникации иностранным учащимся и не нарушить правильность их литературной речи, приводит работу экспериментального Телеграм-канала «Россия и МЫ» китайских стажеров МГУ: t.me/+tkP5xqjWMZY5ZWUy. М.А. Мартынова (МИИГАиК) на материале документального фильма «Гагарин. Человек, сошедший с небес» (2024 г.) показала эффективность использования русских аутентичных текстов на начальном этапе обучения. О.Ю. Усачева (Липецкий филиал РАНХиГС), рассматривая дискурс социальных сетей в качестве разновидности медийного дискурса, выявила дискурсивные факторы, вызывающие определенного вида трансформации исходного текста в медийный (на примере новостного текста). Чжоу Цинцин (СПбГУ) предложил рассматривать устную историю как особую, уникальную разновидность автобиографического дискурса, чья специфика определяется спонтанностью речепорождения, диалогичностью, особым хронотопом и механизмами конструирования идентичности в непосредственном взаимодействии.

В ряде докладов рассматривался медиатекст в лингводидактическом аспекте. П.С. Черенкова (РУДН им. П. Лумумбы) констатировала, что медиатексты являются важным ресурсом для формирования всех компонентов коммуникативной компетенции на продвинутом этапе, так как именно они представляют аутентичный языковой и культурный контент. Е.А. Айсакова, Ж.С. Алексанян, Г.В. Николенко (МГУ) подчеркнули, что отбор медиатекстов для занятий по РКИ для иностранных журналистов должен учитывать такие критерии, как жанр, объем, лексическая сложность, структура, соответствие изучаемым темам, культурологическая ценность

и актуальность. В докладе А.С. Кобыскан и Е.А. Яковлева (Уфа) был раскрыт учебный потенциал современного медиатекста, поскольку он содержит богатейший материал для формирования актуальных языковых, коммуникативных и социокультурных компетенций, необходимых для полноценного взаимодействия в русскоязычной интернет-среде, и в то же время авторы доклада предупредили о некотором избытке в ней сниженной лексики и сложных культурных кодов.

В двух совместных докладах содержался анонс готовящихся учебно-методических работ. Е.С. Серова и Е.В. Потёмкина (МГУ) сообщили о готовящемся пособии по функциональной лексикологии для иностранных и российских студентов-филологов (разделы «Лексика как система» и «Методика преподавания русской лексики»), базирующемся на традиционных и новаторских подходах к обучению лексике в иностранной аудитории; М.М. Вереитинова и Ван Минь (МГУ) раскрыли методические основы будущего учебного терминологического словаря активного типа, адресованного китайским учащимся, способствующего овладению терминологической лексикой, а также лучшему усвоению различных подсистем русского языка в сопоставлении с родным языком.

Доклад Ц. Саранцацрал (Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия) был посвящен дипломатическим документам и их методической интерпретации. В докладах, посвященных научному стилю в аспекте лингводидактики, были затронуты следующие вопросы: текст как основа учебного материала при изучении иностранного языка и учет индивидуального опыта общения на родном языке (В.В. Мадоян, Ереванский университет международных отношений им. Ан. Ширакаци, Республика Армения); научный текст и его категории в лингводидактическом аспекте (Л.В. Красильникова, МГУ); лингводидактическая основа создания онлайн-курса по общенаучному стилю речи (A1-B1+), который обучает студентов понимать информационную структуру учебно-научного текста, работать с информационными блоками и помогает овладеть навыками преобразования учебного и научного текста во вторичные тексты (Д.В. Колесова, Т.И. Попова, СПбГУ); обучение навыкам реферирования научного текста иностранных студентов на занятиях по РКИ (Я.А. Саморукова, СПбГУ); вопрос о формировании учебной текстотеки аутентичных научных работ как основе обучения научной речи иностранных учащихся-филологов, приезжающих в магистратуру на стажировку (Ю.Ю. Кабанкова, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина); роль учебного текста в развитии у иностранных студентов коммуникативных навыков в профессиональной сфере (Н.В. Баско, МГУ); научный текст в аспекте этноориенти-

рованной лингводидактики (Е.В. Крапивник, Лю Цзяинь, ТОГУ, Хабаровск, Россия).

Наибольшее количество прозвучавших на конференции выступлений (30) было посвящено изучению художественного текста в аспекте преподавания русского языка как иностранного. Общие вопросы методики работы над художественным текстом в иноязычной аудитории, основы обучения иностранцев пониманию художественного текста, роль художественного текста в процессе формирования новой языковой личности были раскрыты в докладах Л.И. Богдановой (МГУ), М.А. Брянской (Казахстанский филиал МГУ), В.М. Касьяновой (МГУ), Н.В. Кулибиной (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина), А.А. Лебедева (Военный университет, МУ им. С.Ю. Витте), А.Г. Лилеевой (МГУ), Н.Н. Пуряевой (МГУ), О.В. Чагиной (МГУ). Ряд выступлений был посвящен анализу функционирования прецедентных текстов и высказываний в лингводидактическом контексте. К их числу можно отнести выступления Е.И. Селиверстовой (СПбГУ), Е.Г. Ростовской (МГУ), Е.Н. Вакуловой (Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ).

На конференции широко освещались проблемы изучения русской классики в курсах русского языка и литературы для иностранцев. В докладе М.А. Бороздиной (МГУ) рассматривались история и специфика восприятия романа И.С. Тургенева «Новь» китайской аудиторией. Ма Цзинян (Китайский нефтяной университет) в своем выступлении раскрыла особенности полисемии в художественных текстах Ф.М. Достоевского. В докладе Е.В. Потёмкиной (МГУ) и И.В. Ружицкого (ИРЯ им. В.В. Виноградова) был представлен анализ инокультурных интерпретаций произведений Ф.М. Достоевского (в иностранных фильмах, научных статьях и т. д.): такого рода исследования позволяют прогнозировать потенциальные искажения в восприятии и понимании учащимися художественных текстов.

В докладах Е.В. Ганапольской (СПбГУ), Н.В. Доронкина (МГУ, Нови-Садский университет, Сербия), О.В. Зубовой (МГУ), Гун Пин и И.И. Митрофановой (РУДН им. П. Лумумбы) рассматривались вопросы изучения в процессе преподавания русского языка как иностранного художественных произведений А.Н. и Б.Н. Стругацких, Д.А. Данилова, В.М. Шукшина, Е.Г. Водолазкина. Спектр трудностей, которые возникают в ходе анализа поэтических художественных текстов в иноязычной аудитории, составил проблематику докладов Е.А. Великановой (Петрозаводская государственная консерватория им. А.К. Глазунова) и Н.Г. Урванцевой (Петрозаводский государственный университет), А.А. Жуковой (МГУ), Цзя Мяо (МГУ).

Особенности работы в иноязычной аудитории над художественными текстами специфических жанров и тематик были отражены в выступлениях А.Ю. Мельниковой (МГУ), Е.В. Суровцевой (МГУ), Ж. Тяня (МГУ). Особо следует отметить доклады Х. Лерхер (Государственный педагогический институт и Государственная гимназия по экономике, Гейдельберг, Германия) и К.Б. Котиковой (МГУ), посвященные анализу текста сказки в аспекте обучения русскому языку как иностранному.

Серия докладов была посвящена проблемам развития межкультурной компетенции учащихся в процессе работы над художественным текстом в иноязычной аудитории: доклады Ду Цяо (Нанкинский университет, Китай), И. Микулацо (Университет Пулы им. Юрая Добрилы, Хорватия), И.И. Яценко (МГУ). Принципы разработки пособия по учебному переводу текстов различных жанров с русского языка на персидский были изложены в докладе Е.В. Полищук и Е.В. Суровцевой (МГУ).

Широко и разносторонне была представлена на конференции проблематика изучения и использования звучащего текста в практике преподавания русского языка как иностранного. Доклады охватывали большой диапазон аспектов лингвистического, лингвометодического и лингвокультурологического характера. Доклады Д.Л. Давидян (МГУ) и М.В. Фокиной (МГУ) были посвящены исследованию «отрицательного» языкового материала — фонетической интерференции и иностранного акцента в русской звучащей речи. В выступлении Е.Л. Бархударовой (МГУ) были подняты вопросы создания фонетического «портрета» иностранца в художественном тексте.

В центре внимания О.А. Прохвятиловой (РГГУ), О.А. Ефремовой (МГУ), О.В. Чаловой (МГУ), Х.И. Араба (Невшехирский университет им. Хаджи Бекташа Вели, Турция) стояли проблемы работы со звучащим текстом в иноязычной аудитории. К особенностям коммуникативной организации русского звучащего предложения и типам коммуникативных ролей словоформ привлек внимание в своем выступлении Ф.И. Панков (МГУ). В докладах О.Н. Коротковой (МГУ) и С. Крус-Касерес (Гаванский университет, Куба), Е.В. Моисеевой (МГУ) обсуждались проблемы построения курсов обучения русскому произношению и организации аспектных занятий по звучащей речи.

Об интересе к изучению лексики, словообразования и функциональной грамматики в аспекте РКИ говорит и число представленных докладов, и широта обсуждаемых в них проблем. Ряд докладов отражал семантико-синтаксическую направленность исследования грамматических явлений. В выступлениях О.К. Грековой (МГУ),

Ю.Л. Шапич (РЦНК «Русский дом», Сербия) речь шла об аспектуальной составляющей русского и сербского текста и ее компонентах. В совместном докладе Е.В. Галкиной, С.В. Краснощековой (Институт лингвистических исследований РАН) и Ван Илин (МГУ-ППИ, Китай) говорилось о средствах выражения эвиденциальности, о возможности создания базы эвиденциальных маркеров текста. Е.Н. Виноградова (МГУ) проанализировала русские средства выражения авторизации, построенные по модели «по + дат. падеж». В выступлении Н.А. Боженковой (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина) и Н. Садивовой (Прешовский университет, Словакия) обсуждалось употребление феминитивов и авторских вариантов номинации, порожденных носителями других языков. О грамматических особенностях художественного текста шла речь в докладе А.В. Уржи и Хуана Цзяяо (МГУ). Авторы проанализировали функционирование форм ирреального наклонения, выступающих как средство характеристики персонажей в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души».

Ряд докладов был посвящен лингвометодическому аспекту изучения грамматики. В выступлениях Н.В. Петровской (Университет Деусто, Испания), О.А. Корниловой (МГУ), А.В. Сапуновой (МГУ), Хань Сюэ (МГУ) детальный лингвистический анализ конкретных языковых явлений рассматривался сквозь призму их методического осмысления и презентации в иностранной аудитории.

Вопросы, связанные с изучением лексики в курсе РКИ, освещались во многих докладах. Выступление Е.М. Марковой (Экономический университет, Словакия) было посвящено синтагматике лексем, которые рассматриваются как важный элемент кодирования и декодирования текста. В докладе С.В. Киржановой (МГУ) основное внимание было уделено методике работы с фразеологизмами. Дуань Чжэньчжэнь (МГУ-ППИ, Китай) указала на важность формирования у иностранных учащихся навыков интерпретации оценочной лексики. Э.Ф. Кери Хервиля и А.М. Диас Ферреро (Университет Гранады, Испания) рассказали о результатах учебного проекта, основанного на применении оригинальной дидактической модели, способствующей формированию лексической компетенции у испаноговорящих студентов, будущих переводчиков. М. Хованец (Прешовский университет, Словакия) на ярком примере показал сложность перевода юридических терминов.

В ряде докладов был описан тезаурусный подход к введению лексики в практике обучения иностранных учащихся. Кесарь Мехраби (Университет Альзахра, Иран) рассказал об эффективности использования гнездового метода представления русской лексики иранским учащимся. О.А. Волошина (МГУ) проанализировала возможности применения словаря-тезауруса лингвистической терми-

нологии в преподавании теоретических дисциплин китайским студентам.

Написание учебных пособий занимает особое место в деятельности преподавателя РКИ. Этому аспекту было уделено особое внимание в докладах, представленных на конференции. О типологии упражнений, разработанных в процессе работы с учебно-научными текстами по программе «Менеджмент», рассказала Е.Н. Гулидова (МГУ). В.А. Маркова (МГУ) представила новое учебное пособие по лексике «Слово — речи основа», созданное на кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ, и познакомила с принципами его создания.

В докладах, посвященных «Лингвистической текстологии», были представлены результаты исследований оригинальных и переводных памятников церковнославянской книжности: списков «Пролога» XIV в. (В.В. Каверина, МГУ), львовской и острожской «Азбук» Ивана Федорова (1574 и 1578 г.) (Е.А. Кузьмина, МГУ), «Атласа» Блау середины XVII в. (Н.В. Николенкова, МГУ), церковнославянского перевода проповедей Петра Скарги в сборнике ГИМ, Син. 1202 второй половины XVII в. (Т.В. Пентковская, МГУ), перевода хроники Мартина Бельского «Kronika to jest historia świata» по рукописи ГИМ Син. 113 (З.В. Вальтер, МГУ). Чан Юйкай (Китай, Пекинский университет) обосновал необходимость использования результатов историко-лингвистических исследований в преподавании различных аспектов русского языка как иностранного.

На конференции рассматривались вопросы, связанные с изучением лингвокультурологии и межкультурной коммуникации в аспекте преподавания РКИ. По данной проблематике специалистами из России, Великобритании, Венгрии, Израиля и Китая было сделано 19 докладов.

Тематика докладов разнообразна. Проблемы, связанные с сопоставительным изучением лингвокультур, лингвокультурной интерференцией, прецедентными феноменами, были затронуты в докладах А.С. Мамонтова и Ле Ван Ань (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина), К.Н. Бухарбаевой (Католический университет им. Петера Пазманы, Венгрия), П.И. Сердобольской (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина), В.С. Дегтяренко (ВШЭ), Ли Сыюя (Шэньянский университет химической технологии, Китай). О лингвокультурологическом потенциале текстов различного типа шла речь в выступлениях С.А. Старовойтовой (МГУ), Е.П. Кузнецовой (МГУ). Важность учета социокультурной памяти при создании учебных видеотекстов подчеркивалась в докладе А.И. Любимой (издательство «Златоуст»).

В ряде докладов обращалось внимание на применение различных технологий в образовательном процессе. Дидактический потенциал

видеокейсов был рассмотрен в выступлении Н.А. Водиной (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина); методические основы технологии театрализации на примере работы с текстом русской сказки были раскрыты в докладе Е.Ю. Николенко и О.В. Хурмуз (МГУ); технология работы с ошибками в речи инофонов, осуществляемая в рамках эрратологической модели обучения, была представлена в выступлении А.С. Цховребова и Л.В. Московкина (СПбГУ).

Серия докладов была посвящена особенностям формирования межкультурной коммуникативной компетенции при обучении русскому языку во внеязыковой среде. Чжан Линь (МГУ-ППИ, Китай) проанализировала стратегии развития навыков межкультурного общения на примере учебных программ Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне и Пекинского университета иностранных языков. Ян Исинь (МГУ-ППИ, Китай) представила проект “City-walk”, демонстрирующий возможность практического освоения культурных феноменов во внеаудиторное время. Е.В. Геддис (РГПУ им. А.И. Герцена, школа “First Russian School Belfast”, Великобритания) познакомила с принципами создания линейки учебников «Мой русский язык» для детей-билингвов Швеции.

В центре внимания Дж. Ч. Чанга (Университет Чжэнчжи, Тайбэй) и Т. Кигель (Behazlaha-Center, Petah Tikva, Израиль) стояли проблемы выявления эквивалентных и уникальных метафор в родном и изучаемом языке, их перевода и употребления в межкультурной коммуникации. О.М. Сергеева (МГУ) на примере слова «ряд» и его дериватов показала возможность систематизации и категоризации объектов и явлений действительности. Особенности формирования вторичной языковой личности корейских и арабских учащихся в процессе изучения русского языка были отражены в выступлениях Д.С. Невоструевой (Новосибирский государственный университет), Т.В. Зуевой (РУДН им. П. Лумумбы).

ОБ АВТОРАХ

Елена Леоновна Бархударова — д.ф.н., профессор; заведующий кафедрой дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e.barhudarova@mail.ru

Ольга Николаевна Короткова — к.ф.н., доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; korolga@mail.ru

Лидия Васильевна Красильникова — д. пед. н., доцент, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; likras@mail.ru

Екатерина Владимировна Потёмкина — к. пед. н., старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; kpisareva@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena L. Barkhudarova — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; e.barhudarova@mail.ru

Olga N. Korotkova — PhD, Associate Professor at the Department of Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; korolga@mail.ru

Lidia V. Krasilnikova — Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; likras@mail.ru

Ekaterina V. Potemkina — PhD, Senior Teaching Fellow, Department of Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kpisareva@yandex.ru

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НОВОЕ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ
О ЛИТЕРАТУРЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.
К 65-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ»**

И.Н. Исакова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; mandala-1@yandex.ru*

Аннотация: Статья содержит аналитический обзор докладов, прозвучавших на прошедшей 4–5 декабря 2025 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова Международной научной конференции «Новое в литературоведении: тенденции и перспективы развития науки о литературе в современном мире. К 65-летию кафедры теории литературы». В мероприятии приняли участие около 100 исследователей из разных городов России и стран ближнего зарубежья.

Ключевые слова: теория литературы; понятийно-терминологический аппарат; цифровизация; компаративистика

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-21

Для цитирования: Исакова И.Н. Международная научная конференция «Новое в литературоведении: тенденции и перспективы развития науки о литературе в современном мире. К 65-летию кафедры теории литературы» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 228–233.

**INTERNATIONAL CONFERENCE “NEW DEVELOPMENTS
IN LITERARY STUDIES: TRENDS AND FUTURE PROSPECTS
OF LITERARY CRITICISM IN MODERN WORLD. ON THE 65th
ANNIVERSARY OF THE DEPARTMENT OF LITERARY THEORY”**

Irina N. Isakova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mandala-1@yandex.ru

Abstract: This article provides an analytical review of the presentations delivered at the International Conference “New Developments in Literary Studies: Trends and Future Prospects of Literary Criticism in Modern World. On the 65th Anniversary of the Department of Literary Theory”, held on December 4–5, 2025 at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. The event brought together approximately 100 researchers from various cities in Russia and neighboring countries.

Keywords: literary theory; conceptual-terminological apparatus; literary studies in the digital age; comparative studies

For citation: Isakova I.N. (2026) International Conference “New Developments in Literary Studies: Trends and Future Prospects of Literary Criticism in Modern World. On the 65th Anniversary of the Department of Literary Theory”. *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 228–233.

На филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 4–5 декабря 2025 г. прошла конференция «Новое в литературоведении: тенденции и перспективы развития науки о литературе в современном мире». Конференция, приуроченная к юбилею кафедры теории литературы, стала значимым событием в академической жизни, продемонстрировав ключевые направления развития современного литературоведения и его открытость новым методологическим подходам, интерес к компаративным исследованиям, широту охватываемых тем. Она совместила три ключевых направления развития современного литературоведения: теоретико-методологический (дальнейшая разработка и уточнение понятийно-терминологического аппарата литературоведения), цифровой (текст в эпоху высоких технологий, компьютерные методы, архивные проекты), сравнительно-литературный (диалог Востока и Запада, трансформации формальных и содержательных категорий литературоведения). Организаторам удалось выдержать баланс фундаментальности и актуальности: в программе органично сочетались доклады, посвященные классическому наследию (М.М. Бахтина, В.Е. Хализева, теории жанров, сюжетов и др.) и новейшим тенденциям (метамодернизм, цифровая атрибуция текстов, фьюжн-нарративы). Это демонстрирует способность литературоведения оставаться дисциплиной, способной систематизировать как традиционные поэтологические категории, так и остро современные, а также встраивать последние в устоявшийся понятийно-терминологический аппарат.

Конференция проходила в смешанном формате, в программу было включено около 100 докладов, охватывающих широкий спектр тем, связанных не только с теорией литературы, но и с историей культуры, философией, языком. Программа отражает стремление кафедры теории литературы к синтезу традиций и новаторских подходов, теоретической глубины и практической ориентированности. Докладчики представили ведущие российские университеты и научные учреждения, включая МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, ИМЛИ, Российский ун-т дружбы народов, НИУ ВШЭ, МГПУ, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, Московское высшее общевойсковое командное училище, Томский гос. пед. ун-т,

СПбГУ, Владимирский гос. ун-т им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Мордовский гос. ун-т им. Н.П. Огарева, Мордовский гос. ун-т им. М.Е. Евсевьева, Псковский гос. ун-т, Петрозаводский гос. ун-т, Нижегородский гос. пед. ун-т им. К. Минина, Волгоградский соц.-пед. ун-т, Московский ун-т им. А.С. Грибоедова, Государственный ун-т просвещения, Литинститут, МГИМО МИД, Военный ун-т им. князя Александра Невского МО РФ, Северный (Арктический) фед. ун-т им. М.В. Ломоносова, Казанский (Приволжский) фед. ун-т, Донецкую музыкальную академию им. С.С. Прокофьева, Ташкентский гос. ун-т востоковедения, ун-т «Синергия», ГПИБ, Госфильмофонд, Научный центр социально-экономического мониторинга. Среди участников, помимо филологов, были историки, культурологи, социологи, киноведы. В результате на конференции были представлены междисциплинарные исследования, в ходе обсуждения докладов специалисты в разных областях обменивались мнениями. Проведение конференции такого масштаба и уровня стало возможным благодаря последовательной поддержке и.о. декана филологического факультета, д.ф.н., проф. А.А. Липгарта.

В рамках конференции было проведено пленарное заседание, работали 3 секции: «Понятийно-терминологический аппарат литературоведения в историческом развитии и на современном этапе», «Текст и книга в условия цифровизации. Художественная речь». «Компаративистика и диалог культур: Восток — Запад».

На пленарном заседании были заслушаны доклады, каждый из которых представлял одно из актуальных направлений современного литературоведения: нарратологию и ее особенности в различных литературных родах, лингвопоэтику и ее связь с литературоведением, специфику литературного процесса, типологию литературных персонажей, выявление субъективности и истинности в исследованиях. В завершение пленарного заседания прозвучал мемориальный доклад, посвященный известным ученым, работавшим на кафедре теории литературы.

В первой секции, «Понятийно-терминологический аппарат литературоведения в историческом развитии и на современном этапе», внимание преимущественно было сфокусировано на актуальных теоретико-литературных аспектах, предлагались разнообразные подходы к исследованию художественной литературы. Выделялись исследования, направленные на изучение ключевых категорий и основных методов анализа литературных произведений. В ряде докладов осмыслялось соотношение понятий *текстология* и *поэтика*, *стилизация* и *интертекстуальность*, *фантастическое* и *мистическое*. Предлагались к обсуждению новые (и относительно новые) термины, способные описывать явления современного литератур-

ного процесса, обсуждался объем этих понятий, а также соотнесение их с традиционными для литературоведения: *«морбуальная литература»*, *пост-постмодернизм*, *метамодернизм*, *фьюжн*, — предлагалось применять термины из других гуманитарных наук к анализу художественной литературы (напр., *литературный бергсонизм*). Несколько докладов было посвящено понятию *нарратива*, его границам, а также методам анализа произведения в нарратологическом аспекте.

Однако больше внимания привлекла *аксиологическая тематика*. Вряд ли случайно, что в докладах фигурировали разные термины: *аксиологическая неоднородность*, *аксиологические основы*, *вечные ценности*, *правовые представления* (сформированные на основе ценностей, принятых в обществе). Это свидетельствует о том, что пока, видимо, нет точного термина, с фиксированным объемом значений, четко обозначенными в науке границами. В то же время очевидно, что в современной гуманитарной науке ощущается необходимость осмыслить как вечные ценности в их постоянном изменении в соответствии с новыми условиями человеческого существования, так и новые, появляющиеся в результате адаптации человечества к современным реалиям, с последующей рефлексией над этой адаптацией и ее результатами. В ряде докладов обсуждались ключевые концепции отечественных и зарубежных ученых, а также теоретико-литературные размышления критиков, писателей, поэтов, философов, богословов.

Доклады второй секции, «Текст и книга в условиях цифровизации, художественная речь», охватывали широкий спектр тем, связанных с функционированием литературного произведения в эпоху цифровизации. Затрагивались проблемы перевода произведений искусства в цифровой формат и вытекающие из этого вопросы достоверности оцифрованных текстов. Обсуждались цифровые методы атрибуции текстов, использование компьютерных технологий в филологии. Ряд докладов был посвящен выявлению возможностей цифровых изданий и роли цифровых архивов в работе литературоведов. Также анализировались наметившиеся тенденции в литературе и искусстве в целом в эпоху цифровизации, исследователи обратили внимание на влияние социальных сетей и больших данных на литературный процесс. Как отметили некоторые участники конференции, функционирование литературного произведения в цифровой среде активизировало интерес к психологизму, а также актуализировало мифопоэтическое мышление читателей. В ходе обсуждений участники отметили, что, хотя реалии, окружающие человека, принципиально изменились за последние несколько десятков лет, способы осмысления неизвест-

ного (малоизвестного) и удивительного фактически остались традиционными. Современные писатели используют мифопоэтические приемы для создания новых нарративов, которые мгновенно находят отклик у широкой читательской аудитории. Это позволяет создать глубокую связь с читателями, вовлекая их в процесс творчества, что в цифровой среде сделать намного проще. Таким образом, читатель получает больше возможностей для активного участия в создании художественного произведения.

Третья секция, «Компаративистика и диалог культур: Восток и Запад», без преувеличения стала главным событием конференции. На филологическом факультете это был первый опыт междисциплинарного диалога с востоковедами из разных организаций. Инициатива стала закономерным итогом многолетнего сотрудничества кафедры теории литературы с филологическими кафедрами ИСАА МГУ, а также с различными отделами ИМЛИ как в образовательной, так и в научной сфере. Представленные доклады касались арабской, персидской, китайской, индийской, монгольской, индонезийской и японской литературных традиций. Были затронуты вопросы трансформации жанров, поэтики, стихотворных форм, взаимодействие литературных традиций, эволюция мотивов и сюжетных схем, особенности рецепции западной поэтики в странах Востока, прозвучали доклады, посвященные представлению о героях и персонажах в разных литературных традициях (если в западноевропейской литературе герой часто выступает символом борьбы добра со злом, то в восточных традициях герой может представлять мудрость и духовное совершенствование). Исследования эволюции форм и жанров поэзии на фарси и иранского исторического романа показывают, как литературные формы меняются под влиянием новых культурных условий. Так, иранский исторический роман начала XX века отражает переход от традиционного стиля к современному, впитывая западные литературные техники, а вместе с ними и идеи. Анализ китайских и арабских поэтических традиций включает изучение исторических памятников, в том числе исторических хроник, дидактических произведений. Такие исследования помогают понять, как возникновение тех или иных жанровых форм было обусловлено различным пониманием художественной словесности, границы которой могут быть намного шире или пролегать в иной плоскости, чем, например, в античности. Следовательно, китайская и арабская поэтики поднимали вопросы, оставшиеся за рамками западноевропейских поэтологических трактатов. Изучая влияние западных литературных традиций на восточные и наоборот, исследователи раскрывают взаимопроникновение идей и стилей. Например, китайские и японские писатели адаптируют для своих читателей ев-

ропейские жанры и техники, создавая уникальные гибридные формы. Анализ современных тенденций в литературе, в частности, в китайской драматургии, позволяет утверждать, что современные писатели охотно экспериментируют с традиционными мотивами и образами, наполняя их актуальным содержанием. Изучение типологии женских персонажей в современных арабских романах показывает, как женские образы эволюционируют вместе с обществом. Реалистические произведения стремятся отразить социальные и политические условия, влияющие на жизнь женщин. На это обращает внимание и критика, в частности в Египте.

Вряд ли случайно, что именно эта секция обеспечила международный статус конференции благодаря участникам из стран ближнего зарубежья. Сотрудничество с востоковедами позволило расширить горизонты исследований, обогатило теоретический аппарат. В процессе обсуждения докладов предлагались новые термины, позволяющие, с одной стороны, сохранить специфику восточных литератур, а с другой — вписать эти национальные явления в систему литературоведческих универсалий. Это оказалось возможным в первую очередь благодаря тому, что секция собрала широкий круг специалистов: востоковедов, русистов, зарубежников, теоретиков.

Конференция продемонстрировала научные достижения кафедры теории литературы, а также стала серьезной заявкой на будущее. Удачное сочетание теоретических обобщений и межкультурного диалога задает высокую планку для дальнейших мероприятий. Организаторам, программному комитету конференции удалось создать в научном филологическом сообществе событие, которое будет способствовать дальнейшей интеграции отечественной филологии в международную научную сферу и укреплению ее роли как основы гуманитарного знания, а также укреплению русского языка на международной арене.

Поступила в редакцию 08.02.2026

Отредактирована 08.04.2026

Принята к публикации 16.06.2026

Received 08.02.2026

Revised 08.04.2026

Accepted 16.06.2026

ОБ АВТОРЕ

Ирина Николаевна Исакова — к.ф.н., доцент кафедры теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mandala-1@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina N. Isakova — PhD, Associate Professor, Department of Literary Theory, Faculty of Philology. Lomonosov Moscow State University; mandala-1@yandex.ru

ПАМЯТИ...

**СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ
СМИРНИЦКОЙ (14.12.1938–19.03.2026)**

Е.М. Чекалина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; etch1@yandex.ru*

Аннотация: В статье кратко описывается творческая биография Ольги Александровны Смирницкой (1938–2026), выдающегося отечественного германиста, скандинависта, переводчика древнеисландских литературных памятников, доктора филологических наук, заслуженного профессора Московского университета, лауреата Ломоносовской премии. Показана преемственность ее филологических исследований с научными трудами ее отца Александра Ивановича Смирницкого в области сравнительно-исторической грамматики германских языков, истории английского языка, рунологии, исторической поэтики древнеанглийских и древнеисландских литературных памятников и их перевода на русский язык. В научных трудах и переводах О.А. Смирницкой предложены новые нетрадиционные творческие решения, открывающие широкие перспективы для дальнейшего развития германской филологии.

Ключевые слова: германская филология; сравнительно-историческая грамматика германских языков; историческая поэтика; древнеанглийский язык; древнеисландский язык; перевод средневековых литературных памятников

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-04-22

Для цитирования: Чекалина Е.М. Светлой памяти Ольги Александровны Смирницкой (14.12.1938–19.03.2026) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 4. С. 234–240.

**IN MEMORY OF OLGA ALEXANDROVNA SMIRNITSKAYA
(14.12.1938–19.03.2026)**

Elena M. Chekalina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; etch1@yandex.ru

Abstract: The article outlines the creative biography of Olga Aleksandrovna Smirnitskaya (1938–2026), outstanding Russian germanist, scandinavist, translator of Old Icelandic literary monuments, Doctor of Philology, Professor Emeritus of

MSU, Lomonosov Prize laureate. It shows the continuity of her research with the works of her father Aleksandr Ivanovich Smirnitskij in the field of comparative-historical grammar of Germanic languages, history of the English language, runology, historical poetics of Old English and Old Icelandic literary monuments, and their translation into Russian. The unconventional creative solutions reflected in O.A. Smirnitskaya's research and translations opened up broad prospects for the further development of Germanic philology.

Keywords: Germanic philology; comparative-historical grammar of Germanic languages; historical poetics; Old English; Old Icelandic; translation of medieval literary monuments

For citation: Chekalina E.M. (2026) In Memory of Olga Alexandrovna Smirnitskaya (14.12.1938–19.03.2026). *Lomonosov Philology Journal*, no. 4, pp. 234–240.

В начале весны, в канун дня весеннего равноденствия, так любимого ею, ушла из жизни Ольга Александровна Смирницкая, выдающийся российский филолог-германист, скандинавист, доктор филологических наук, заслуженный профессор Московского университета. Вся жизнь Ольги Александровны была неразрывно связана с Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, где она трудилась более 60 лет. Но обращение к филологии, к литературе и языку случилось в ее жизни еще в детстве и юности; возможно, это было связано с тем, что она рано повзрослела. Когда Оле Смирницкой было 8 лет, умерла после тяжелой болезни Елена Мстиславовна (1908–1947), и воспитание девочки взяла на себя бабушка Мария Николаевна (1875–1950), в молодости окончившая уездную гимназию в г. Усмани Тамбовской губернии с правом преподавать русский язык и литературу [Смирницкая 2000: 8]. Ольга Александровна рассказывала мне, что в ранние школьные годы Мария Николаевна собирала девочек из ее класса в одной из комнат, бывшей детской, тогда уже сильно уплотненной пятикомнатной квартиры на Новинском бульваре и устраивала для них интересные тематические вечера с подготовленными заранее рассказами о русских писателях, о Пушкине и Льве Толстом. От родителей Ольга Александровна унаследовала любовь к живописи, способности к рисованию и очень красивый почерк. Александр Иванович проявлял большие способности к акварельной живописи и в 1919–1920 гг. учился в Училище живописи и ваяния, а Елена Мстиславовна — в Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС), а позже до начала войны и эвакуации в 1941–1942 гг. работала реставратором и копиистом древнерусских миниатюр в Историческом музее [Смирницкая 2000: 55]. Ее любимым на всю жизнь местом в Москве была Третьяковская галерея. Любимым русским художником, как и у Александра Ивановича, был Валентин

Серов, и в домашней библиотеке Ольги Александровны осталось большое собрание альбомов и книг о нем.

Позднее, когда Ольга Александровна училась в старших классах, Александр Иванович, писавший в то время работу об объективности существования языка, просил дочь прочитать эту работу и рассказать, что она думает о поставленных в ней вопросах языкознания [Смирницкий 1954]. В апреле 1954 г. Александра Ивановича не стало. В эти годы старшими товарищами Ольги Александровны были троюродная сестра Ольга Николаевна Селиверстова (1934–2001) и ее университетские друзья Елена Викторовна Падучева (1935–2019) и Андрей Анатольевич Зализняк (1935–2017), последний аспирант Александра Ивановича. Все они были в то время студентами филологического факультета и, чтобы поддержать ее после смерти отца, пригласили как-то в майские праздники на Ленинские горы смотреть салют. Наверное, тогда, молодыми, они говорили и о филологии, и об ученых-филологах. А через год после смерти Александра Ивановича Ольга Александровна поступила на филологический факультет Московского университета. Она рассказывала мне, что в школе у нее преподавали немецкий язык, и знала она его тогда неважно. При поступлении на филфак она сдавала английский, так как хотела учиться на английском отделении. Язык этот Ольга Александровна учила дома почти самостоятельно; никаких специальных занятий Александр Иванович, в то время много болевший и торопившийся написать задуманное, с ней регулярно не проводил. Вокруг были книги, но на английском языке читать их она еще не могла. Зато из английских писателей она очень любила и много читала на русском Оскара Уайльда и Чарльза Диккенса, уже тогда обращая внимание на фамилии переводчиков. Только поступив в университет, по ее же словам, Ольга Александровна по-настоящему стала осваивать английский язык и литературу. Она с благодарностью вспоминала занятия Эсфири Максимовны Медниковой (1920–1989), ученицы и автора первой биографической книги об Александре Ивановиче Смирницком [Медникова 1968], на которых они читали и анализировали любимые ею тексты Оскара Уайльда.

Окончив филологический факультет, Ольга Александровна прошла путь от аспиранта до профессора кафедры германской и кельтской филологии, став ученым мирового масштаба, чьи труды по истории германских языков, исторической поэтике и древнеисландской литературе послужили фундаментом для многих поколений исследователей. Как и отец, она выбрала путь ученого-исследователя и преподавателя Московского университета и стала признанным специалистом по германским языкам. Своими учителями Ольга

Александровна всегда считала двух выдающихся отечественных филологов — своего отца и профессора Ленинградского университета, основателя кафедры скандинавской филологии Михаила Ивановича Стеблин-Каменского (1903–1981). Об этом она говорила 27 декабря 1988 года на защите докторской диссертации «Стих и язык древнегерманской поэзии». Опубликованная в 1994 г. монография в двух частях в скромном ротационном издании на основе текста диссертации с тем же названием¹ была в 2001 г. удостоена Ломоносовской премии 2-й степени. Как написано в авторской аннотации, древнегерманский аллитерационный стих рассматривался в книге как архаическая система стихосложения, предшествующая метрическим системам европейской поэзии. Эволюция аллитерационного стиха в его отношении к древнегерманским языкам была представлена не только хронологически, но и стадийно, начиная со старших рунических надписей как его эмбриональных форм и кончая трансформацией в новые метрические формы, прежде всего в скальдический стих. Впервые столь широко рассматриваемая в контексте исторической поэтики, начиная с индоевропейского стиха, поэтическая лексика в «Беовульфе» и «Старшей Эдде» органично связывалась автором с поэтической грамматикой видовых противопоставлений в древних германских языках на основе сравнительно-исторических данных [Смирницкая 1977: 14–18]. В анализ поэтической функции грамматики глагола органично вошли, с одной стороны, семантика и композиционные возможности древнегерманских *ga-composita*, а с другой — функции древнеисландских эксплетивных частиц *of* и *um* в эддических песнях [Смирницкая 2021 (1994): 275–354]. Не менее значимыми для отечественной филологии по-прежнему остаются подготовка к изданию и переводы древнеанглийских [Древнеанглийская поэзия 1982: 171–312] и древнескандинавских литературных памятников [Младшая Эдда 1970: 9–98; Исландские саги, 1999, т. 1: 501–772, т. 2: 5–46, 371–434].

И в научных работах, и в преподавании, и в переводе литературных памятников Ольга Александровна всегда была образцом академической честности, безупречного вкуса и преданности филологическому призванию. Следуя традициям отечественной филологической школы, Ольга Александровна придавала важное значение издательской и редакционной работе в научных журналах. Эти свойства ее личности ярко проявлялись, когда она была заместителем главного редактора по лингвистике филологической серии журнала «Вестник Московского университета». Вместе с кельтологом

¹ В 2021 г. монография без изменений была переиздана в твердом переплете [Смирницкая 2021 (1994)].

доктором филологических наук Т.А. Михайловой Ольга Александровна стала также инициатором издания нового журнала-альманаха по исторической поэтике германских и кельтских языков, придумав ему и название «Атлантика. Записки по исторической поэтике», и его эмблемы, сначала в форме трех островных стран — Британии, Ирландии и Исландии — для скромного ротационного издания, а начиная с пятого выпуска журнала, который стал выходить в издательстве Московского университета, в виде корабля викингов, вписанного в составленную из букв названия окружность. Корабль был похож на замечательную деревянную модель, сделанную руками Александра Ивановича, которая по-прежнему стоит в ее комнате на одной из книжных полок.

Ольга Александровна Смирницкая прожила долгую, интересную, наполненную разнообразным творчеством жизнь, оставив яркий и глубокий след в памяти тех, кто был рядом с ней. Сохраняя в филологических исследованиях преемственность с научными трудами Александра Ивановича Смирницкого в области сравнительно-исторической грамматики германских языков, истории английского языка, рунологии, исторической поэтики древнеанглийских и древнеисландских литературных памятников и их перевода на русский язык, в своих научных трудах и переводах она смело предлагала новые нетрадиционные творческие решения, открывающие широкие перспективы для дальнейшего развития германской филологии, скандинавистики и исторической поэтики. Все мы — давние и недавние студенты, аспиранты, коллеги и друзья Ольги Александровны — благодарны и ей, и судьбе, которая свела нас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древнеанглийская поэзия. Литературные памятники. Перевод В.Г. Тихомирова, ред. О.А. Смирницкой. М., 1982.
2. Исландские саги: в 2 т. / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999.
3. Медникова Э.М. Александр Иванович Смирницкий. Серия «Замечательные ученые Московского университета». М., 1968.
4. Михайлова Т.А. От редактора // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Выпуск XI. М., 2013. С. 3–6.
5. Младшая Эдда. Перевод О.А. Смирницкой, ред. М.И. Стеблин-Каменского. Ленинград, 1970.
6. Смирницкая О.А. Александр Иванович Смирницкий. Филология XX века в биографиях. М., 2000.
7. Смирницкая О.А. Избранные статьи по германской филологии. Филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М., 2008.
8. Смирницкая О.А. Стих и язык древнегерманской поэзии. Т. 1–2. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Филологический факультет. М., 2021 (1994).

9. Смирницкая О.А. Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977. С. 5–127.
10. Смирницкий А.И. Лекции по истории английского языка (средний и новый период). Второе издание. М., 1998.
11. Смирницкий А.И. Объективность существования языка. М., 1954.
12. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. Из лингвистического наследия А.И. Смирницкого. Под редакцией кандидата филологических наук В.В. Пассека. Предисловие доктора филологических наук профессора О.А. Смирницкой. Издание второе, исправленное. М., 2007.
13. Чекалина Е.М. Смирницкая Ольга Александровна // Филологический факультет Московского университета имени М.В. Ломоносова. Очерк истории. 1941–2021. 4-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. проф. М.Л. Ремневой. М., 2021. С. 336–337.

REFERENCES

1. Chekalina E.M. Smirnitskaya Olga Alexandrovna In: *Filologicheskij fakul'tet Moskovskogo universiteta imeni M.V. Lomonosova. Ocherk istorii. 1941–2021* [The Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University. Historical Essay. 1941–2021]. 4th edition, corrected and expanded / Under the general editorship of prof. M.L. Remneva. Moscow University Publ., 2021, pp. 336–337. (In Russ.)
2. *Drevneanglijskaya poeziya* [Old English Poetry]. Literaturnye pamyatniki [Literary monuments]. Translated by V.G. Tikhomirov, red. by O.A. Smirnitrkaya. Moscow, Nauka Publ., 1982, 282 p. (In Russ.)
3. *Islandskiye sagi* [Icelandic Sagas]: in 2 v. Under general editorship of O.A. Smirnitskaya. Saint-Petersburg, 1999, v. 1 — 831 p., v. 2 — 360 p. (In Russ.)
4. Mednikova E.M. *Alexandr Ivanovich Smirnitskij*. Seriya «Zamechatel'nye uchenye XX veka [Series «Outstanding scientists of Moscow University»]. Moscow University Press, 1968 (In Russ.)
5. Mikhajlova T.A. Ot redaktora [From the editor]. In: *Atlantica. Zapiski po istoricheskoy poetike* [Atlantica. Notes on historical poetics]. 2013, issue XI, pp. 3–6. (In Russ.)
6. *Mladshaya Edda* [The Younger Edda]. Translated by O.A. Smirnitskaya, ed. by M.I. Steblin-Kamenskij. Leningrad, Nauka Publ., 1970. (In Russ.)
7. Smirnitskaya O.A. *Alexandr Ivanovich Smirnitskij*. Filoogiya XX veka v biografijakh [The Philology of the XX century in biographies]. Moscow University Press, 2000, 136 p. (In Russ.)
8. Smirnitskaya O.A. Evolyutsiya vido-vremennoj sistemy v germanskikh yazykakh [The evolution of the Tense-Aspect System in Germanic Languages]. In: *Istoriko-tipologicheskaya morfologiya germanskikh yazykov. Kategoriya glagola* [The Historical and Typological Morphology of Germanic languages. The category of the Verb] Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 5–127. (In Russ.)
9. Smirnitskaya O.A. *Izbrannye stat'i po germanskoj filologii* [Selected articles in Germanic Philology]. Philological Faculty. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2008, 471 p. (In Russ.)
10. Smirnitskij A.I. *Lektsii po istorii anglijskogo yazyka (srednij i novyj periods)*. [Lectures on the History of the English language (middle and modern periods)] Second edition. Dobrosvet, “University” Publishing House, 1998, 236 p. (In Russ.)
11. Smirnitskij A.I. *Objektivnost' sutshestvovaniya yazyka* [The objective existence of language]. Moscow, 1954, 33 p. (In Russ.)

12. Smirnitskij A.I. *Sintaksis anglijskogo yazyka* [The Syntax of the English Language]. Iz lingvisticheskogo naslediya A.I. Smirnitskogo [From A.I. Smirnitskij's Linguistic Legacy]. Edited by V.V. Passek. PhD. Preface by Smirnitskaya. Prof., Dr. Second edition, corrected. Moscow, LKI Publ., 2007, 286 p. (In Russ.)
13. Smirnitskaya O.A. *Stikh i yazyk drevnegermanskoj poezii* [Verse and Language in Old Germanic Poetry]. V. 1–2. PHILOLOGY. Lomonosov Moscow State University. Philological Faculty. Moscow, 2021 (1994), 453 p. (In Russ.)

ОБ АВТОРЕ

Елена Михайловна Чекалина — д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой германской и кельтской филологии филологического факультета имени М.В. Ломоносова; etch1@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elena M. Chekalina — Prof. Dr., Faculty of Philology, Head of the Department of Germanic and Celtic Philology, Lomonosov Moscow State University; etch1@yandex.ru

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2026. № 4. 1–240.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.